Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА и ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

На правах рукописи

ЛАДЕНКОВ Никита Евгеньевич

ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ

Специальность: 5.1.1 Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация
на соискание учёной степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Глушаченко Сергей Борисович
доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербург 2026 г.

Оглавление

Введение 3
1. Концептуальные основы соотношения современных цифровых технологий и механизма правового регулирования 15
1.1 Динамика изменений цифровых технологий: современное состояние и перспективы развития 15
1.2 Регулятивный потенциал механизма правового регулирования в условиях обновления цифровых технологий 38
2. Трансформация структуры и субъектного состава правоотношения под влиянием цифровых технологий 72
2.1 Проблемы наделения правосубъектностью цифровых конструкций и содержание правоотношений с их участием 72
2.2 Цифровые ценности как объекты прав 107
3. Изменения законодательства для адаптации системы права к цифровым технологиям 121
3.1 Взаимосвязь динамики правовой культуры и изменений законодательства при построении цифровой экономики 121
3.2 Потенциал правового эксперимента как метода правотворчества в рамках цифровизации 161
Заключение 182
Список литературы 190

Введение

Актуальность темы исследования.

Исследование интеграции цифровых технологий в правовую систему актуально в следующих контекстах.

Во-первых, в контексте формирования принципиально новой технологической среды взаимодействий на базе новых цифровых технологий. Данная среда оказывает существенное влияние на государство, право, экономику, политику и социальные процессы.

Во-вторых, в контексте формирования новых институтов права, не имевших аналогов в прошлом. Правовая система выступает в качестве средства или инструмента внедрения цифровых технологий в правоотношения: создаётся новая плоскость регулирования.

В-третьих, в контексте построения прогноза динамики правовой системы: исследования институциональных, структурных и доктринальных изменений права под воздействием цифровизации.

В-четвёртых, в контексте развития общетеоретических и научно-практических разработок в сфере теории государства и права. Действующие в России программные документы стратегического характера предполагают широкомасштабное внедрение новейших цифровых технологий. Однако законодательные новеллы по большей части не учитывают новые технологические возможности и не опираются на теоретические разработки теории государства и права.

В-пятых, в контексте выяснения способов функционирования новых правовых инструментов, например блокчейн технологии.

В-шестых, в контексте конструирования подходов к исследованию цифровых инструментов в праве, поскольку традиции исследования цифровых инструментов в доктрине не сформировано.

Влияние цифровых технологий на право является неоспоримым фактом. Однако для разработки эффективного механизма правового регулирования требуется выявление закономерностей взаимного влияния права и технологий.

Также актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска и формирования подходящей методологии исследования цифровых технологий и механизма правового регулирования.

Степень научной разработанности проблемы.

В той или иной степени большинство современных исследователей в области теории государства и права затрагивали отдельные вопросы, связанные с цифровизацией права.

Общие вопросы цифровизации и трансформации системы права рассмотрены в работах В. Н. Синюкова, А. В. Корнева, Т. Я. Хабриевой, Н. Н. Черногора, Л. Р. Бухоновой, В. В. Миронова, М. В. Залоило, Д. А. Пашенцева и других.

Блокчейном как технологией, оказывающей существенное влияние на право, занимались многие исследователи как в отечественной, так и зарубежной доктрине. Среди отечественных можно выделить А. И. Савельева, Л. Г. Ефимову, О. Б. Сиземову, Э. Сидоренко, А. Ю. Иванова, М. Л. Башкатова, Е. В. Галкову, Г. С. Тюляева, А. С. Пивненко, Л. Новоселову, В. М. Камалян, М. А. Егорову и других. Среди зарубежных — П. Де Филиппи, Л. Годефроу, Г. Гуерлин, Т. И. Кивиат, М. Каулартз, Й. Хескманн и других.

Трансформация источников права под влиянием цифровизации освящается в работах К. Рид, М. В. Залоило, Д. А. Пашенцева, С. Ф. Долгов, Д. Хоус и других.

Искусственный интеллект активно рассматривается учёными-правоведами как в области теории государства и права, так и в отраслевых юридических науках. Среди авторов работ можно выделить Т. Я. Хабриеву, Н. Н. Черногора, М. Н. Петренко, О. А. Ястребова, Г. А. Гаджиева, П. Саффо, Ю. А. Тихомирова, Н. Б. Крысенкову, С. Б. Нанбу, Ж. А. Маргушеву, А. В. Попову, В. В. Архипова, В. Б. Наумова, Э. Кастронову, П. Церка, Й. Григиене, Г. Сирбикуте, П. М. Морхата, А. В. Понкину, А. И. Редькину, А. А. Васильева, Д. Шпоппер, М. Х. Матаеву, М. Уиллика, М. М. Барбоса, Ф. П. Хуббард, М. Гонсалес, Т. Малган, Л. Соулум, С. Руза и других.

Несмотря на то, что отдельные вопросы взаимосвязи новейших цифровых технологий и права неоднократно попадали в поле зрения учёных, комплексного

теоретико-методологического исследования интеграции цифровых технологий в правовую систему так и не было проведено. При этом влияние цифровых технологий на жизнь общества возрастает и актуализирует потребность исследования данного влияния.

Наиболее существенные результаты исследования, обладающие научной *новизной и полученные соискателем лично.*

1. Конкретизирована взаимосвязь между технологическими революциями и глобальными изменениями в правовых системах и государствах. В рамках последней технологической революции б*о*льшее влияние на правовую систему оказывает блокчейн и искусственный интеллект, в особенности во взаимосвязи с Интернетом вещей. Архитектура технологии блокчейн выступает в качестве технологической основы для потенциального правового контроля за любыми цифровыми коммуникациями.

2. Смарт-контракты, как реализация технологии блокчейн, определены в качестве юридических фактов (юридических актов). Обосновано, что отношения, протекающие в рамках блокчейн (и многих других цифровых системах), требуют правового регулирования, в отличие от процесса создания технологической основы этих систем.

3. Впервые обоснованно зарождение цифровой подсистемы права как новой модели формообразования через действия субъектов в цифровой среде (цифровые трансакции). Определены источники права для цифровой подсистемы. Ими выступают обычай и новые, ещё не систематизированные источники права, основанные на программном коде и технических особенностях самой среды взаимодействия.

4. Предложены новые аргументы и контраргументы о наделении правосубъектностью искусственного интеллекта на основании предложенных в доктрине моделей. Сформулированы юридически значимые признаки искусственного интеллекта.

5. Для унификации терминологии предложена категория «цифровых ценностей» как благ, способных существовать исключительно в цифровой среде.

Некоторые объекты (например, криптовалюты, токены, «бонусные баллы» и т.п.) способны существовать исключительно в цифровой среде, имеет смысл выделить их в качестве единой общетеоретической категории.

Объектом исследования выступают общественные отношения, затронутые цифровизацией правовой сферы.

Предметом исследования являются институты правовой системы, появляющиеся и преобразующиеся под влиянием цифровизации.

Целью диссертационной работы является выявление общих закономерностей взаимодействия цифровых технологий и права, а также формирование системы теоретико-методологических основ цифровизации права.

В рамках поставленной цели *задачи диссертационного* исследования сформулированы следующим образом:

1. Обосновать влияние цифровых технологий на правовую систему;
2. Рассмотреть регулятивный потенциал нового механизма правового регулирования в цифровой среде;
3. Исследовать вопрос о наделении правосубъектностью цифровых конструкций и проблему содержания правоотношений с участием цифровых конструкций;
4. Проанализировать правовую природу цифровых ценностей в контексте объектов прав;
5. Рассмотреть изменения в законодательстве во взаимосвязи с правовой культурой;
6. Исследовать потенциал правового эксперимента для разработки законопроектов, связанных с цифровыми технологиями.

Источниковую базу исследования составили:

- Нормативно-правовые акты Российской Федерации, регулирующие отношения, затронутые цифровизацией: Конституция Российской Федерации, Национальные стратегии, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, законы субъектов Российской Федерации и иные нормативно-правовые документы;

- Зарубежные нормативно-правовые акты, регулирующие отношения, затронутые цифровизацией;
- Разработки теоретико-правовой и отраслевых юридических наук.

Методология исследования опирается на совокупность общенаучных и специально-юридических методов исследования.

Для выявления юридических черт новейших цифровых технологий особое значение имел системно-структурный анализ их функциональных возможностей и историко-правовой метод для конкретизации взаимосвязей развития технологий и динамики правовой системы.

При определении регулятивного потенциала механизма правового регулирования в условиях обновления цифровых технологий применялись методы структурно-функционального анализа и правового моделирования, на основании которых сделан вывод о зарождении цифровой подсистемы права.

Выводы о правосубъектности цифровых конструкций и правовой природы цифровых ценностей сделаны на основе компаративистского анализа и аксиоматического метода. С помощью формально-юридического метода определена наиболее оптимальная модель наделения правосубъектностью искусственного интеллекта и место цифровых ценностей в системе объектов прав.

Для выявления основных тенденций изменения законодательства и их взаимосвязи с динамикой правовой культуры использовались метод юридической герменевтики, формально-юридический метод, историко-правовой метод и метод правового моделирования.

Потенциал правового эксперимента и его формы были исследованы посредством метода юридической герменевтики и функционального метода. Рекомендации по совершенствованию правотворчества были сформулированы при помощи компаративистского анализа.

Положения, выносимые на защиту:

1. Доказано, что цифровые технологии создают новую правовую среду взаимодействия и потенциально любые цифровые коммуникации способны стать правовыми.

Новая правовая среда взаимодействия позволяет включить в правовое регулирование отношения, на которые классический механизм правового регулирования не мог оказать существенного влияния. Например, по доступу к информации или по обмену цифровыми ценностями. Предшествующие цифровые технологии, такие как Интернет, не вводили ничего принципиально нового для механизма правового регулирования: они не обеспечивали достаточной надёжности в передаче информации. Кроме того, ранние цифровые технологии могли влиять только на способ взаимодействия между субъектами. Новейшие цифровые технологии создают среду взаимодействий, не обладающую некоторыми важными свойствами материального мира (например, пространством в физическом понимании). Из-за появления новых явлений («смарт-законы», цифровые ценности и искусственный интеллект) для этой среды требуются иные подходы, не свойственные классическому праву.

2. Выявлено формирование новой относительно самостоятельной цифровой подсистемы права. Цифровая подсистема рассматривается не как параллельная область по отношению к классическому праву и не противостоящая ей совокупность, а как его новая, но органическая составная часть. В качестве основных признаков цифровой подсистемы можно выделить: регулирование отношений, складывающихся исключительно в цифровой среде; воздействие на правоотношения средствами самой среды; автоматизированное правоприменение.

Появление цифровой подсистемы права связано с тем, что классические методы правового воздействия не вполне адекватны в цифровой среде. Цифровая подсистема включает в себя нетрадиционные для права элементы, а именно — технико-информационные и естественно-технические элементы, например, «смарт-законы». Из-за данных элементов расширяется инструментарий механизма правового регулирования данными программными средствами. Правила, заложенные в программный код соответствующей среды, фактически становятся основным источником регулирования.

3. Разработана концепция «смарт-законов». «Смарт-законы» — это разновидность смарт-контрактов, определяющих допустимость применения того

или иного действия в рамках цифровой среды и предусматривающих алгоритмы восстановления прав при нарушениях в программном коде.

Применение технологии «смарт-законов» в сочетании с машиночитаемым правом могут решить проблемы специфики цифровой среды. «Смарт-законы» способны не допускать совершение неправомерных действий в рамках цифровой платформы. Вследствие этого получается оказывать воздействие на цифровые отношения и автоматизировать правоприменение.

4. Выявлено, что потребности бизнес-структур вынуждают наделить правосубъектностью искусственный интеллект. Это требуется для участия в экономическом обороте искусственного интеллекта от своего имени и обладания собственным имуществом (внесённым в качестве аналога уставного капитала учредителями и накопленным в качестве прибыли от хозяйственной деятельности), за счёт которого будет нестись имущественная (гражданско-правовая и административная) ответственность. Такой подход позволяет снизить финансовые риски бизнеса, в связи с чем будет усиливаться лоббирование наделения искусственного интеллекта правосубъектностью.

Для наделения юнитов искусственного интеллекта правосубъектностью по модели юридического лица предлагаются следующие юридически значимые признаками:

- самоадаптация, объективируемая в сравнительно уникальных самостоятельных решениях, вырабатываемых на основании собственного приобретенного опыта;
- способность вступать в социальные взаимодействия как с другими юнитами, так и с людьми путем совершения юридически значимых действий;
- автономность от оператора, достигаемая благодаря способности к самоподдержанию в работоспособном состоянии;
- отсутствие жизни.

5. Обосновано, что принятые поправки к законодательству, включающие в правовое поле цифровые ценности и самоисполнимость смарт-контрактов,

направлены на изменение правовой культуры. Поправки, направленные на изменение правовой культуры, нельзя назвать исчерпывающими.

В рамках корпорации или сообщества формируется самостоятельный пласт правовой культуры. На данном этапе изменения законодательства видится целесообразным стимулирование цифровизации посредством рекомендательных норм. При включении цифровых технологий путем диспозитивных норм нивелируются риски, связанные с избыточным или неточным регулированием, а значит для реализации Национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» требуется масштабное внедрение в правовое поле технологий посредством дополнительных поправок к законодательству.

6. Доказано, что требуется принять единое федеральное законодательство, закрепляющее случаи допустимости и основные правила проведения правого эксперимента (который проводится в разных форматах). На данный момент для каждого эксперимента принимается отдельный комплект нормативно-правовых актов, не связанных единым источником, что создаёт дополнительные риски нарушения прав граждан и организаций, а также нарушений публичного порядка.

При проведении правовых экспериментов необходимо учитывать масштабируемость и локальность. Локальность предполагает проведение эксперимента на ограниченной территории или в пределах организации, то есть в выделенном правовом поле. Масштабируемость подразумевает возможность использования результатов локального правового эксперимента для построения прогноза действия норм при внедрении их в централизованное регулирование. Локальный правовой эксперимент частично позволяет избежать «правового хаоса» и другие проблемы регулирования при стихийном правотворчестве.

Теоретическая значимость исследования обусловлена вкладом в концептуальное разрешение вопросов, связанных с цифровизацией права и возможностей правового регулирования различных общественных отношений в современных условиях. Предложенные концепции цифровой подсистемы права, «смарт-законов» и цифровых ценностей могут быть использованы для дальнейших исследований и построения теорий в рамках юриспруденции. Предлагаемые в

диссертации подходы к рассмотрению правовой системы могут дополнить существующую теоретическую базу для преподавания курса теории государства и права, а также написания научных работ и докладов.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования некоторых положений автора в правотворческой и правоприменительной деятельности компетентных органов в сфере IT-технологий. Предложены и обоснованы поправки к действующему законодательству.

В трудовое законодательство в качестве стимула необходимо добавить нормы, отсылающие к возможности использования новейших цифровых технологий. Подобные нормы укрепят идею о законности и допустимости подобных технологических решений, и тем самым окажут влияние на динамику правовой культуры.

В целях стимулирования цифрового оборота и уменьшения правовых рисков требуется внести дополнения в правила об офертах. Главу 28 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) следует дополнить положениями: «Оферта может быть выражена с помощью информационных технологий без дополнительного волеизъявления», а также «Акцепт может быть выражен с помощью информационных технологий без дополнительного волеизъявления». Данные изменения исключат возможность оспаривания выражения воли на заключение договора с помощью смарт-контракта.

Следует дополнить ст. 450 ГК РФ следующим положением: «В случае, если договор изменен или расторгнут по решению суда, условиями которого предусмотрено исполнение его сторонами при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями договора, стороны обязаны внести соответствующие изменения в информационную систему, используемую для исполнения обязательств, если такое исполнение не было осуществлено в полном объёме».

Аналогичные изменения требуются и для параграфа 2 главы 9 ГК РФ, в части последствий признания недействительной сделки, использующей технологию смарт-контрактов. Наиболее целесообразным видится дополнить п. 1 ст. 167 следующим содержанием: «В случае, если сделка, условиями которой предусмотрено исполнение её сторонами при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определённых условиями сделки, была признана недействительной, стороны обязаны внести соответствующие изменения в информационную систему, используемую для исполнения обязательств, если такое исполнение не было осуществлено в полном объёме».

Действующее регулирование оставляет нераскрытым вопрос, к какому виду доказательства можно отнести компьютерную программу. В соответствии со ст. 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) её нельзя отнести к письменным доказательствам, так как смарт-контракт не является текстом на естественном языке. Следовательно, требуется дополнить процессуальные кодексы новым видом доказательства — программой для электронной вычислительной машины (далее — ЭВМ).

Программный код смарт-контракта неинформативен для человека, не знакомого с особенностями соответствующего языка программирования. Отсюда возникает потребность в привлечении третьего лица для «подключения» смарт-контракта — технического специалиста. Данная необходимость требует специального регулирования правового статуса такого специалиста — соответствие требованиям (образование, регистрация в соответствующем качестве и т.п.) и юридической ответственности. Так как современная система права не предусматривает аналогичных норм, то видится наиболее целесообразным разработать новый нормативно-правовой акт в форме федерального закона, регулирующий вопросы, связанные с соответствующими специалистами. Наиболее эффективным видится создание саморегулируемых организаций.

Для унификации и преодоления части проблем правового эксперимента требуется принять единое федеральное законодательство, закрепляющее случаи допустимости и основные правила проведения правого эксперимента (учесть масштабируемость и локальность).

Степень достоверности и апробация результатов.

Выводы диссертации сделаны на основе анализа действующих нормативно-правовых актов, а также значительного количества теоретических источников, что дает основание говорить о достаточной степени достоверности исследования. Доклады по исследуемой проблеме были апробированы на международных и всероссийских научно-практических конференциях.

1. «Локальное регулирование цифровой экономики» на XVII межвузовской студенческой научно-практической конференции «Наука, образование и технологии в контексте глобальной конкуренции: взгляд молодых лидеров», Санкт-Петербург, 23 мая 2019 года.

2. «Локальное правовое регулирования цифровых отношений внутри сообщества» на XVIII международной научно-практической конференции «Наступившее будущее: новые форматы, смыслы и сущности образования», Санкт-Петербург, 24 октября 2019 года.

3. «Смарт-контракты в российском гражданском праве» на международной научно-практической конференции «Новеллы права, экономики и управления 2019», Гатчина, 22 ноября 2020 года.

4. «Преобразование правовой системы под влиянием цифровизации: постановка проблемы» на XIX международной научно-практической конференции «Смирновские чтения 2020. Ключевые вызовы наступившего десятилетия», Санкт-Петербург, 19 марта 2020 года.

5. «"Смарт-закон" как технология правоприменения» на XIX международной научно-практической конференции «Наступившее будущее: новые форматы, смыслы и сущности образования», Санкт-Петербург, 21 октября 2021 года.

6. «Влияние цифровизации на правовую культуру» на II международной научно-практической конференции «Цифровые технологии и право», Казань, 22 сентября 2023 года.

7. «Историко-теоретические аспекты регулирования защиты персональных данных» на III международной научно-практической конференции «Цифровые технологии и право», Казань, 20 сентября 2024 года.

Результаты, полученные автором в ходе исследования, нашли свое отражение в 12 научных публикациях, в том числе в 5 журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Соответствие паспорту научной специальности.

Диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности 5.1.1 Теоретико-исторические правовые науки: п. 13 «Цифровизация в государственно-правовой сфере», п. 15 «Социальная роль, ценность и функции права в современном обществе», п. 17 «Правовое сознание, правовая культура и правовое воспитание», п. 18 «Право и иные социальные регуляторы», п. 20 «Правообразование и правотворчество. Прогнозирование в праве», п. 21 «Правовая система, система права, система законодательства», п. 23 «Правовое регулирование» и п. 33 «Государство, право и научно-технический прогресс».

Структура диссертационного исследования.

Диссертация состоит из введения, трёх глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения, списка используемой литературы.

1. Концептуальные основы соотношения современных цифровых технологий и механизма правового регулирования

1.1 Динамика изменений цифровых технологий: современное состояние и перспективы развития[1]

Современная постиндустриальная стадия развития общества предполагает интенсивное появление цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности общества, что увеличивает объем виртуального пространства, в рамках которого происходят общественные взаимодействия. Развитие технологий позволяет применять их в наиболее важных общественных отношениях. Соответствующие процессы охватываются термином «цифровизация» — внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства.

Наряду с традиционной формируется новая реальность — виртуальная, цифровая. В рамках данной реальности преобразуются многие социальные институты, формы и способы взаимодействия. Развитие цифровых технологий стало одним из движущих факторов цифровизации права[2], затрагивая и механизм правового регулирования. Его роль в этом процессе двояка. С одной стороны, механизм правового регулирования выступает в качестве средства, инструмента внедрения цифровых технологий в правоотношения и создания новой плоскости регулирования. С другой, он сам подвергается воздействию цифровизации, что

---

[1] При написании данного параграфа были использованы материалы из следующих работ автора: Ладенков, Н. Е. Влияние технологических революций на право / Н. Е. Ладенков // Философия права. – 2022. – № 1(100). – С. 45-49.; Ладенков, Н. Е. "Смарт-закон" как технология правоприменения / Н. Е. Ладенков // Наступившее будущее: новые форматы, смыслы и сущности образования : Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 октября 2021 года / МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ АНАТОЛИЯ СОБЧАКА. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2021. – С. 63-72.; 173.Ладенков Н.Е. Цифровая подсистема права: зарождение и проявление / Н. Е. Ладенков // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 9. С. 8-12.; Ладенков, Н. Е. Смарт-контракты в российском гражданском праве / Н. Е. Ладенков // Новеллы права, экономики и управления 2019 : сборник научных трудов по материалам V международной научно-практической конференции, Гатчина, 22 ноября 2020 года. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2020. – С. 70-73.

[2] Карцхия, А. Цифровое будущее классической цивилистики / А. Карцхия // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2018. – № 5. – С. 35-46.

приводит к изменению образа права, созданию новых институтов, не имевших аналогов в прошлом. Это приводит к парадоксальной ситуации — наблюдается как усложнение процесса правовых коммуникаций, так и упрощение установления социальных взаимосвязей[3]. Таким образом, меняются научные взгляды на правовую систему, характеризующуюся относительной самостоятельностью, стабильностью и качественной определенностью и включающую: нормативно-правовую сферу, описывающую особенности внешнего и внутреннего строения права; идеологическую сферу, определяющую особенности правотворчества, правоприменения и толкования права в стране; и, наконец, идеологическую сферу, включающую правовую идеологию и правовую культуру общества[4]. Такие метаморфозы вызывают определенный научный интерес. Появилась необходимость прогнозирования результатов происходящих процессов. Но для этого необходимо их теоретическое осмысление.

Однако влияние новейших цифровых технологий ещё недостаточно изучено с позиций теории права. Без досконального анализа можно лишь гадать, как изменится сфера и свойства механизма правового регулирования, как изменится система источников права и сама структура права. Соответствующие тенденции уже наблюдаются в современном обществе. Всё более распространёнными становятся сообщества, построенные по кооперативным и общинным моделям. Чаще всего такие сообщества формируются в цифровой среде в виде финтеха и регтеха, что свидетельствует об укреплении самоуправленческих начал в современном обществе, прежде всего в его виртуальной части.

Отношение современных государств к соответствующим тенденциям в значительной части разнится. Некоторые воспринимают их как угрозу и пытаются запретить или взять под контроль криптосреду. Другие же, наоборот, создают

---

[3] Моисеенко, Ю. П. К вопросу о перспективной концепции государственно-правового регулирования правоотношений в сети Интернет / Ю. П. Моисеенко // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 87.

[4] Личичан О. П., Тирских М. Г. К вопросу о понятии правовой системы // Сибирский юридический вестник. 2008. №2. С. 27-32.

режимы регулятивных песочниц для изучения и скорейшего развития соответствующих тенденций.

Технологии и право всегда имели определённую взаимосвязь. При существенных изменениях в технологическом укладе жизни общества механизм правого регулирования неоднократно изменялся и в прошлом. Соответствующие изменения можно связать с так называемым технологическими революциями, начиная с неолитической революции и перехода к эпохе металлов и заканчивая широкомасштабным внедрением электричества и цифровых технологий.

Стоит отметить, что не любое появление новой технологии можно назвать технологической революцией, а именно последняя оказывает значительное влияние на механизм правового регулирования. Технологическая революция предполагает качественное изменение прежде всего процессов производства и распределения, что неизбежно влечёт изменение экономики. Право, в свою очередь находится в диалектической связи с экономикой, следовательно, оно также начинает изменяться. Но наблюдается и обратный эффект: в зависимости от содержания механизма правового регулирования право может как замедлять, так и ускорять процесс экономического развития, в частности, способствовать или препятствовать внедрению новых технологий в повседневную жизнь и производство. Зачастую право оказывает эффект «тормоза» при столкновении с технологиями, не имевшими аналогов в прошлом и наоборот, ускоряя их внедрение, если у других государств уже имелся соответствующий опыт.

Рассмотрим самую древнюю технологическую революцию — неолитическую. Считается, что в её рамках человечество перешло от присваивающей экономики к производящей. При таком типе хозяйства предполагается оседлый образ жизни и существенная концентрация людей на сравнительно небольшой территории. Увеличение численности населения, усложнение процессов производства и распределения изначально не столь увеличивало прибавочный продукт, сколь усложняло систему общественных отношений. Для управления всеми этими процессами потребовался ранее не известный человечеству аппарат управления в целях координации совместной

деятельности и перераспределения благ. Таким образом, возникают первые протогосударства и образовывается цивилизация. В юридической науке почти аксиоматично, что право и государство взаимосвязаны и не могут существовать друг без друга, следовательно право начало формироваться в древности из мононорм и традиций.

Дальнейшее развитие технологий в области сельского хозяйства позволило прокормить большее количество людей на меньших территориях, тем самым способствуя возникновению городов и уже государств — таков путь появления первых государств Междуречья и Египетского царства. Основной функцией таких государств было обеспечение всего населения необходимыми продуктами питания, однако у них стали появляться и неэкономические функции. Государства также стали обеспечивать и правопорядок, что впоследствии стало одним из основных направлений деятельности государства. А. В. Корнев отмечает, что одной из важнейших функций древнеегипетского государства было правосудие[5].

В последующие века развивающиеся технологии также преображали процессы производства и структуру общества. Наиболее ярко это проявилось в отказе от рабского труда в пользу колоната в поздней Римской империи.

Стоит отметить, что на малоосвоенных территориях, например, на колонизированных землях в Новом Свете, актуальность рабского труда возрастала. Дело в том, что рабовладение неэффективно при значительной технологизации процесса производства, в частности, сельского хозяйства. На колонизированных территориях обычно предпочитали не нести на неё дополнительные издержки, в отличие от Старого Света, где большая часть известных на тот момент сельскохозяйственных технологий уже была внедрена.

Вопросы рабства также отражались и в праве. Во времена гегемонии Древнего Рима рабство, с точки зрения права, представляло нечто естественное, отражение природного неравенства. Современные позиции прямо противоположны — рабство рассматривается как противоречащее праву явление.

[5] Корнев, А. В. Технологические революции и право / А. В. Корнев // История государства и права. – 2019. – № 5. – С. 4.

Подобные изменения во взглядах зародились не в самом праве, а прежде всего в экономике — рабство стало утрачивать прибыльность. Однако не стоит забывать, что и остальные сферы жизнедеятельности общества оказывали определённое воздействие.

Отметим, что полный отказ от рабства произошёл не в поздней Римской империи, а только к XIX-XX векам[6]. Однако тенденции к пересмотру соотношения объекта и субъекта права были положены именно в римский период. Отчасти это было отражено в трудах поздних римских юристов, но большая часть теории римского права была забыта после падения Рима.

Теория римского права была регенерирована лишь в позднее Средневековье и раннее Новое время в стенах европейских университетов. Поступательное развитие сельскохозяйственных технологий, происходящей в эти периоды, едва ли можно назвать технологической революцией, так как эти технологии принципиально не меняли быт людей и основные производственные цепочки.

Следующей существенной вехой можно назвать четыре революции в Западной Европе, последовательно сменивших друг друга. Они начались с религиозной революции, изменившей представления о Боге и человеке. Затем произошла научная революция, принесшая новые методы изучения окружающего мира, открывающие почти безграничные возможности перед человечеством. Научная революция позволила создавать машины и фабрики, тем самым открыв дверь третьей революции — промышленной, изменившей как процессы производства, так и распределения материальных благ. Данные изменения экономики отразились на обществе, изменив быт людей и социальную структуру. Это привело к буржуазным революциям, сформировавшим, по сути, современное общество, отличающееся от средневекового. Возникла новая цивилизация, которую мы знаем как современный Запад[7].

В рамках диссертационного исследования целесообразно сконцентрироваться на последней. Она наибольшим образом связана с

[6] Рабство встречается в современном мире не на государственном уровне.
[7] Сочинения. Т. 21 / Маркс К., Энгельс Ф.. - 2-е изд. - М.: Госполитиздат, 1961. - 745 с. 495.

технологическими революциями, так как затрагивает саму технологию производства. Промышленную революцию, в свою очередь, можно разделить на несколько последовательно наступивших революций.

Первая промышленная революция длилась с 1760-х по 1840-е годы. В этот период произошёл переход от ручного к механическому производству. Среди наиболее значимых изобретений можно выделить паровой двигатель, который повысил эффективность производственных процессов и расширил возможности для транспортировки грузов и пассажиров. Благодаря ему уменьшилось количество требуемых людских ресурсов для конкретного материального производства, что позволило перенаправить их в другие секторы экономики. Кроме того, транспортные возможности позволили увеличить мобильность ресурсов, тем самым уменьшив издержки и увеличив рынки сбыта. Новые технологии не только перестроили экономику, но и изменили структуру общества, что привело к буржуазным революциями. Последние, в свою очереди, выступили катализатором изменений механизма правового регулирования. В данный период времени начало складываться право в привычных для нас формах. Наиболее ярким примером выступают кодексы Наполеона[8].

В конце XIX века произошла вторая промышленная революция. Её основным достижением можно отметить широкомасштабное использование электроэнергии и переход к конвейерному производству. Конвейер не только позволил уменьшить количество людей, вовлечённых в производство материальных благ, но и начать выпуск так называемых массовых продуктов. Параллельно с данными изменениями стал преображаться и механизм правового регулирования. Изменения коснулись как структуры, так и содержания, что выразилось в появлении новых отраслей права и расширении прав и свобод человека и гражданина.

Во второй половине XX века наступила третья промышленная революция, также называемая научно-технической революцией, при которой на первый план

[8] Ладенков, Н. Е. Влияние технологических революций на право / Н. Е. Ладенков // Философия права. – 2022. – № 1(100). – С. 47.

вышло нематериальное производство — общество начало входить в информационный век. Среди наиболее значимых и важных для нашего исследования последствий революции является появление персональных компьютеров и сети Интернет.

Существует позиция, которая утверждает, что уже началась четвертая промышленная революция[9]. Среди её черт выделяют широкое распространение сети Интернет, миниатюрные вычислительные устройства с высокой производительностью, искусственный интеллект на основе машинного обучения[10]. На наш взгляд, подобные заявления о четвертой промышленной революции несколько преждевременны. Технологические новинки существенно изменили производство и быт людей, однако они сами по себе не представляют ничего принципиально нового, а являются крайне существенным развитием технологий, зародившихся ещё в 1960-х[11]. Но благодаря широкомасштабному внедрению данных технологий во все сферы человеческой жизнедеятельности в значительной степени модернизировалось производство и появилась новая среда для взаимодействия субъектов правоотношений. Таким образом, цифровые технологии не только коренным образом преобразили процессы производства, но и создали новую среду для взаимодействия между субъектами.

В новой среде классические инструменты механизма правового регулирования показали низкую эффективность. Также достижения иных наук поколебали многие правовые концепции, что повлияло на правосознание как на обыденном уровне, так и на профессиональном[12].

---

[9] Ткаченко, И. Ю. Возможности наднационального регулирования цифровой экономики в странах БРИКС / И. Ю. Ткаченко // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 5. – С. 100.

[10] Корнев, А. В. Технологические революции и право / А. В. Корнев // История государства и права. – 2019. – № 5. – С. 6.

[11] Азизов, Р. Ф. Правовое регулирование сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Азизов Рашад Фикрат оглы. — СПб., 2017. — 331 с.

[12] Ладенков, Н. Е. Влияние технологических революций на право / Н. Е. Ладенков // Философия права. – 2022. – № 1(100). – С. 48.

Так как процесс цифровизации права начался совсем недавно, мы пока не можем проанализировать эффект в полной мере и сделать вывод о его положительных или отрицательных качествах. Можно согласится с Я. В. Гайворонской, что при решении одной проблемы цифровизации возникает следующая[13]. Однако, стоит отметить, что процесс цифровизации уже предоставляет неоценимый опыт в познании процесса развития права, выявлению закономерностей и т.п.

Особый интерес вызывает пересечение правового регулирования с иными нормативными регуляторами в образуемых социальных институтах. Именно в таких пересечениях формируется образ нового механизма правового регулирования. Может показаться, что механизм правового регулирования не подвержен существенным трансформациям под влиянием цифровизации, так как он сохраняет свои субстанциональные признаки и продолжает регулировать общественные отношения, штатно реагируя на все технологические новинки. Однако при более детальном анализе становится заметно, что новейшие цифровые технологии способны влиять на регулятивный потенциал механизма правового регулирования, создавать новую методологию регулирования и нивелировать эффективность некоторых традиционных институтов права. На данный момент до конца не ясны пределы трансформации правовой системы, однако, будет ошибочным отрицать зарождение новой правовой эпохи. Е. В. Михайлова предлагает использовать термин «модернизация» вместо «трансформация». С этой позицией отчасти можно согласиться, так как часть правовой системы претерпевает лишь незначительные изменения[14]. Тем не менее «традиционное», «нецифровое» видение права, юридических технологий и отдельных видов юридической деятельности является следствием отсутствия соответствующих научных разработок, выявляющих и объясняющих влияние процесса

[13] Гайворонская, Я. В. Нескромное обаяние цифровизации / Я. В. Гайворонская, О. И. Мирошниченко, А. Ю. Мамычев // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 44.
[14] Михайлова, Е. В. Цифровизация права в контексте его сущности и применения / Е. В. Михайлова // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 7(161). – С. 86.

цифровизации на механизм правового регулирования и правовую сферу жизни общества.

Таким образом, цифровизация влияет на право не только как на систему норм, но и как на реально складывающиеся упорядоченные отношения и виды юридической деятельности. Однако было бы ошибочным считать, что происходящие в праве изменения вызваны исключительно цифровизацией. Динамика права определяется и другими процессами, такими как глобализация, межгосударственная интеграция и другие. Данные процессы взаимосвязаны, но они имеют разную природу и, как следствие, ведут к разным последствиям для правовой системы.

Следует обозначить общественные отношения, базирующиеся на цифровых технологиях и оказывающие наиболее значительный эффект на право:

1. С участием нетипичных субъектов — искусственный интеллект, виртуальные и цифровые личности, требующие юридически значимой идентификации;
2. Складывающиеся по поводу нетипичных объектов, существующих исключительно или в значительной степени в цифровой среде;
3. Протекающие в цифровой среде, основанной на новейших цифровых технологиях.

С юридической точки зрения одной из самых интересных технологий выступает искусственный интеллект. Подобные технологии способны изменить представления о правосубъектности. Кроме того, они значительно влияют на формы деятельности человека. Простейшие разновидности искусственного интеллекта уже интегрировались во многие общественные отношения, связанные с финансовыми операциями и учётом имущества. Однако появляются и более сложные юниты, способные самостоятельно вступать во взаимоотношения с человеком. Некоторые эксперты утверждают, что примерно через 20 лет из-за развивающихся информационных технологий и искусственного интеллекта отпадет необходимость в управлении человеком автомашинами и самолетами, юристы останутся без работы, поскольку все спорные правовые вопросы

компьютер станет обрабатывать в сотни раз быстрее и точнее[15]. Это актуализирует вопрос о соотношении субъекта и объекта правового регулирования.

Связанной с искусственным интеллектом технологией выступает Интернет вещей (Internet of Things, IoT) — глобальная сеть, состоящая из малых сетей и уникально идентифицируемых объектов (вещей), способных взаимодействовать друг с другом без вмешательства человека через IP-подключение[16]. Особое значение имеет такой подвид как индустриальный Интернет вещей, под которым понимают применение Интернета вещей в отраслях промышленности[17]. В сочетании с технологиями искусственного интеллекта он позволяет в значительной мере автоматизировать процесс управления производством, что окажет значительное влияние как на отрасль трудового права, так и уже актуализирует вопросы правосубъектности.

Другой заслуживающей внимания технологией выступает блокчейн. Данная технология выглядит наиболее перспективной для выстраивания цифровых взаимодействий. Это связано с её надёжностью и открытостью. Правила, заложенные в программный код соответствующей среды, фактически становятся основным источником регулирования. Некоторые исследователи отмечают, что при отсутствии (или неадекватности) правового регулирования машинный код начинает оказывать мощное воздействие на содержание и характер соответствующих общественных отношений и становится чуть ли не главным их регулятором[18]. В таком ключе данная технология начинает оказывать значительное влияние на динамику права, что вызывает необходимость анализа соответствующей среды. Но для этого необходимо обозначить границы данной технологии.

---

[15] Мацкевич, И. М. Причины экономической преступности : учебное пособие / И. М. Мацкевич. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – С. 58

[16] Карцхия, А. А. Цифровая революция: новые технологии и новая реальность / А. А. Карцхия // Правовая информатика. – 2017. – № 1. – С. 16.

[17] Семеновская Е. Индустриальный Интернет вещей: перспективы российского рынка. IDC Market Spotlight, 2016. С. 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.company.rt.ru/projects/IIoT/study_IDC.pdf (дата обращения: 31.08.2025).

[18] Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9(261). – С. 13.

Идеи безопасного распределенного хранения и оборота информации впервые начали обсуждаться специалистами информатики в 90-е годы XX века. Однако не существовало алгоритма, обеспечивающего согласованное подтверждение операций, и доступные мощности компьютеров не были достаточны для хранения больших копий реестра. В 2008 году Сатоши Накамото изобрел новый способ достижения социального консенсуса — хранение информации в форме последовательной цепочки блоков, позволяющего надежно подтверждать истинность всех транзакций в системе (сообществе) без участия специального органа (участника, регулятора, арбитра). Такую технологию он назвал блокчейн[19]. Одной из первых практических инноваций технологии было создание Биткоин (Bitcoin) в 2009 году. Это цифровая валюта (криптовалюта), которую можно использовать для быстрых личных или бизнес-транзакций с меньшими издержками. Кроме того, Биткоин позволяет производить обмен валюты без третьих лиц и несет в себе информацию обо всех произведенных транзакциях.

Крупным нововведением является «масштабированный блокчейн» (blockchain scaling). Первоначальная версия технологии блокчейна подразумевала обработку каждой транзакции всеми вычислительными устройствами в сети, что существенно ограничивало производительность системы в целом. «Масштабированный блокчейн» ускоряет процесс, сохраняя заданный уровень защиты данных, рассчитывая, сколько в данный момент компьютеров/ узлов необходимо для проверки каждой транзакции и эффективного разделения работы. Управлять количеством «решающих узлов сети» без ущерба для безопасности и надежности технологии блокчейна — сложная, но разрешимая проблема. Ожидается, что масштабированный блокчейн будет достаточно быстрым, чтобы

[19] Ладенков, Н. Е. "Смарт-закон" как технология правоприменения / Н. Е. Ладенков // Наступившее будущее: новые форматы, смыслы и сущности образования : Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 октября 2021 года / МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ АНАТОЛИЯ СОБЧАКА. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2021. – С. 63-72.

обеспечить Интернет вещей и составить конкуренцию основным платежным посредникам (VISA и SWIFT) банковского мира.

Специфика технологии заключается в том, что:

- у всех участников имеется актуальная копия реестра;
- обновление реестра происходит синхронно у всех участников;
- внесение новых данных осуществляется достижением консенсуса;
- история всех транзакций доступна для участников.

Данные особенности позволяют блокчейну выступить в качестве технологической основы для потенциального правового контроля за любыми цифровыми коммуникациями.

В настоящее время традиционной технологией хранения и распределения данных является архитектура централизованных систем, в которых присутствует единственный источник достоверных данных — либо узел, либо несколько узлов, но с единым управляющим звеном. В контексте сетей распределенных реестров узлами называются устройства, на которых установлено соответствующее программное обеспечение и которые совместно ведут распределенные базы данных. В такой системе узлы участников сети подключаются друг к другу для обмена и подтверждения информации. Это существенно отличается от традиционной архитектуры централизованных систем тем, что узлы взаимодействуют на основе равных прав. Распределенные реестры позволяют вести актуальные копии базы данных на нескольких узлах, тем самым обеспечивая повышенную операционную устойчивость.

На данный момент сети распределенных реестров имеют большой потенциал для внедрения в финансовой сфере: платежей, клиринга, расчетов и других операций. Также наблюдается активное развитие и внедрение рассматриваемой технологии в нефинансовой сфере. Кроме этого, использование технологии распределенных реестров может способствовать радикальному изменению системы обслуживания и хранения данных, урегулирования обязательств, исполнения контрактов и управления рисками. Соответственно, технологии распределённых реестров с каждым годом интенсивно расширяются и

развиваются, обретая всё более продуктивные и производительные модификации и классификации.

Важной инновацией в технологии распределенных реестров стала технология смарт-контрактов, воплощенная во второй блокчейн-системе Эфириум (Etherium), созданной непосредственно в классическом блокчейне. Небольшие функциональные (специализированные) программы-приложения в Эфириум обеспечивают выпуск токенов, делающих возможным создание таких финансовых инструментов, как займы и облигации в системе распределённого реестра.

На данный момент соответствующие технологические возможности не нашли своего полного отражения в законодательстве[20]. Однако в доктрине уже много лет ведётся дискуссия о правовой природе данных технологий.

Рассмотрим подходы в научной юридической литературе к понятию смарт-контракта. По мнению П. Де Филиппи, смарт-контракты представляют собой «компьютерные программы, которые облегчают переговоры, проверяют и обеспечивают исполнение контракта или могут даже устранить необходимость в базовом договоре между сторонами»[21]. Бесспорным является утверждение, что смарт-контракты — это всегда компьютерные программы, работающие исключительно в рамках блокчейна. Данные программы позволяют автоматизировать процесс вступления в правоотношения, исполнения обязанностей и прекращения правоотношений при наступлении определённых юридических фактов, зафиксированных в электронной системе. Данные признаки смарт-контрактов больше отображают их функциональную часть, чем юридическую. Так как системы права различных стран имеют свои специфические особенности, стоит сконцентрировать внимание на отечественных исследованиях.

---

[20] Гармашев, М. А. Смарт-контракт как договор. Виды, способы заключения и совершения, проблемы исполнения / М. А. Гармашев // Legal Bulletin. – 2023. – Т. 8, № 2. – С. 80.

[21] De Filippi P. Blockchain technology as a regulatory technology: From code is law to law is code / P. De Filippi, S. Hassan // First Monday. 2016. Vol. 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/7113/5657. (дата обращения: 31.08.2025).

Одно из наиболее полных исследований смарт-контрактов в российской доктрине было проведено А. И. Савельевым. В своих работах он выделил основные, на его взгляд, правовые особенности смарт-контрактов:

1. Цифровая природа смарт-контракта предполагает его существование исключительно в электронной среде и использование цифровой подписи для идентификации лиц;
2. Изложение условий посредством программного кода и их реализация в рамках технологии блокчейн;
3. Применение модели договора присоединения путём составления кода смарт-контракта одной из сторон при присоединении контрагента без его вмешательства в условия смарт-контракта;
4. Отсутствие необходимости использования правил традиционного толкования ввиду использования формализованного языка, презюмирующего повышенную определённость условий договора;
5. Направленность на оборот благ находящихся в цифровой среде;
6. Обусловленный характер обязательства;
7. Автоматизированное исполнение[22].

А. И. Савельев отмечает, что смарт-контракты являются сделками, но при этом он указывает: «никакие не договоры в юридическом смысле, а некое сугубо техническое явление, которое само по себе не является ничем новым с точки зрения права»[23]. Стоит отметить, что в контексте данной публикации А. И. Савельев рассматривает смарт-контракты исключительно как технологию перемещения цифровых активов при заключении вполне традиционных договоров.

Стоит обратить внимание на подход, высказанный в зарубежной научной юридической литературе. Он сводится к тому, что необходимо проводить различие между правоотношением и компьютерной программой, которая обеспечивает

---

[22] Савельев, А. И. Договорное право 2.0: "умные" контракты как начало конца классического договорного права / А. И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 32-60.

[23] Савельев, А. И. Некоторые правовые аспекты использованиясмарт-контрактови блокчейн-технологий по российскому праву / А. И. Савельев // Закон. – 2017. – № 5. – С. 94-117.

правоотношение и выступает средством реализации. Из этого следует, что смарт-контракт с точки зрения правовой природы встраивается в правоотношение и становится его составной частью. Так Л. Годефроу предлагает «различать алгоритмическую программу (смарт-контракт), которая функционирует на платформе блокчейн, и традиционный договор. Задачей программы является обеспечение возможности заключения, исполнения и автоматического прекращения традиционного договора на платформе блокчейн. В свою очередь, договор может быть любым: договором страхования, договором аренды и т.п. В результате смарт-контракт как бы наслаивается на традиционный гражданско-правовой договор»[24].

А. И. Савельев признаёт за смарт-контрактами природу двусторонних сделок и не классифицирует их в качестве какого-либо вида договоров. В рамках российской системы права он определяет их место в качестве условной сделки или обусловленного исполнения обязательства. А. И. Савельев приходит к выводу, что смарт-контракты, исполнение по которым автоматизировано, являются новым явлением, выходящим за рамки доктрины классических договоров[25].

Стоит отметить, что автоматическое исполнение в смарт-контракте зачастую связано с исполнением обязанности контрагентом. В таком случае подход А. И. Савельева относительно обусловленного исполнения обязательства выглядит уместным, так как ст. 327.1 ГК РФ устанавливает, что в качестве обусловленного исполнения обязательства рассматривается ситуация, когда исполнение обязанностей, а равно и осуществление, изменение и прекращение определенных прав по договорному обязательству обусловливается совершением или несовершением одной из сторон обязательства определенных действий либо наступлением иных обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон.

---

[24] Godefroy L. Le code algorihmique au service du droit / L. Godefroy // Recueil Dalloz. 2018. N 14/7771. P. 713 – 792.

[25] Савельев, А. И. Некоторые правовые аспекты использованиясмарт-контрактови блокчейн-технологий по российскому праву / А. И. Савельев // Закон. – 2017. – № 5. – С. 94-117.

Спорной видится позиция А. И. Савельева относительно квалификации смарт-контракта в качестве условной сделки. Из содержания ст. 157 ГК РФ следует, что сделка признаётся условной в случаях, когда изменения правоотношения происходят при наступлении события, относительно которого неизвестно, наступит оно или не наступит. Использование компьютерной команды «если, то» («if, then») ещё не свидетельствует о том, что сделка совершена под условием в юридическом смысле. Исполнение стороной сделки обязанностей, проистекающих из неё, недопустимо рассматривать в качестве отлагательных или отменительных условий. В случае же применения технологии смарт-контракта автоматическое исполнение, как правило, связано именно с исполнением тех или иных обязанностей контрагентом. Стоит отметить, что смарт-контракт может использоваться и в алеаторных обязательствах. В случаях применения смарт-контракта в алеаторных обязательствах алеаторность исполнения будет проистекать из существа самого обязательства, а не правовых особенностей смарт-контракта.

Строго говоря, не существует никаких технических ограничений для применения технологии смарт-контрактов во всех типах возмездных договоров. Однако это ещё не свидетельствует о наличии у смарт-контрактов договорной или какой-либо иной правовой природы. Для её выявления необходимо рассмотреть особенности интеграции смарт-контрактов в правоотношения. Так как наиболее распространено использование смарт-контрактов в рамках гражданско-правовых договоров, будет целесообразно проанализировать именно такую интеграцию ввиду наличия большого эмпирического материала.

1) Заключение гражданско-правового договора, использующего смарт-контракт.

Одной из наиболее очевидных особенностей смарт-контракта является то, что он существует в электронной форме, следовательно, и «подключение» смарт-контракта к договору должно происходить в электронной форме. Существует два основных способа выражения воли сторон. Первый заключается в том, что сторона фиксирует свою волю посредством электронной подписи при входе в блокчейн.

Второй способ состоит в том, что сторона выражает волю специальной командой в «click-wrap-соглашении», условия которого должны быть изложены в электронной форме и совпадать с бумажным носителем при его наличии. При каждом из сценариев «подключение» смарт-контракта будет выступать в качестве сделки в электронной форме, а действие смарт-контракта — в качестве исполнения данной сделки.

2) Автоматизация исполнения.

Немаловажным аспектом смарт-контрактов является их автоматическое исполнение. Таким образом, компьютерная программа «самостоятельно» исполняет обязательства без дальнейшего человеческого участия. Однако компьютерный код не может рассматриваться в качестве субъекта права ввиду отсутствия воли, а, следовательно, исполнителем всё равно будет лицо, «подключившие» смарт-контракт.

3) Автоматическое заключение.

Функции смарт-контрактов позволяют не только автоматически исполнять договорные обязательства, но и брать их на себя. Лицо, использующее данную технологию, может заложить в неё условия, на которых договоры должны заключаться в автоматическом режиме. Программа находит подходящие публичные оферты, сверяет с заложенными условиями и при их совпадении акцептирует оферту. В ситуации, когда оферта непубличная или найдено предложение делать оферты, программа направляет соответствующую встречную оферту. В таком случае может возникнуть вопрос: кто заключает договор, программа или человек?

Так как компьютерную программу традиционно не рассматривают в качестве субъекта права, она не может выступать в качестве участника правоотношения. Таким образом, компьютерный код не может самостоятельно заключить договор. Как отмечают Л. Г. Ефимова и О. Б. Сиземова в своей статье: «Продавец товара разместил в сети публичную оферту о продаже товара на определенных им условиях. Наш пользователь является покупателем. Он выразил волю на использование своеобразного "публичного" акцепта, смысл которого в том, что

покупатель готов акцептовать любую оферту, если ее условия совпадут с предложением покупателя. В данном случае компьютерная программа выполняет функцию виртуального помощника покупателя. В докомпьютерную эпоху такую роль мог выполнять, например, секретарь, которому поручили просмотреть газетные объявления о продаже, связаться с продавцом и передать ему волю покупателя»[26]. Стоит обратить внимание на ключевое отличие компьютерной программы от такого поручения секретарю. Не субъекту права невозможно что-то поручить или доверить в юридическом смысле. Кроме того, смарт-контракт просто выполняет заложенную в него функцию и де-факто не может выйти за их пределы, что «развенчивает миф о "разумности" смарт-контракта»[27].

4) Невозможность отмены или внесения изменений.

Так как смарт-контракт может функционировать исключительно в рамках блокчейна, в него невозможно внести исправления или удалить в одностороннем порядке. Следовательно, он выступает определённой гарантией того, что договор будет исполнен надлежащим образом. Это позволяет рассматривать его в качестве способа обеспечения исполнения обязательства. По мнению Т. И. Кивиата, «обеспечение исполнения обязательств достигается программным путем с помощью протокола соответствующей платформы, созданной с использованием технологии блокчейн»[28]. Обратим внимание на то, что автоматизировать исполнение можно и без применения технологии смарт-контракта. Специфической особенностью смарт-контракта выступает невозможность изменений или отмены такого автоматического исполнения, что и позволяет его рассматривать в качестве способа обеспечения исполнения обязательства.

Однако мы до сих пор не ответил на вопрос о правовой природе смарт-контрактов. Напомним, что следует отличать договор и программу, написанную в

---

[26] Ефимова, Л. Г. Правовая природа смарт-контракта / Л. Г. Ефимова, О. Б. Сиземова // Банковское право. – 2019. – № 1. – С. 21-28.

[27] Guerlin G. sur les smart contracts / G. Guerlin // Dalloz IP/IT: Droit de la intellectuelle et du . 2017. N 10. P. 512 – 515.

[28] Kiviat T.I. Beyond bitcoin: issues in regulating blockchain transactions / T.I. Kiviat // Duke Law Journal. 2015. Vol. 65. P. 565 – 607.

соответствии с ним (смарт-контракт). Исходя из проведённого выше анализа, можно заключить, что «включение» смарт-контракта в правоотношение всегда ведет к его изменению, возникновению или прекращению. Например, с помощью смарт-контракта могут заключаться договоры, что ведёт к возникновению нового правоотношения. Или же посредством смарт-контракта обязательство может быть полностью исполнено, что приведёт к прекращению правоотношения. В случаях, когда обязательство исполняется не в полной мере, например, частичное исполнение в соответствии с договором, объём обязательства меняется, что также изменяет само правоотношение. Менее очевидным вариантом выступает ситуация, когда смарт-контракт может изменять права и обязанности сторон правоотношения или даже состав субъектов правоотношения. Такая ситуация возможна с условными сделками.

Следовательно, с позиций теории права смарт-контракты представляют собой юридические факты. На первый взгляд, смарт-контракт автоматически исполняет обязательство, независимо от воли людей, им связанных. Выше мы уже рассматривали, что автоматизм смарт-контрактов не свидетельствует об их воле и что все операции, проводимые смарт-контрактом, следует рассматривать как действия лица, «подключившего» данный контракт. Так как смарт-контракт заключается самими участниками правоотношений, в том числе посредством иного смарт-контракта, с целью создания, изменения или прекращения правоотношения, то среди юридических фактов его стоит классифицировать как действия. В данном контексте имеет смысл говорить о смарт-контрактах исключительно как о правомерных действиях, которые делятся на поступки и акты. Основное различие между ними заключается в направленности воли на возникновение, изменение или прекращение правоотношения. Смарт-контракт «подключается» лицом с целью вступить в правоотношение или исполнить обязательство, его воля направлена на это, следовательно, его стоит рассматривать в качестве юридического акта. Ввиду того, что автоматизм смарт-контракта не свидетельствует о его самостоятельности, недопустимо классифицировать его в качестве поступка.

Однако приведённые выше особенности не позволяют прийти к окончательному выводу о правовой природе смарт-контрактов. Подчеркнём, что технология смарт-контрактов не «привязана» к гражданскому праву и может применяться в рамках других отраслей. Таким образом, необходимо проводить анализ относительно правовой природы с позиции теории права, а не отраслевой науки. Прежде всего необходимо проанализировать возможность регулирования общественных отношений, использующих смарт-контракты.

Можно выделить три основных подхода:

1) Любые общественные отношения могут быть урегулированы правом.

Сторонники данного подхода зачастую игнорируют специфику тех или иных общественных отношений, а также функциональную роль права, призывая вводить нормы права даже в тех случаях, когда они не могут повлиять на процессы, происходящие в реальной действительности. Отметим, что право регулирует наиболее важные общественные отношения, защита которых может быть обеспечена только государством. Смарт-контракты обычно используются в коммерческих отношениях как одна из составляющих возмездных договоров, которые, в свою очередь, регулируются правом. Кроме того, любые финансовые отношения априори достаточно значительны для правового регулирования. Таким образом, существует необходимость и возможность регулирования отношений, использующих смарт-контракты.

2) Код самой программы выступает в качестве источника регулирования отношений, а, следовательно, регулирование правом уже невозможно.

Сторонники данной позиции указывают, что цифровые технологии не могут быть урегулированы посредством права[29]. В качестве одного из основных аргументов выступает «Code is law», подразумевающее самодостаточность компьютерного кода для регулирования технологических процессов[30]. Сторонники данной позиции исходят из того, что общественные отношения, использующие

[29] Сидоренко Э. Нужно ли регулировать биткоин? / Э. Сидоренко, А. Савельев, А. Пушков, Р. Янковский и др. // Закон. – 2017. – N 9. С. – 20 – 33.

[30] Godefroy L. Le code algorihmique au service du droit / L. Godefroy // Recueil Dalloz. 2018. N 14/7771. P. 713 – 792.

смарт-контракты, невозможно урегулировать, так как сам код программы выступает в качестве источника регулирования. Таким образом, происходит замена источника регулирования с социальных на технические нормы, что не всегда допустимо. Стоит отметить, что такая замена является непростой задачей и это не всегда уместно ввиду отсутствия гибкости таких норм. Но она имеет и свои преимущества. В частности, технические нормы всегда однозначны и не допускают двоякого толкования, что делает их применение более прозрачным и прогнозируемым. В технологии смарт-контрактов такие технические нормы содержатся в самом программном коде, они подчиняются правилам формальной логики и автоматически исполняются независимо от последующей воли субъектов правоотношения. В связи с этим П. Де Филиппи и С. Хассан отмечают: «регулирование по коду всегда более конкретное и менее гибкое, чем законодательные положения, которые он намерен реализовать»[31].

Отметим, что между сторонами смарт-контракта возникают общественные отношения, которые могут и должны быть урегулированы правом. В противном случае возникает ситуация, когда сторона, контролирующая написание кода смарт-контракта, получает практически полный контроль по выбору норм, что нарушает принцип равенства, неразрывно связанный с сутью любых договорных отношений. Решить данную проблему можно посредством создания правовых норм, регулирующих содержание компьютерного кода, напрямую не затрагивая сами отношения между сторонами. Можно согласиться с позицией А. И. Савельева: «Хотя компьютерный код может эффективно применять правила, он также имеет ряд ограничений, главным образом потому что трудно перенести двусмысленность и гибкость правовых норм в формализованный язык, который может быть интерпретирован машиной»[32]. Также видится невозможным перенесение

[31] De Filippi P. Blockchain technology as a regulatory technology: From code is law to law is code / P. De Filippi, S. Hassan // First Monday. 2016. Vol. 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/7113/5657. (дата обращения: 31.08.2025).

[32] Savelyev A. Legal Aspects of Ownership in Modified Open Source Software and its Impact on Russian Software Import Substitution Policy / A. Savelyev // Computer Law & Security Review. 2016. P. 193 – 210.

оценочных категорий, например, «разумность», «добросовестность», в компьютерный код.

3) Отношения, использующие технологию смарт-контрактов, могут быть урегулированы правом, но техническая регламентация создания и применения технологии невозможна.

Данная позиция видится сбалансированной. Как было указано выше, соответствующие общественные отношения могут и должны регулироваться нормами права. В отношении правовой регламентации процесса создания и применения кода смарт-контракта всё упирается в пределы возможностей технологии. Видится приемлемым регулирование исключительно общественных отношений, использующих смарт-контракт, так как такое регулирование не позволит выйти за допустимые рамки при их разработке, оставив техническую свободу программистам, что, вероятно будет способствовать развитию технологии.

Можно сделать вывод, что возможно и необходимо регулировать общественные отношения, использующие смарт-контракты, с помощью права. Наличие в них данной технологии не влияет на их сущность, а, следовательно, они не выпадают из сферы механизма правового регулирования. Однако вопрос о правовом регулировании создания программ на основе данной технологии остаётся неразрешённым. Для его решения следует ответить на вопрос о необходимости стандартизации. Такая стандартизация видится вредной для дальнейшего развития информационных технологий, а также она едва ли сможет дать какую-либо дополнительную защиту сторонам правоотношения.

Рассмотренные выше технологии выступают в качестве нового вызова для права, так как ранее не существовало их аналогов. Более ранние цифровые технологии, такие как Интернет, не вводили ничего принципиально нового для механизма правового регулирования. Это было связано с тем, что они не обеспечивали достаточной надёжности в процессе передачи информации. Кроме того, ранние цифровые технологии могли влиять только на способ взаимодействия между субъектами, в отличие от новейших цифровых технологий, которые создают новую среду взаимодействий, не обладающую некоторыми важнейшими

свойствами материального мира (например, пространством в физическом понимании). В этой среде появляются новые явления, такие как цифровые ценности и искусственный интеллект. Таким образом, потенциально любые цифровые коммуникации способны стать правовыми.

1.2 Регулятивный потенциал механизма правового регулирования в условиях обновления цифровых технологий[33]

В современном мире право накопило множество противоречий и уже не эффективных механизмов. Подобные ситуации возникали и раньше, как в античность, так и в новое время. Иногда такие ситуации разрешались в рамках социальных революций, а иногда и более мирным путём. Но разрешение подобных кризисов всегда приводило к значительным изменениям в механизме правового регулирования, системе права, правопонимание и правопорядке.

Современная ситуация вызвана развитием техники и технологии, прежде всего цифровых. Данные технологии бросают вызов многим институтам классического права. Однако, они зачастую не способны адекватно отреагировать на новые виды общественных отношений ввиду неприспособленности к виртуальной среде, что вызывает необходимость появления новых институтов или значительной модификации уже имеющихся, а также установление взаимосвязи между институтами права. Такие изменения, даже только в форме потребности, создают определённые коллизии, что вызывает новые социальные конфликты. Из-за этого процесс интеграции цифровых технологий в правовую систему нельзя назвать безболезненным и бесконфликтным, что ставит перед наукой задачу по выявлению закономерностей развития права и созданию наиболее оптимальных моделей реформирования правовой системы. Как отмечают А. Ю. Мамычев и О. И.

---

[33] При написании данного параграфа были использованы материалы из следующих работ автора: Ладенков, Н. Е. Влияние технологических революций на право / Н. Е. Ладенков // Философия права. – 2022. – № 1(100). – С. 45-49.; Ладенков, Н. Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции / Н. Е. Ладенков // Философия права. – 2021. – № 1(96). – С. 164-168.; Ладенков, Н. Е. "Смарт-закон" как технология правоприменения / Н. Е. Ладенков // Наступившее будущее: новые форматы, смыслы и сущности образования : Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 октября 2021 года / МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ АНАТОЛИЯ СОБЧАКА. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2021. – С. 63-72.; Ладенков, Н. Е. Влияние цифровизации на правовую культуру / Н. Е. Ладенков // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции В 6 т., Казань, 22 сентября 2023 года. – Казань: Издательство "Познание", 2023. С. 36-43.; 173. Ладенков Н.Е. Цифровая подсистема права: зарождение и проявление / Н. Е. Ладенков // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 9. С. 8-12.

Мирошниченко: «очевидно, что развитие «цифровых отношений», взаимодействие людей и машин, сам процесс развития ИИ не только слабо прогнозируем, но и вряд ли вписывается в традиционные теоретико-правовые рамки (традиционные представления о субъекте права, о формах реализации права, о юридической ответственности и т.д.)»[34].

Возможности права выступать в качестве регулятора общественных отношений, появляющихся в рамках цифровизации, во многом зависят от характера таких отношений и изменений, происходящих в правопорядке.

То, как цифровые технологии влияют на механизм правового регулирования, зависит не только от технологий и их влияния на общественные отношения, но и от изменений в правопорядке. Понятие и сущность правопорядка уже давно находится в поле зрения учёных. Таким образом, данный вопрос проработан достаточно подробно как в отечественной, так и в зарубежной литературе. В советской теории права правопорядок обычно трактовался как состояние упорядоченности, урегулированности общественных отношений на основе права[35]. Нередко правопорядок рассматривался в неразрывной взаимосвязи с законностью, которая понималась как важнейшее свойство правопорядка[36]. Таким образом, правопорядок в его классическом понимании представляет собой идеальную реализацию норм права в рамках общественных отношений. Такая модель правопорядка, по мнению современных ученых, сегодня выглядит слишком идеальной и существенно отличается от реальной жизни социума[37].

Современная юридическая методология рассматривает правопорядок с позиций динамики, а не статики. Таким образом, правопорядок выступает не в

---

[34] Мамычев, А. Ю. Моделируя будущее права: проблемы и противоречия правовой политики в сфере нормативного регулирования систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий / А. Ю. Мамычев, О. И. Мирошниченко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 2. – С. 126-127.

[35] Теория государства и права : [Учеб. для вузов по спец. "Правоведение" / Алексеев С. С., Васьков П. Т., Дюрягин И. Я. и др.]; Под ред. С. С. Алексеева. - М. : Юрид. лит., 1985. – С. 307

[36] Правовой порядок развитого социализма: Вопросы теории / В.В. Борисов. - Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1977. – С. 360.

[37] Сауляк, О. П. Законность и правопорядок: на пути к новым парадигмам / О. П. Сауляк ; О. П. Сауляк. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – С. 52 – (Теория и история государства и права).

качестве характеристики общества и государства, а в виде постоянно меняющейся деятельности субъектов права. По словам И. Л. Честнова, «субъект права формирует и воспроизводит своими действиями правовую реальность»[38].

Соответствующие действия формируют правопорядок. Но они имеют изменчивый характер и зависят от множества факторов, в том числе и техногенных. Из этого следует, что постоянно меняется и правопорядок. Правопорядок сегодня и правопорядок завтра — это два различных правопорядка, что вытекает из постоянного характера действий субъектов права при реализации правовых норм. Важнейшую роль в конструировании правопорядка играют следующие факторы:

- система определенных правовых ценностей, устанавливаемых и поддерживаемых государством и обществом;
- существующая национальная правовая традиция с присущими ей специфическими правовыми механизмами;
- национальный менталитет;
- господствующая религия или отсутствие таковой[39].

Таким образом, модель правопорядка определяется характеристикой не только национальной правовой системы, но и момента времени. Деятельность по конструированию правопорядка может быть как направленной, так и нет. Конструирование правопорядка представляет собой сложную деятельность, которую осуществляет как государство в контексте реализации определенной правовой политики, так и все субъекты права, своими повседневными действиями воплощающие в реальность предписания правовых норм[40].

Следовательно, не существует универсального правопорядка, подходящего для любого государства и времени. Строго говоря, нельзя сказать, что одна модель

---

[38] Честнов И. Л. Человеческое измерение правовой реальности: на пути к формированию персоноцентристской теории права / И. Л. Честнов // Актуальные проблемы права в современной России: [сб. науч. ст.] / [под ред. Д. А. Пашенцева]. – М., 2009. – Вып. 10. – С. 55.

[39] Дорская, А. А. Историко-правовой компонент в конструировании социокультурного пространства (на примере понятия социальной травмы) / А. А. Дорская // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 3(31). – С. 36-43.

[40] Ильина, Т. Н. Взаимодействие Российского государства и общества в правовой сфере: историко-правовой анализ / Т. Н. Ильина, А. А. Дорская, А. Ю. Дорский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т. 9, № 4. – С. 476.

правопорядка лучше другой. Правопорядок всегда ситуативен, зависит от особенностей и развития общества, а также от среды, в которой он конструируется.

Действия субъектов права во многом определяются их менталитетом, который, если говорить о физических лицах, в свою очередь зависит от условий проживания. В современном мире под воздействием цифровизации данные условия значительно изменяются. Субъекты начинают взаимодействовать не только в обычной реальности, но и виртуальной, что затрагивает массовое поведение. Взаимодействия в цифровой среде значительно отличаются от обычных. Это связано с иной природой среды, которая характеризуется отсутствием личного контакта. Таким образом, субъект начинает существовать как бы в двух отдельных реальностях, что, естественно влияет на изменение менталитета и правосознания. Зачастую субъект начинает проявлять разные модели поведения и разные системы ценностей в зависимости от среды, в которой он взаимодействует. Например, законопослушный гражданин, не допускающий серьёзных правонарушений в обычной реальности при этом, совершает преступления (компьютерное пиратство), на регулярной основе, в цифровом пространстве. Кроме того, существует позиция, согласно которой использование цифровых технологий на ежедневной основе меняет само мышление людей даже вне цифровой сферы, тем самым меняя стиль и характер принимаемых решения[41].

Так как цифровые технологии меняют поведение людей, они косвенно влияют и на динамику правопорядка, определяя новый вектор развития. Данный вектор развития предоставляет беспрецедентные возможности по изучению динамики права и его сущности. Но для этого необходимо обратить внимание не только на правовую реальность, но и на отношения, происходящие вне правовой сферы.

Среди факторов, влияющих на динамику права в условиях цифровизации можно выделить:

---

[41] Миронов, В. В. От классической к электронной культуре: сложности перехода / В. В. Миронов // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (2013-2023) : Сборник статей. К 300-летию Российской академии наук. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, 2023. – С. 605-610.

1. Изменения менталитета, системы ценностей и мышления людей, указанные выше требуют изменения модели правового воспитания, учитывающей обе среды взаимодействия.

2. Усложнения контроля для государства за правовыми коммуникациями, происходящими в цифровом пространстве, так как традиционные методы регулирования оказываются неэффективными. Некоторые исследователи отмечают, что традиционное законодательство не может оказывать достаточного эффекта. В частности, К. Рид указывает, что закон утрачивает эффективность в современном цифровом пространстве[42].

3. Развитие негативного девиантного поведения в цифровой среде, в том числе в форме кибер-преступности. Современное правовое регулирование не в полной мере справляется с таким наплывом преступности, как в части материального, так и процессуального права.

4. Появление новых типов общественных отношений, протекающих вне правового регулирования. При этом данные отношения зачастую требуют такого регулирования ввиду их значимости и экономической ценности. Связано это с тем, что классическое регулирование не приспособлено к эффективному регулированию в цифровой среде ввиду иной природы последней. Некоторые исследователи отмечают, что цифровой разрыв способствует возрастанию социального неравенства, создавая угрозу правопорядку, провокации правонарушений и правового нигилизма[43].

Профессиональная юридическая деятельность также меняется под воздействием цифровизации, что также отражается на правопорядке и правовой системе. Уже появились роботы-юристы на основе технологии нейросетей. Некоторые эксперты также прогнозируют появления роботов-судей, роботов-нотариусов и значительную автоматизацию правоприменительного процесса. Однако пока неясно, насколько будут распространены подобные технологии и

---

[42] Chris Reed. Making Laws for Cyberspace, Oxford: Oxford Press, 2012, 249 pages, Reprinted 2013.
[43] Залоило, М. В. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации / М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 200.

появятся ли они. Тем не менее, соответствующие гипотезы уже заставляют профессиональное юридическое сообщество пересмотреть свою роль, что в конечном итоге влияет на их правосознание.

Названные выше изменения происходят и в отечественном правопорядке, что приводит к изменениям в правовой системе, которые способны его существенно изменить. Речь идёт о реструктуризации права. Соответствующие изменения продиктованы появлением новых общественных отношений, основанных на новейших технологиях и вызванных ими изменениях правосознания.

Устоявшаяся в XX веке правовая методология ограничивает правосознание регулятивно-охранительным типом, что «изолирует» право, проводится достаточно чёткая грань между правовым и лежащим вне права. При это взаимодействия между людьми активно расширяются благодаря цифровым технологиям, однако новые формы коммуникации зачастую оказываются за границами правового регулирования. Многие государства пытаются преодолеть эту проблему отдельными законодательными правками, но такую практику нельзя назвать достаточно эффективной. Такие правки обычно либо избыточны, либо недостаточны. Кроме того, многие государства стремятся распространить национальное законодательство на иностранные юрисдикции в части цифровой среды. Такая тенденция наблюдается в большинстве развитых государств: США[44], страны ЕС[45], Великобритания[46], Китай[47], Россия и многие другие. Действующая методология регулирования делает из права консервативный социальный институт, неспособный перестроиться в рамках существующих институтов права. В связи с чем С. А. Грипич отмечает возрастании роли международного права в

[44] Карцхия, А. А. "Облачные" технологии: российское и зарубежное законодательство и практика правоприменения / А. А. Карцхия // Мониторинг правоприменения. – 2018. – № 2(27). – С. 36-41.
[45] Володенков, С. В. Особенности интернет-коммуникации в современном политическом процессе / С. В. Володенков // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2014. – № 2. – С. 17.
[46] Дугинова, А. О. Международное сотрудничество РФ в области обеспечения информационной безопасности / А. О. Дугинова // Политика, экономика и инновации. – 2017. – № 3(13). – С. 12.
[47] Ткаченко, И. Ю. Возможности наднационального регулирования цифровой экономики в странах БРИКС / И. Ю. Ткаченко // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 5. – С. 101.

цифровизации. По его мнению, сам процесс цифровизации препятствует государствам по отдельности урегулировать общественные отношения в цифровой среде[48].

Обращая внимание на сложности государственного регулирования цифрового пространства, С. Ф. Долгов выделяет особую роль правового обычая и его специфику в цифровой среде[49].

В качестве главной особенности таких обычаев можно выделить трансграничный характер. Несмотря на попытки многих государств суверенизировать Интернет, предотвратить трансграничные коммуникации невозможно (кроме как через физическое отключение от глобальной сети). Таким образом, происходит постоянный обмен опытом между представителями различных культур вне зависимости от географической удалённости. Единственным реальным ограничением для таких коммуникаций выступают языковые барьеры, которые на базовом уровне преодолеваются посредством электронных переводчиков. Как следствие в цифровой среде возникают «гибридные» обычаи, не совпадающие полностью с национальными обычаями любого государства. Это приводит к регулярно возникающим противоречием таких обычаев и правовых систем государств, особенно наглядно это проявляется в Интернет-практиках файлообмена и законодательству об исключительных правах.

Другой особенностью обычаев в цифровой среде выступает их динамичность. Это явление можно наблюдать на примере таких платформ, как YouTube или Telegram, где созданные сообществом нормы поведения и модерации контента играют ключевую роль в формировании правовой культуры этих пространств[50]. Традиционный правовой обычай, как правило является

---

[48] Грипич, С. А. Перспективы формирования цифровизационного правового цикла в российском праве / С. А. Грипич // Философия права. – 2021. – № 1(96). – С. 161.
[49] Долгов, С. Ф. Особенности формирования правовых обычаев в цифровой среде / С. Ф. Долгов // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 11(239). – С. 24.
[50] José van Dijck: The Culture of Connectivity: A critical history of social media. New York, Oxford University Press, 2013.

консервативным источникам права, обладающим большой инерцией. Так как правовой обычай формируется посредством многократных повторений практик для его возникновения или изменения требуется большое количество правовых коммуникаций. Цифровая среда позволяет многократно ускорить подобные социальные взаимодействия. Как следствие возникновение и изменение правовых обычае в цифровой среде происходит намного быстрей.

Из динамичности вытекает и следующая специфическая черта – децентрализованность. Стихийное формирование обычаев в цифровой среде приводит к их неоднородности. Можно сказать, что на каждой платформе формируется своя система обычаев. Тем не менее они обладают общими чертами. Интернет-сообщество неоднократно пыталось вывести из соответствующих черт «универсальные Интернет обычаи», но единственный реальный и относительно признаваемый результат это шуточные «правила Интернета», существующие в нескольких редакциях. По всей видимости это связано с процессом легитимации. Если традиционный правовой обычай легитимируется посредством законодательной и судебной практики, то Интернет обычай через достижение консенсуса пользователями платформы и текстового закрепления в пользовательском соглашении или правилах платформы.

Полагаясь на цифровые обычаи, некоторые сообщества, существующие в цифровой среде, активно пытаются выйти за пределы классического механизма правового регулирования посредством использования новейших цифровых технологий. Кроме того, некоторые государства создают режимы регулятивных песочниц, чтобы изучить возможность регулирования новых типов общественных отношений, что позволяет избежать тяжёлых и дорогостоящих процедур классического регулирования с помощью новейших технологий. Таким образом, субъекты, взаимодействующие в рамках песочницы, оказываются как бы в иной правовой среде; это наводит на мысль, что право теряет своё единство. Но это не совсем так, данные режимы существуют с целью накопления опыта для последующей интеграции в общенациональные режимы. Тем не менее,

выработанные решения показывают, что они мало приспособлены к классическим правоотношениям.

Однако механизму правового регулирования бросают вызов не только новые типы общественных отношений. Современные технологии начинают преодолевать границы между человеческим и нечеловеческим. Это фактически меняет характер социальности, представление о субъекте и объекте. То, что по доминирующей методологии надлежит классифицировать как объекты, начинает проявлять признаки автономности от человека. Они становятся не просто частью быта людей, а участниками общественных отношений, проявляющих признаки собственной воли, а в будущем, возможно, и интереса. Если при пересмотре правосубъектности рабов решался вопрос прежде всего прав, не требующих введения новых статусов, так как раб с точки зрения природы, структуры и функционирования сознания был таким же человеком, то новые цифровые конструкции не обладают такими признаками человеческой личности, как эмоции, чувства и т.п. Таким образом, и по этому направлению, право переживает кризис как система, его институты не способны адекватно систематизировать новые конструкции.

Развитие современных цифровых технологий поставило перед механизмом правового регулирования вызовы, к которым он оказался не готовым. Существенным отличием от предыдущих технических революций является то, что до сих пор юридическое мышление основывалось на собственном методе идентификации права, включающем элементы воли, интереса, цели, запрета и дозволения[51]. Однако, теперь требуется модифицировать методологию с учётом технических процессов, происходящих в новой среде. А значит взаимоувязать технические и социальные нормы, что без сомнения приведёт к пересмотру системы социальных норм[52].

Изменения происходят по трём основным направлениям. Можно выделить институциональные, структурные и доктринальные изменения в системе права.

---

[51] Синюков, В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы / В. Н. Синюков // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 9(154). – С. 11.

[52] Ладенков, Н. Е. Влияние технологических революций на право / Н. Е. Ладенков // Философия права. – 2022. – № 1(100). – С. 48.

1) Институциональные изменения выражаются в смешении правового регулирования с иными видами социальных регуляторов, таких как административные, экономические, политические. Данные социальные регуляторы всё более и более начинают подменять право, оказывать субсидиарное регулирование и создавать конкуренцию регулирования, что в определённой степени стирает границы между социальными регуляторами — увеличивая количество нормативно-правовых актов, прежде всего подзаконных, в системе.

2) Структурные изменения влекут к смешению отраслей и изменению связей между институтами права. Вектор развития направлен на стирание границ между процессуальными и материальными отраслями. Появляются в большом количестве источники, содержащие межотраслевое регулирование.

3) Доктринальные изменения направлены на переосмысление роли и сущности права, его закономерностей, роли в системе социальных регуляторах и системе источников.

Право теряет свою роль в качестве господствующего социального регулятора. Соотношение правовой системы, системы права, механизма правового регулирования и социальной реальности делается гораздо более сложным, что неизбежно должно привести к теоретическому переосмыслению системности права. В частности, есть позиция, что необходимо пересмотреть понятия института права. В. Н. Синюков считает, что технологии, как совокупность материальных, нематериальных и поведенческих элементов, должны стать предметом правового регулирования, а человекоцентризм в праве должен эволюционировать в сторону техноцентризма сохраняя приоритет человеческого[53]. Однако, с данной позицией сложно согласиться: право существует именно в качестве социального регулятора. Механизм правового регулирования не способен оказывать воздействие на технологии, он лишь воздействует только на общественные отношения.

Обозначенные выше изменения делают систему права более гибкой, позволяя ей перестроить внутренние взаимосвязи. Такая гибкость проистекает из

[53] Синюков, В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы / В. Н. Синюков // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 9(154). – С. 12.

изменяющейся повседневной жизни людей. Цифровые технологии сделали жизнь многих людей как бы многоуровневой, что ведёт и к соответствующей реструктуризации права. Таким образом, меняющийся повседневный уклад жизни людей выступает в качестве катализатора реструктуризации права. Новизна ситуации связана с тем, что при прежних технологических революциях изменения происходили только в рамках одной реальности. Цифровые технологии существуют уже достаточно давно. Но только последние технологические достижения позволили хотя бы концептуально перенести исключительно виртуальные взаимодействия в правовое русло, что выражается в попытках ухода в саморегулирование, противоречащее классической матрице права.

Для полноценной интеграции отношений, базирующихся на таких технологиях, необходимо выработать новые понятия и категории, так как фактическое правовое регулирование выходит за пределы норм-долженствований в нормативность технологических процессов. Цифровое пространство имеет собственную нормативность, заложенную в технологии и не позволяющую её нарушить. Такие технологические ограничения и выступают в качестве «Грунд-норм» соответствующей нормативной системы. Такой переход приводит к техноцентризму в механизме правового регулирования. При этом классические отношения остаются почти не затронутыми. Таким образом, для двух типов общественных отношений в качестве наиболее адекватных выступают разные методологии регулирования. Отражением этих процессов является появление в доктрине понятия «цифровое право».

Корректность данного термина вызывает некоторые вопросы. Он предполагает, что «цифровое право» должно существовать отдельно от классического права - параллельно ему. Традиционно цифровое право определяется как нормы, юридико-технические конструкции, средства информационного правового воздействия и иные элементы виртуальных коммуникаций, получившие признание государства. Однако в доктрине уже существует позиция, что упор должен делаться не на формально-юридической, а на объективно-правовой и ситуативной сторонах правового воздействия. Согласно

такому подходу, цифровое право — это нормативный правовой механизм, охватывающий и пронизывающий важнейшие элементы российской правовой системы. Главный критерий выделения цифрового права — наличие цифровой виртуальной коммуникации субъектов, сеть которой в настоящее время неуклонно расширяется[54]. Данный подход концентрируется исключительно на динамическом компоненте права, полностью игнорируя статический. Однако субъективное и объективное право существуют неразрывно друг от друга, образуя право в целом, и было бы ошибкой игнорировать часть системы. А оснований для отмирания объективного права пока не наблюдается.

Конечно, у новейших цифровых технологий есть огромный регулятивный потенциал, да и сама среда взаимодействия в значительной степени отличается от классической ввиду иной природы. Из-за этого классические методы правового воздействия не вполне адекватны в цифровой среде, что меняет и природу механизма правового регулирования. Тем не менее сама его суть существенно не отличается. Право по-прежнему представляет собой нормы, затрагивающие наиболее важные общественные отношения путём предоставления взаимно корреспондирующих прав и обязанностей. Ввиду этого нельзя говорить о «раздвоении» права. Однако структура права, без сомнения, меняется и становится сложней и многогранней. Следовательно, происходящие процессы едва ли ведут к появлению нового «цифрового права». Они ведут к усложнению системы, вероятней всего — к появлению новой цифровой подсистемы, включающей в себя цифровую среду взаимодействия. Соответствующая подсистема не укладывается в традиционное отраслевое деление, таким образом расширяя систему права и создавая новый механизм правового регулирования.

В рамках цифровой подсистемы права предмет и метод в определённой степени начинают смешиваться, так как сама среда взаимодействий является частью общественного отношения. Таким образом, данная подсистема не предполагает классического отраслевого деления по критерию предмета и метода.

---

[54] Синюков, В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы / В. Н. Синюков // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 9(154). – С. 13.

Происходит внедрение традиционно неправовых элементов в право, прежде всего – технико-информационных и естественно-технических; это приводит к тому, что инструменты классического права перестают работать в цифровой среде. Однако, данная подсистема не является исключительно совокупностью норм. Речь идёт скорее о модели формообразования через действия субъектов в цифровой среде - цифровыми трансакциями. Цифровая подсистема выступает в качестве живого права, то есть социальной реальности.

Ключевым отличием данной подсистемы выступает то, что она может применяться исключительно в цифровой среде, по своим параметрам существенно отличающейся от привычной нам реальности. Соответствующая среда с каждым годом становится всё более значительной в жизнедеятельности общества, тем не менее до сих пор большая часть общественных отношений происходит в привычной нам реальности. Предполагается, что в будущем баланс изменится, и цифровая среда станет иметь чуть ли не доминирующую позицию. Но, строго говоря, это не поддаётся прогнозированию и может случиться разве что в отдалённом будущем.

Подчеркнём, что цифровая подсистема не вытеснит классическое право и не заменит его. Предполагается, что она будет действовать параллельно, что без сомнения может приводить к ситуациям конкурирующего регулирования. Данная ситуация может быть предотвращена посредством законодательства, а именно чётким распределением сфер регулирования. Таким образом, стоит вести речь о цифровой подсистеме как об относительно самостоятельном элементе всей системы права. Ожидается взаимопроникновение норм между соответствующими элементами, но их реализация будет отличаться[55].

Классическое право, как и прежде, будет регулировать классические правоотношения и закреплять основные принципы для цифровой подсистемы, которая будет иметь более правореализационный характер. Однако, цифровую подсистему невозможно подробно регламентировать в законодательстве, в отличие

[55] Ладенков, Н. Е. Влияние технологических революций на право / Н. Е. Ладенков // Философия права. – 2022. – № 1(100). – С. 49.

от классического права, для которого едва ли измениться система источников. Для цифровой подсистемы будет более характерно использование обычая и новых, ещё не систематизированных, источников права, основанных на программном коде и технических особенностях самой среды взаимодействия. Тем не менее, право не может функционировать без государственной поддержки. Принципы для построения правоотношения и, вероятно, механизмы защиты должны быть отражены в законодательстве. Однако конкретное регулирование будет осуществляться посредством самоуправления или вытекать из технических норм, присущих соответствующей среде, что, без сомнения, приведёт к уменьшению объёма законодательного регулирования относительно общей доли правоотношений. За государством же останется только функция по охране правоотношений в цифровой среде, без их прямой регламентации. Наиболее вероятным видится применение мер традиционного принуждения на материальных субъектов, участвующих в цифровых правоотношениях. Воздействие вместо принуждения в цифровой реальности будет оказываться самой средой. Таким образом, происходящие изменения влекут отдаление государства от права, создавая в определённом смысле разрыв между явлениями, которые веками считались неразрывными, что, возможно приведёт и к пересмотру роли и сущности государства.

Отсутствие возможности осуществлять законодательное регулирование цифровой среды предполагает, что цифровая подсистема будет постоянно воспроизводить нормы за счёт действий (трансакций) субъектов. Таким образом, её изучение возможно прежде всего с позиций социологии права, а не позитивистского подхода. А сама подсистема будет выступать в качестве цифровой реализации правопорядка, что сближает содержание права с массовым правосознанием. Некоторые исследователи отмечают, что уже и «обыденное» право требует максимального упрощения и сближения с массами, что проявляется в некоторых изменениях процессуального законодательства. Однако, в рамках

классического правопорядка этого невозможно добиться в полной мере[56]. В рамках цифровой среды соответствующее упрощение и сближение права с сознанием масс вполне возможно благодаря методологии составления содержания цифровой подсистемы.

Зарождение цифровой подсистемы права беспокоит многие государства. Происходящие изменения способны привести к индивидуализму в праве, основанному на технологических возможностях формировать индивидуальный правопорядок. Соответствующая тенденция также неоднократно критиковалась в доктрине. Р. А. Абрамов и Д. А. Пашенцев отмечают: «Опасной тенденцией является и обсуждаемая индивидуализация правового регулирования на основе составления социальных рейтингов. Представляется, что индивидуализация в праве — это прямой путь к тому, чтобы тоталитарные антиутопии стали реальностью. Индивидуализация убивает основополагающие признаки и принципы права, включая принципы формального равенства и общеобязательности»[57]. Такая демократизация регулирования отстраняет государства от монополии благодаря новым технологическим возможностям, выстраивая новое технологическое и социальное устройство общества. Если данная тенденция полностью реализуется, то это полностью изменит структуру современного общества. Однако едва ли действующие институты позволят этому случится в обозримом будущем. Кроме того, подобная модель выглядит слишком утопичной, чтобы быть жизнеспособной. Таким образом, происходящие изменения в механизме правового регулирования приведут к менее глобальным последствиям.

Отличия методологии регулирования вызывают конфликты новых и старых регуляторов. Зарождаются противоречия. Трансформация права не может произойти мгновенно, что нормально для перехода к новой юридической эпохе.

---

[56] Синюков, В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы / В. Н. Синюков // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 9(154). – С. 14.

[57] Абрамов, Р. А. Основные направления влияния современных технологий на развитие права / Р. А. Абрамов, Д. А. Пашенцев // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2024. – № 1(53). – С. 7-13.

Некоторые государства уже пытаются адаптироваться под новые реалии, другие пытаются взять под тотальный контроль происходящие изменения. Уже сейчас в праве появились институты, не имеющие юридической квалификации, зачастую их не слишком успешно пытаются подвести под уже известные конструкции. Но зарождающаяся цифровая подсистема неуклонно расширяет инструментарий механизма правового регулирования, распространяя его на ранее не регулируемые или даже не существовавшие отношения.

Римское право, возрождённое в средневековье, уже не способно справиться с соответствующими вызовами. Основные категории права так или иначе видоизменялись в рамках социальных революций XVII, XVIII и XX веков. Гибкость римского права может навести на мысль о его практической безграничности. Базовые юридические конструкции кажутся вечными и универсальными. Современный механизм правового регулирования в основном является их рекомбинацией. Однако, в современном мире данный подход уже отчасти утратил новаторский потенциал, а часть идей и концепций исказились в рамках практического применения. В своё время их рекомбинации обладали новаторским характером, однако в современной действительности он уже утрачен. Кроме того, некоторые идеи и концепции были скомпрометированы при практической реализации.

Но, римское право рассчитано на определённые институты и расширяться может только путём их бесчисленных рекомбинаций. Такие рекомбинации не помогают при встрече с явлениями, ранее не известными человечеству, даже по аналогии. Но цифровые правоотношения требуют качественно отличающихся конструкций, отражающих специфику виртуального пространства. Цифровая подсистема требует пересмотра классической традиции римского права и формирования новой регуляторной традиции в цифровой среде.

Однако, новый механизм правового регулирования не может возникнуть сама по себе, как и римское право не появилось самостоятельно. Первоначально оно появилось из деятельности преторов, эдилов и даже жрецов. С современной точки зрения они едва ли были юристами. Впоследствии римское право обросло и

теоретическими разработками, которые были утрачены в раннее средневековье и регенерированы в позднем средневековье и Новом времени. Также и основы современной цифровизации права появились вне рамок юридических сообществ — в технологических и экономических плоскостях. Данные основы уже начали проникать в академическую среду и получать теоретическое осмысление, которое едва ли можно назвать достаточным. В правоприменительной деятельности соответствующие вопросы также уже начинают находить свои первоначальные решения. Основной движущей силой выступают специалисты, совмещающие юридические знания со свободным технологическим мышлением.

Существует риск, что происходящие процессы без теоретического осмысления окончательно выйдут из-под контроля и начнут иметь деструктивный эффект как для механизма правового регулирования, так и для общества. Законодательные попытки, не опирающиеся на соответствующее осмысление, не могут оказать значимого влияния на динамику правопорядка. Наиболее полезный эффект от происходящих процессов может быть получен лишь через создание новых, теоретически осмысленных институтов, а не путём бесконечной рекомбинации уже имеющихся. Попытки урегулировать цифровую среду, предпринимаемые многими государствами, пусть и имеют определённую ценность, но бесплодны в дальнесрочной перспективе, так как основываются на классической методологии регулирования. Для изменения ситуации прежде всего фундаментальная юридическая наука должна разработать новые понятия и категории, учесть технологические процессы и выработать новые методологические идеи. В качестве такой новой методологии выступает цифровая подсистема права — не как регулирование цифровых технологий, а как новая правовая методология механизма правового регулирования[58].

Однако остаётся вопрос о характере данных изменений: будут ли они протекать стихийно или же это будет направленный процесс законодательных изменений под влиянием позиций доктрины. Видится невозможным полностью

[58] Ладенков, Н. Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции / Н. Е. Ладенков // Философия права. – 2021. – № 1(96). – С. 167.

контролировать столь масштабные изменения. Цифровые технологии всё больше и больше используются в повседневной жизни, меняя привычный быт людей. Таким образом, преобразуется модель поведения субъектов, что отражается на содержании правопорядка. Последний отражается на нормативном содержании системы права. Из этого следует, что соответствующие процессы происходят прежде всего за счёт действий бесчисленного количества субъектов, а значит, не могут быть взяты под полный контроль. Однако стихийное развитие права может повлечь огромное множество проблем, в том числе и в неправовых сферах.

От государства требуется задать вектор развития прежде всего через меры стимулирования. Отечественные государственные структуры, задействованные в управлении цифровой сферой жизни общества, не в полной мере адекватно (не в абсолютном соответствии с нормами общественной практики и технологическими возможностями) справляются с возложенными на них задачами. Конечно, нельзя сказать, что их деятельность бесполезна или что они некомпетентны. Однако, эффективность их действий в стратегическом плане недостаточна, так как она в полной мере не учитывает особенности цифровой среды взаимодействий, что, вероятно, во многом связано со слабой доктринальной разработанностью проблемы. От доктрины требуется создать новый понятийный аппарат, выявить образующиеся системные взаимосвязи и создать прогностическую модель. Она должна основываться на изучении реально складывающихся общественных отношений, а не на анализе фрагментарно внедряемых в законодательство норм. Именно на основе таких теоретических концепций и стоит создавать новое законодательное регулирование. Но никак не наоборот.

В мире уже существует практика создания регулятивных песочниц, используемых отчасти для изучения способов построения общественных отношений и выбора оптимальных моделей регулирования.

Основное внимание нужно уделить сферам, в которых право традиционно имело доминирующее значение в качества метода регулирования. Речь идёт об экономике и политике. Экономика и политика не могут быть в полной мере удовлетворены существующим механизмом правового регулирования. Об этом

свидетельствуют регулярно появляющиеся проекты поправок к законодательству, призванные внедрить в систему регулирования новые, ранее не известные институты — такие, как блокчейн, криптовалюты и т.п.[59] Правовое регулирование переживает кризис, суть которого обозначил В. Д. Зорькин: «...право, на которое мы все привыкли рассчитывать, теряет свой регулятивный потенциал, а правовые конструкции утрачивают былую прочность и надежность»[60]. Современная регулятивная практика уже накопила огромное множество квазиправа, различных экономических и политических нормативов, обеспеченных силой государственного принуждения. Соответствующая тенденция способствует возникновению «правового хаоса». В юридической доктрине под ним понимают нарушение взаимосвязей в системе права. Из-за дублирования норм и недостатков юридической техники (неточность формулировок) возникают искажения толкования, а это, в свою очередь, приводит к утрате формальной определённости норм права[61].

В экономических отношениях цифровые способы взаимодействия получили наибольшее развитие. Многие компании активно используют новейшие цифровые технологии как для выстраивания внутренних связей, так и для взаимодействия с контрагентами. Политика же существует в околоправовой сфере, не всегда используя право для регламентации отношений. Но в прямой взаимосвязи с государством предполагается, что политика должна существовать исключительно в правовых формах. Поскольку данный тип отношений связан с публичной властью, способ регулирования плохо поддаётся изменениям ввиду инерции. Такие изменения могут иметь исключительно законодательный характер. Тем не менее уже существуют примеры таких попыток как в отечественной, так и в зарубежной практике.

---

[59] Ладенков, Н. Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции / Н. Е. Ладенков // Философия права. – 2021. – № 1(96). – С. 167.

[60] Зорькин, В. Д. Право против хаоса : монография / В.Д. Зорькин. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2025. — С. 8.

[61] Краснова, С. И. Правовой хаос как антагонист правового порядка / С. И. Краснова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 12. – С. 173-177.

Зачастую экономические и политические отношения урегулированы с помощью законодательных актов, которые с натяжкой можно назвать правовыми. Нормы, содержащиеся в них, конечно же, обладают признаком нормативности, но зачастую не имеют представительно-обязывающего характера или не обеспечиваются силой государственного принуждения. Такие нормативы рассматриваются в качестве права прежде всего на основании формальных критериев. Однако, они могут быть преобразованы в полноценное право с помощью цифровизации. В рамках данной переработки возможно технологически разрешить застарелые юридические проблемы, такие как: коррупция, неравенство, дискриминация, неэффективность, пробельность и т.п. Строго говоря, происходящие в праве изменения происходят не из-за появившихся технологий, а из-за накопившихся нерешённых проблем. Многие из них не были решены ввиду отсутствия возможностей, а цифровизация их предоставляет. Однако, инерция правовой традиции во многом препятствует внедрению технологий в механизм правового регулирования.

Рассматривая правовую культуру как социальный институт, выполняющий функцию формирования у людей политического и правового сознания, ценностно-нормативных установок, а опосредованно и правового поведения[62], то можно отметить, что происходящие изменения в цифровой сфере общества уже постепенно начинают менять её как в части общественного сознания права, так в рамках правовой традиции[63]. Последнее происходит как в академических кругах, так и в среде практикующих юристов, внедряющих цифровые технологии в свою деятельность и оказывающих услуги клиентам в соответствующих вопросах.

Но не стоит ожидать, что устоявшиеся правовые традиции изменятся за один день. Это длительный процесс, течение которого обусловлено многими факторами.

---

[62] Чернышенко А.Г. Правосознание: понятие, структура, сущность в контексте социокультурного анализа // Научная мысль Кавказа. Приложение. – 2002. – № 15. – С. 38.

[63] Ладенков, Н. Е. Влияние цифровизации на правовую культуру / Н. Е. Ладенков // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции В 6 т., Казань, 22 сентября 2023 года. – Казань: Издательство "Познание", 2023. – С. 36-43.

Тем не менее, право уже не раз меняло свою парадигму на протяжении истории, о чём выше велась речь. С определённой оговоркой можно сказать, что цифровизация порождает аналогичные изменения. Эти изменения связаны прежде всего с появлением новой среды взаимодействия между субъектами — среды, плохо поддающейся классическим правовым механизмам. Как и в случае с технологическими новациями в прошлом, появляющиеся технологии обладают значительным потенциалом и способны существенно повысить производительность. При этом они не вписываются в укоренившуюся парадигму права и не способны быть интегрированными посредством рекомбинации институтов римского права.

Современная же действительность требует появления новых правовых механизмов, использующих возможности цифровой среды максимально эффективным образом. Это не значит, что классический механизм правового регулирования утратил свою актуальность. Он по-прежнему будет иметь основное значение для регулирования обычных общественных отношений, напрямую не связанных с цифровой средой. Кроме того, он сформировал профессиональную правовую культуру. Было бы ошибкой попытаться отказаться от него или полностью заменить методологию регулирования. В своё время советская Россия уже пыталась провести подобную правовую реформу, что выразилось в авангардном отказе от классического права начала XX века, когда советская Россия в попытке отказаться от буржуазного правосознания создала новую систему социального права[64]. Однако это не привело к каким-либо коренным изменениям.

Однако в современном мире мы не наблюдаем со стороны государственной власти подобных попыток изменения механизма правового регулирования в направлении чего-то более нового и революционного. Подавляющее большинство государств, затронутых цифровизацией, ограничиваются лишь фрагментарными изменениями законодательства. По всей видимости, данная ситуация связана с недостаточным внедрением соответствующих технологий в повседневную жизнь и

[64] Синюков, В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы / В. Н. Синюков // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 9(154). – С. 17.

бизнес-среду, так как чем более компьютеризировано общество, как, например, в США, тем более значительные поправки вносятся в законодательство. Зачастую они даже предусматривают новые формы правовой коммуникации. Перспектива развития цифровой подсистемы заключается не просто в адаптации действующих источников права под новые цифровые реалии, а в появлении новых форм правовой коммуникации, более экономных и быстрых способов возникновения, изменения и прекращения правоотношений, что в конечном итоге должно привести к сдвигам в правовой культуре — как массовой, так и профессиональной.

Несмотря на то, что цифровая среда взаимодействия выглядит глобальной, объединяя весь мир, было бы заблуждением считать, что национальные правые традиции не сохранятся, а правовые системы станут универсальными для всего мира. Скорее всего, под влиянием цифровизации национальные правовые традиции будут видоизменяться, приобретая новые уникальные черты, отражающие национальный менталитет, специфику исторического правового развития и особенности доктринальных воззрений. На данный момент последние в основном базируются на классическом правовом мышлении, однако с развитием цифровой подсистемы баланс, вероятно, изменится в пользу нового видения права.

Соответствующее развитие подсистемы цифрового права неизбежно потребует и появления новых источников. Как указывалось выше, классические инструменты неприменимы к новой реальности. Таким образом, наиболее вероятно, появление новых источников права. Вопрос об изменении источников уже достаточно давно обсуждается в доктрине, однако именно новейшие технологии актуализировали его как никогда прежде.

Цифровые общественные отношения имеют большую динамику за счёт отсутствия необходимости перемещения в пространстве, что требует и большей динамики права, которую не могут обеспечить классические источники. Кроме того, как отмечалось выше, классические методы регулирования имеют крайне малую эффективность в цифровом пространстве. М. В. Залоило отмечает: «В связи с этим традиционно высокая роль закона в системе источников российского права может выступать фактором, тормозящим развитие новых отношений в цифровой

среде.»[65]. Таким образом, закон превращается из позитивного фактора в негативный в плане влияния на развитие цифровых общественных отношений. Это не повод отказываться от законодательного регулирования цифровой среды. В отсутствие такого регулирования участники цифровой среды начинают саморегулироваться. При этом такая саморегуляция не опирается на основы конституционного строя, а как следствие потенциально могут нарушать общепризнанные права и свободы, интересы общества и государства[66]. Классическое законодательство способно создавать стабильный фундамент регулирования, но более детальное регулирование должно осуществляться иными источниками. По данному поводу Т. Я. Хабриева высказала интересную мысль о том, что закон в силу процедурных особенностей внесения изменений не способен своевременно меняться в след за трансформациями предмета регулирования[67].

Соответствующие идеи начали выдвигаться в научной литературе в начале XXI века. Так, по мнению Д. Хоуса, нужно перестать рассматривать закон как ограниченный текст, скорее он является «системой доставки информации»[68]. Данная концепция предполагает более диспозитивный характер закона, позволяющий участникам правоотношения индивидуализировать не только содержание прав и обязанностей, но и правоприменение. Таким образом, Д. Хоус считает, что правовая природа закона должна коренным образом измениться. Но в таком случае, с нашей точки зрения, это уже не будет законом, а будет новым источником права, ещё не систематизированном в юридической доктрине. Предложенная Д. Хоусом концепция близка к современной идее о «смарт-законах». Изначально данный термин был предложен А. В. Бодачевым, однако автор термина так и не углубился в его анализ в своих трудах. Стоит внести

---

[65] Залоило, М. В. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации / М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 201.

[66] Лунгу, Е. В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений / Е. В. Лунгу // Lex Russica (Русский закон). – 2025. – Т. 78, № 3(220). – С. 94.

[67] Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9(261). – С. 8.

[68] Howes D. (2001) e-Legislation: Law-Making in the Digital Age. McGill Law Journal, vol. 47, pp. 39-57.

некоторые уточнения в терминологию. Согласно нашему авторскому определению, «смарт-законы» — это разновидность смарт-контрактов, определяющих допустимость применения того или иного действия в рамках блокчейна и предусматривающих алгоритмы восстановления прав при нарушениях в программном коде смарт-контракта. Отдельно обратим внимание на то, что «смарт-законы» не имеют отношения к законам в юридическом смысле[69].

Соответствующая технология основывается на возможности перевода норм права на язык программирования. Это вызывает справедливые опасения некоторых исследователей, что право, как один из важнейших институтов человеческой цивилизации утратит свои традиции фактически перестанет существовать[70]. Однако не любые правоотношения возможно алгоритмизировать и не во всех случаях это целесообразно.

Но является ли данная технология источником права? С прикладной точки зрения именно в коде самой программы будут заложены нормы, в соответствии с которыми будут регулироваться все правоотношения, происходящие в соответствующей среде. Однако программный код не человекочитаем (по общему правилу, конечно, всегда можно найти специалиста, способного читать программный код как самый обычный текст), а значит, физические лица не смогут непосредственно ознакомиться с содержанием данного источника. Следовательно, с формальной точки зрения подобное технологическое новшество нельзя рассматривать в качестве источника права. Стоит говорить об автоматизированном правоприменении. В нём фигура правоприменителя может быть исключена из процесса как полностью, так и частично. К. В. Коробейникова отмечает, что автоматизация обладает значительными преимуществами для повышения

---

[69] Ладенков, Н. Е. "Смарт-закон" как технология правоприменения / Н. Е. Ладенков // Наступившее будущее: новые форматы, смыслы и сущности образования : Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 октября 2021 года / МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ АНАТОЛИЯ СОБЧАКА. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2021. – С. 63-72.

[70] Абрамов, Р. А. Основные направления влияния современных технологий на развитие права / Р. А. Абрамов, Д. А. Пашенцев // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2024. – № 1(53). – С. 12.

эффективности в государственно-правовой сфере[71]. Также, это позволяет уменьшить коррупционные риски и ошибки, связанные с человеческим фактором. Тогда как, с другой стороны, программный код, по сути, заменяет источник права. Это не будет выступать в качестве проблемы при достаточно полном регулировании позволяющим переложить нормы права в программные алгоритмы. В связи с этим важно определить пределы воздействия программных алгоритмов и обозначить линию их соприкосновения с правом[72].

Как указывалось выше, «смарт-законы» являются одним из проявлений технологии смарт-контрактов, существующих на базе блокчейна. Они уже учтены законодателем в части способа исполнения гражданско-правовых обязательств. Однако, их потенциал гораздо шире. В частности, их можно применить для «смарт-законов». Не исключено, что в будущем это будет учтено законодателем. Но на данный момент такое «технологическое правоприменение» выходит за рамки традиционной юридической деятельности. Таким образом, зарождается «конкурент» традиционному правоприменению, более гибкий и быстрый, но не обладающий силой государственного принуждения. Однако, данная технология может быть интегрирована в правовую систему, только если она окажется способной изменить ряд своих характеристик[73]. Это в свою очередь создаст новую методологию регулирования для цифровой подсистемы права.

Существует мнение, что реальный контроль отношений в киберпространстве невозможен. В связи с этим главную роль в процессе конструирования правопорядка играет не регулирование отношений в виртуальной среде с помощью правовых норм, а воспитательное воздействие на субъектов этих отношений, в том числе и с помощью самих цифровых технологий[74] — в связи с чем на первый план

---

[71] Коробейникова, К. В. Цифровизация государственно-правовой сферы: теоретико-правовой аспект / К. В. Коробейникова // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 5(221). – С. 14.
[72] Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9(261). – С. 5-16.
[73] Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1(253). – С. 85-102.
[74] Chris Reed. Making Laws for Cyberspace, Oxford: Oxford Press, 2012, 249 pages, Reprinted 2013.

выходит информационная функция права. Оно становится более направленным на правовую коммуникацию.

Отчасти можно согласиться с данными идеями. Действительно, традиционная методология правового регулирования утрачивает потенциал в цифровой среде и даже, отчасти, в привычной нам реальности благодаря способам обхода законодательных предписаний. Д. Хоус отмечает, что центр тяжести в правовом регулировании смещается с текста правового акта, который фактически утрачивает самостоятельную ценность, на возможность динамичного разрешения возникающих конфликтов[75].

Цифровая среда и современные технологии позволяет решить данную проблему с помощью применения «смарт-законов». Данная технология может выступать в качестве автоматизированного правоприменения - прежде всего в форме управленческого правоприменения. Однако, компьютерная программа не сможет учесть всех факторов из материального мира, и поэтому видится преждевременным использование данной технологии для охранительного правоприменения для большей части ситуаций. Исключение составляют ситуации, где уже сейчас охранительное правоприменение используется в «полуавтоматическом» режиме, например дорожные камеры фиксирующие нарушения правил дорожного движения. Я. В. Гайворонская и О. И. Мирошниченко справедливо отмечают риски утраты «духа закона», так как самим написанием кода заняты не юристы, а программисты[76]. И даже если этим будет заниматься специалист, совмещающий в себе все необходимые навыки, алгоритмизировать «дух закона» видится крайне затруднительным.

Для реализации предложенной модели правоприменения должны быть соблюдены три главных требования:

1. Наличие нормативно-правового акта на естественном языке;
2. Возможность изложить данный акт в форме программного кода;

---

[75] Howes D. (2001) e-Legislation: Law-Making in the Digital Age. McGill Law Journal, vol. 47, pp. 39-57.

[76] Гайворонская, Я. В. Нескромное обаяние цифровизации / Я. В. Гайворонская, О. И. Мирошниченко, А. Ю. Мамычев // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 31.

3. Наличие технологических возможностей для автоматизированного правоприменения в среде взаимодействия.

При их соблюдении технология «смарт-законов» может быть внедрена почти в любые правоотношения, будь то коллективное принятие решений, регистрация прав и т.п. В таком случае, «смарт-закон» при включении его в среду взаимодействия становиться юридическим фактом (юридическим актом), служащим основанием для начала правоприменительного процесса. В отдалённом будущем такая модель может вытеснить традиционное правоприменение, подчинив компьютерным алгоритмам все или почти все общественные процессы. Однако уровень развития технологий и глобальность изменений не позволяет говорить, что это может произойти хоть в сколько-то обозримом будущем. Скорее, мы увидим подобное в художественных произведениях. Что же касается реального правопорядка, то речь нужно вести об автоматизированном правоприменении на локальном уровне и отдельных институтах общегосударственного регулирования.

Таким образом, соответствующие технологические возможности наводят на мысль, что в качестве потенциально нового источника права можно рассматривать саму среду социального взаимодействия. Но такая среда должна иметь соответствующий инструментарий, который имеется, например, в блокчейне версии 2.0 и выше. Конечно, имеются и иные технологические решения со сходным инструментарием. Однако, на наш взгляд, право должно быть «технологически нейтральным». Соответствующая среда взаимодействия должна не столь опираться на конкретную технологию, сколь обладать набором признаков. Среди них можно выделить:

- возможность установления условий для проведения операций;
- автоматизированная проверка и исполнения операций;
- отсутствие влияния сторон правоотношения на исполнимость достигнутых решений;
- машинный контроль за объектом правоотношения;
- механизм достижения консенсуса между членами среды.

Общественная потребность в выработке соответствующей среды, опирающаяся на регулятивный потенциал самой среды, а не законодательства, уже проявляется в использовании многими экономическими субъектами новых способов построения отношений в цифровой среде. Они позволяют как уменьшить издержки на проведение финансовых операций, так и снижать «риски коррупции, недобросовестного использования административных ресурсов и коллизий правовых норм»[77].

Данные технологические решения уже начинают внедряться в законодательство многих государств, в том числе и России, однако, как указывалось выше, такие попытки недостаточно эффективны.

Также отдельно отметим, что активно развивающиеся технологии нейросетей и искусственного интеллекта уже в полной мере подводят нас к появлению новых субъектов — так называемых «цифровых личностей». Будучи нетипичными субъектами, они не способны воспринимать текстуальную форму закона. На данный момент «роботы-юристы» используют свою собственную программную начинку в качестве источника норм, однако это может порождать ситуации «расхождения норм» как между такими нетипичными субъектами, так и между нормами, используемыми классическими субъектами в цифровом пространстве (следующие из текстуальной формы закона). На текущий момент данная проблема носит в большей степени гипотетический характер, однако в обозримом будущем без упреждающих мер она может оказаться серьёзным препятствием для дальнейшего развития технологий и экономики.

Преодолеть её возможно как раз за счёт регулятивного потенциала цифровой среды. Программный код среды машиночитаем, а, следовательно, нетипичные субъекты способны его воспринять и истолковать. Содержание кода среды должно соответствовать некому текстуальному источнику, например, закону, чтобы удовлетворить интересы классических субъектов в его восприятии. При этом

---

[77]Блокчейн на пике хайпа: правовые риски и возможности / А. Ю. Иванов, М. Л. Башкатов, Е. В. Галкова [и др.]. – Москва : Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2017. – 240 с.

данный текстуальный источник не обязан соответствовать принятым в современном мире стандартам юридической техники, так как не он выступает в качестве первичного источника регулирования, а является, скорее, системой доставки правовой информации. Применение подобного типа технологического источника права позволит не только преодолеть указанную выше проблему, но и преодолеть разрыв между правом и технологиями, человеческим и нечеловеческим.

При соблюдении требования достижения консенсуса стороны правоотношения будут не только выстраивать правопорядок, но и фактически заниматься правотворчеством, формируя нормы для используемой среды. Государственный контроль за наполнением соответствующей среды довольно-таки ограничен, что оставляет за законодателем только функцию установления общих принципов. Более того, государство не может в полной мере ограничить выбор среды, что отнимает его монополию на создание норм права, во всяком случае в цифровом пространстве. Дело в том, что подобные цифровые среды взаимодействия в обязательном порядке функционируют на основе компьютерных сетей, прежде всего Интернета. Отечественный и зарубежный опыт показывает, что государство неспособно взять его под контроль. Так, Германия в попытках борьбы с компьютерным пиратством пришла к выводу, что невозможно заблокировать весь контент, нарушающий интеллектуальную собственность, но возможно отследить содержание загружаемых данных, на основании чего и привлекать к ответственности. Однако, такое отслеживание легко обходится с помощью виртуальных частных сетей (VPN) и других средств. Попытки борьбы с ними ни к чему не привели. Российский опыт борьбы с незаконным контентом в Интернете фиксирует такие же результаты. Достаточно вспомнить историю с попыткой блокировки Телеграм (Telegram), которую впоследствии отменили во многом из-за того, что она не работала так, как задумывалось. Или из более актуального: блокировка сервисов компании МЕТА (признана в РФ экстремистской организацией и запрещена) из-за изменений правил сервисов, позволяющих выдвигать экстремистские призывы в отношении российских граждан. Тем не

менее, заинтересованные пользователи опять же не столкнулись с проблемами получения доступа к данным сервисам. Подобные примеры показывают эффективность контроля для «обычного» Интернета. В ситуациях с использованием более технологичных решений государственный контроль не представляется возможным.

Государственное видение потенциала развития механизма правового регулирования в условиях цифровизации отражено прежде всего в программных документах, так как законодательные изменения пока что не слишком значительны. Его частично реализуют следующие документы, к которым можно отнести Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы», Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»), Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» и продолживший её Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», а также федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды».

В Паспорте федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» отражено направление подготовки концепции развития технологий машиночитаемого права, что является предтечей зарождения цифровой подсистемы, а в 2021 году была принята «Концепция развития технологий машиночитаемого права».

Применение технологии «смарт-законов» в сочетании с машиночитаемым правом способны решить проблемы специфики цифровой среды. Такое сочетание видится наиболее эффективным способов воздействия на цифровые отношения, что не укладывается в классический механизм правового регулирования. Тем не менее невозможно просто перенести действующее законодательство в машиночитаемый текст и «смарт-закон», требуется содержательно новое регулирования основанное на уже сложившихся обычаях. Как древнейшие нормативно-правовые акты выступали в качестве записи устных правовых

обычаев, так и в современную эпоху «смарт-закон» должен отразить технологические возможно и общепринятые в цифровой среде правила поведения отсекая возможности совершения некоторых неправомерных действий в цифровой среде. Как отмечают С. Ф. Долгов и В. Ю. Туранин: «Люди не перестают доверять традициям, уважают их опыт, выверенный временем, тем самым, наделяя обычай статусом источника права. Ввиду обширности вопросов, которые подлежат регулированию в Интернет-пространстве, обычай выступает как существенное дополнение действующего законодательства, с учетом практического опыта, а зачастую и единственным источником регулирования правоотношений»[78]. С учётом данного утверждения опора на сложившийся правовой обычай также позволит избежать негативную реакцию со стороны общественности.

Таким образом, при дальнейшем формировании новых институтов в цифровой среде, не имеющих традиционных аналогов, роль классического механизма правового регулирования будет уменьшаться. Тем не менее, нельзя сказать, что оно полностью исчезнет. Не стоит забывать, что человек привязан к материальному миру, а значит привычные типы общественных отношений также никуда не исчезнут. Для таких отношений роль классического механизма правового регулирования сохранится. Однако для отношений, складывающихся в цифровой среде, требуется новая методология регулирования. Как уже было отмечено выше, предполагается появление новой подсистемы — цифровой.

Сущностными отличиями данной подсистемы будет выступать, то она будет охватывать только отношения протекающие исключительно в цифровой среде, использовать саму среду в качестве средства воздействия на правоотношения и осуществлять правоприменение без вмешательства человека. Как справедливо отмечает М. А. Рожкова: «…развитие права на доступ в Интернет продемонстрировало возможность «технологии стать самим правом»[79]. Однако такая среда в обязательном порядке должна основываться на базовых принципах

---

[78] Долгов, С. Ф. Правовой интернет-обычай: постановка проблемы / С. Ф. Долгов, В. Ю. Туранин // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 12(216). – С. 45.

[79] Рожкова, М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве / М. А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2020. – № 10(525). – С. 3.

зафиксированных в традиционной системе для обеспечения гарантий и самой сути права как системы норм представительно-обязывающего характера[80]. По мнению А. С. Милосердова и А. И. Николаева — это возможно лишь через закрепления в алгоритмах базовых параметров национальной правовой традиции и её ценностного наполнения[81].

Многие исследователи обращают внимание, что несмотря на все достоинства цифровизации она создаёт и новые угрозы[82]. На наш взгляд данные угрозы главным образом сводятся к двум группам рисков.

Первая группа правовых рисков будет связана с техническими дефектами такими, как например: ошибки в программном коде, аппаратные сбои, перебои в подаче энергии, обрыв коммуникаций и т.п. В случае возникновения следующих проблем субъекты права могут сталкиваться с невозможностью реализации своих прав или их защиты в цифровой среде. Но не стоит забывать, что современное общество значительно зависит от технологий, пусть и более привычных, например, электричества. В случае отсутствия последнего реализация многих более классических прав также становится крайне затруднительной. Однако подобные ситуации почти не встречаются, что связанно с высокой надежностью давно отработанных технологий. Если обратить внимание на новейшие цифровые технологии, то нужно помнить, что они появились не на пустом месте, а явились очень существенным развитием технологий, появившихся ещё в 1960-тых годах. Как показывает современная практика, они отличаются повышенной надежностью в программном плане, а в качестве одной из наиболее существенных черт имеют защиту от подобных сбоев в форме самопроверок и диагностик. Таким образом, технологические риски для реализации прав сводятся к возможным аппаратным

---

[80] Волкова, Г. Е. Гарантии обеспечения цифровых прав человека в цифровом пространстве / Г. Е. Волкова // Философия права. – 2024. – № 2(109). – С. 25.

[81] Милосердов, А. С. Конституционализация цифровой правовой среды в современной России / А. С. Милосердов, А. И. Николаев // Образование и право. – 2023. – № 8. – С. 78.

[82] Дьячкова, А. В. Правовые вопросы обеспечения безопасной социальной жизни в неформальной цифровой среде / А. В. Дьячкова, О. В. Соболев, И. В. Птухина // Российское право: образование, практика, наука. – 2023. – № 4. – С. 60.

проблемам, которые, как было указано ранее, являются устоявшимися технологиями и почти никогда не создают глобальных проблем.

Вторая группа рисков связана с так называемой «компьютерной безграмотностью». И действительно, есть достаточно много физических лиц, испытывающих сложности при использовании цифровых технологий. Особенно остро данная проблема наблюдается у старших поколений. Однако и в среде более молодой категории граждан встречается подобная проблема.

Однако данная проблема не видится существенной в контексте реализации и защиты прав. Как уже отмечалось выше, классические правоотношения, протекающие прежде всего в материальном мире, никуда не денутся. Из этого следует, что и реализация прав сохранит свою классическую форму. Для многих из них, прежде всего связанных со взаимодействием с государственными органами, появились цифровые аналоги. Теперь вместо физического обращения почти всегда можно обратиться в цифровой форме посредством сети Интернет. У человека, не привычного к компьютерным технологиям, с этим могут возникнуть значительные сложности. Однако у него сохраняется возможность обратиться в государственный орган непосредственно или через Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг, тем самым избежав цифровой среды. Таким образом, он по-прежнему может реализовать или защитить свои права. Конечно, при осуществлении соответствующих действий в цифровой среде процесс значительно оптимизирован, требует меньше временных затрат, а иногда и финансовых издержек. Однако, это уже не вопрос формально-юридического равенства, а вопрос фактического равенства. На наш взгляд, фактическое равенство возможностей не реализуемо, но и в стремлении к этому также нет никакой необходимости. Да, у лица, владеющего цифровыми технологиями оказывается определённое преимущество над не владеющим, но точно также подобный разрыв в фактических возможностях образуется и между лицом, обременённым юридическими знаниями и не обременённым. Кроме того, подобный разрыв должен быть уменьшен, если не преодолён, с течением времени благодаря

развитию образования, прежде всего информационного, как ранее это было сделано с разрывом между грамотными и неграмотными.

Другим аспектом данной группы рисков выступает то, что лица, не умеющие использовать цифровые технологии, не смогут адекватно без представителя или иного помощника участвовать в правоотношениях, протекающих исключительно в цифровой среде – например, связанных с криптовалютами. Однако это тоже не выглядит как существенная проблема. Во-первых, подобные отношения не являются строго необходимыми, и даже многие лица, способные в них участвовать за счёт своих знаний и навыков, этого не делают. Во-вторых лицо, не использующее цифровые технологии, не заинтересованно в подобных правоотношениях, так как они протекают «за пределами его сознания». Таким образом, едва ли можно сказать, что права будут нарушаться, так как осознанная возможность участия — это сфера неимущественных прав, которые могут быть нарушены только при осознании подобного нарушения.

Таким образом, развитие цифровой подсистемы права создаст лишь несущественные риски нарушения прав субъектов правоотношений по сравнению с имеющимися уже на данный момент. Это касается как классических правоотношений, так и протекающих исключительно в цифровой среде. Ещё раз отметим, что формирование цифровой подсистемы ни в коей мере не умаляет существование и значимость классического механизма правового регулирования в обозримой перспективе. Она лишь расширяет само явление права, привнося в сферу общественных отношений новую среду и способы взаимодействия между лицами.

2. Трансформация структуры и субъектного состава правоотношения под влиянием цифровых технологий

2.1 Проблемы наделения правосубъектностью цифровых конструкций и содержание правоотношений с их участием[83]

Как ранее отмечалось, изменения правовой системы связаны и с изменениями, происходящими в субъектном составе общественных отношений. Появление нетипичных конструкций всё более и более размывает границу между субъектом и объектом права. В частности, в рамках цифровизации своё развитие нашли цифровые конструкции, зачастую действующие внешне самостоятельно. Их деятельность начинает приобретать всё большее значение в цифровой среде, что поднимает вопрос об их правосубъектности, выразившейся в разработке концепций законопроектов о наделении правосубъектностью роботов-агентов[84]. Законодатель не стал принимать их к рассмотрению. Однако его разработка уже указывает, что проблема перетекла из сугубо теоретической плоскости и приобрела практическую значимость. Кроме того, на регулярной основе появляются технологии, наделяющие роботов новыми функциями, например разнообразные беспилотные системы, вызывающие определённой резонанс в широкой общественности[85]. Из-за чего дискуссии о правосубъектности систем искусственного интеллекта выходят за пределы юридической сферы. Отдельно отметим, что уже на данный момент отдельные системы искусственного

---

[83] При написании данного параграфа были использованы материалы из следующих работ автора: Ладенков, Н. Е. Модели наделения искусственного интеллекта правосубъектностью / Н. Е. Ладенков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – № 3. – С. 12-20.; Ладенков, Н. Е. Преобразование правовой системы под влиянием цифровизации: постановка проблемы / Н. Е. Ладенков // Смирновские чтения – 2020. Ключевые вызовы наступившего десятилетия : Материалы XIX международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 19 марта 2020 года / Международный банковский институт имени Анатолия Собчака. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2020. – С. 19-25.

[84] Росенко, М. И. Проблемы совершенствования правового регулирования искусственного интеллекта и его использования в гражданском праве России / М. И. Росенко, Е. В. Скребец // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 2(230). – С. 79.

[85] Bertolini, A. Robots and AI as Legal Subjects? Disentangling the Ontological and Functional Perspective / A. Bertolini, F. Episcopo // Frontiers in Robotics and AI. – 2022. – Vol. 9.

интеллекта фактически являются участниками некоторых общественных отношений[86].

Современные государства активно реагируют на соответствующие вызовы. По данным Стэндфордского университета к 2024 году в мире были приняты 204 закона затрагивающие искусственный интеллект, при этом большая часть из них принималась после 2020 года[87]. Однако в данном отчёте учитываются любые законы, использующие термин искусственный интеллект или его синонимы. Из отчёта также следует, что Россия в 2024 году стала рекордсменом по принятию законов, использующих данную терминологию приняв за год 7 законов. Тем не менее в России, как и в большинстве стран мира до сих пор однозначно не определён юридический статус искусственного интеллекта способного действовать автономно от человека. Таким образом, перед государствами, в том числе и Россией, стоит задача в ближайшем будущем определить правовой статус автономных цифровых конструкций, нормативно закрепить их как цифровых личностей, нетипичных объектов или каком-то ином ключе. Ответ на вопрос о наиболее рациональном нормативном закреплении статуса лежит в плоскости юридической природы таких конструкций, что, в свою очередь, требует и переосмысления таких базовых правовых категорий как объект, субъект и правосубъектность. Развитие данных доктринальных воззрений необходимо прежде всего для формирующейся цифровой подсистемы права. Однако, и для классического права они в значительной степени актуальны.

Как отмечают Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор, в цифровую эпоху требуются новые подходы к закреплению как типичных, так и нетипичных субъектов права[88]. В российском законодательстве данный вопрос ещё не был решён однозначным образом, впрочем, как и в зарубежном. На данный момент искусственный

---

[86] Филипова, И. А. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? / И. А. Филипова, В. Д. Коротеев // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 2. – С. 361.

[87] AI Index Report 2025. (2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aiindex.stanford.edu/report/. (дата обращения: 31.08.2025).

[88] Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1(253). – С. 85-102.

интеллект и роботы как юридические конструкции отражены в программных документах и различных научных публикациях. Разброс мнений по вопросу наделения указанных систем правосубъектностью широк: от полного отрицания, поскольку это является «умножением сущности без необходимости»[89] до необходимости введения в научный оборот понятия электронного лица[90].

Среди таких нетипичных субъектов наибольшее внимание общественности притягивают роботы во многом благодаря художественным произведениям. Однако едва ли идеи авторов данных произведений напрямую могут быть использованы при построении юридических конструкций. Требуется выведение юридически значимых признаков. Так, Г. А. Гаджиев отмечает, что в случае возникновения реальных предпосылок наличия интеллекта у роботов, т. е. сознания и воли в их юридической, а не психологической интерпретации, роботов можно признать квазисубъектами права[91].

Для начала стоит обратить внимание на опыт наделения правосубъектностью иных нетипичных субъектов права. Кроме известных и признаваемых в юриспруденции физических и юридических лиц, а также таких особых коллективных субъектов права, как государство, субъект федерации, народ и др.[92], некоторые государства признают правосубъектность за животными и растениями, традиционно выступающими в качестве объектов права. Они всё чаще и чаще наделяют их некоторыми субъективными правами, делая из них субъектов права в отдельных отраслях права[93]. Например, Аргентинский суд наделил правами

---

[89] Петренко, М. Н. Искусственный интеллект: о проблемах правового статуса / М. Н. Петренко // Аллея науки. – 2018. – Т. 1, № 1(17). – С. 491-494.

[90] Ястребов, О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы / О. А. Ястребов // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 40.

[91] Гаджиев, Г. А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) / Г. А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2018. – № 1(253). – С. 24.

[92] Самылов, И. В. Понятие и система коллективных субъектов права / И. В. Самылов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2009. – № 4(6). – С. 25-32.

[93] Попова, А. В. Природа природы и онтология человека:к вопросу о новых субъектах права / А. В. Попова, М. Г. Абрамова // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – Т. 3, № 1(10). – С. 54-62.

орангутанов, назвав их нечеловеческими личностями[94]. Если у животных в определённой степени можно определить сознание и волю, то у иных явлений, иногда признаваемых субъектами права - нет. Принятый в Новой Зеландии в 2017 г. закон признал статус юридического лица за рекой Уонганui[95], т. е. река из собственности трансформировалась в юридическое лицо. В Индии Верховный суд в 2000 г. признал юридическим лицом основной священный текст сикхов — Гуру Грантх Сахиб[96]. Имеется даже более глобальный пример признания субъектом права — Пачамаму (Мать-Земля)[97].

Возвращаясь к заявленной теме, роботы и киберфизические системы на основе искусственного интеллекта также иногда уже признаются субъектами права[98]. Очевидно, что большая часть приведённых примеров наделения правосубъектностью говорит об ориентированности на экономическую целесообразность или удобство оборота, а не на юридически значимые признаки. Однако они показывают, что перечень субъектов права способен расширяться, выходя за пределы традиционных рамок. Таким образом, при наличии экономической целесообразности или иной значимой причины для законодателя робот может быть наделён правосубъектностью просто «росчерком пера». Такой подход выглядит юридически некорректным. Правосубъектность должна определяться через наличие сознания и воли, автономности и других черт, позволяющих выступать самостоятельным участником общественных отношений. Соответствующий анализ не может быть проведён без учёта поведенческих

---

[94] Саффо П. Каким будет место человека? Что мы думаем о машинах, которые думают о нас. М., 2017. С. 225.

[95] Te Awa Tupua (WhanganuiRiverClaims Settlement) Act 2017. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.legislation.govt.nz/act/public/2017/0007/latest/whole.html (дата обращения: 31.08.2025).

[96] Shiromani Gurudwara Prabhandhak Committe v. Som Nath Dass AIR 2000 SC 1421

[97] Исследование по вопросу о необходимости учета и признания прав Матери-Земли E/C.19/2010/4 // ООН, Экономический и Социальный Совет 15 января 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/esa/socdev/unpfii/documents/E.C.19.2010.4%20RU.pdf (дата обращения: 31.08.2025).

[98] Попова, А. В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании / А. В. Попова // Журнал российского права. – 2018. – № 11(263). – С. 18.

аспектов, поскольку право непосредственно воздействует на сознание и поведение[99].

Для ответа на вопрос о правосубъектности роботов необходимо определиться с понятием робота. ГОСТ Р ИСО 8373:2012 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения» закрепляет понятие робота как «Исполнительный механизм, программируемый по двум или более степеням подвижности, обладающий определенной степенью автономности и способный перемещаться во внешней среде с целью выполнения задач по назначению» и определяет виды роботов[100].

По типу механической конструкции робота выделяются:

1. Робот с цилиндрической системой координат.
2. Робот с полярной системой координат.
3. Робот маятникового типа.
4. Шарнирный робот.
5. Робот SCARA.
6. Робот позвоночного типа.
7. Робот с параллельной структурой.

По типу механической конструкции мобильного робота:

1. Колесный робот.
2. Шагающий робот.
3. Двуногий робот.
4. Гусеничный робот.
5. Гуманоидный робот.
6. Мобильная платформа.
7. Всенаправленный мобильный механизм.
8. Автоматическая самоходная тележка.

---

[99] Робот и человек: новое партнерство? / Ю. А. Тихомиров, Н. Б. Крысенкова, С. Б. Нанба, Ж. А. Маргушева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 5(72). – С. 7.

[100] ГОСТ Р 60.0.0.4-2019/ИСО 8373:2012 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения».

ГОСТ не уделяет внимания правосубъектности и юридическому статусу, ограничиваясь в основном физическими характеристиками роботов. Также из ГОСТа можно вывести классификацию роботов по функциональной роли:

1. Промышленный робот.
2. Сервисный робот:

a. Персональный сервисный робот;

b. Профессиональный сервисный робот.

Однако функциональная роль, опять же, не позволяет охарактеризовать виды роботов как участников общественных отношений. Отдельно ГОСТ выделяет адаптивных роботов, способных выполнять задания, воспринимая и изменяя внешнюю среду и/ или взаимодействуя с внешними источниками и адаптируя свое поведение, и роботов для совместной работы, разработанных для непосредственного взаимодействия с человеком. При соблюдении некоторых условий данные две разновидности гипотетически могут рассматриваться в качестве субъектов права.

С 1 марта 2021 г. в России начал действовать новый стандарт ГОСТ Р 59276-2020 «Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения». Он прежде всего направлен на регламентацию процесса создания и эксплуатации систем искусственного интеллекта, взаимодействующего с людьми. Но самое ценное это то, что в ГОСТе закреплено понятие искусственного интеллекта: «Способность технической системы имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.»[101].

Относительно юридической квалификации роботов в доктрине одной из первых появилась позиция отнесения их к объектам права, а именно — по аналогии с животными. Это нашло отражение в Международная классификация товаров и

[101] ГОСТ Р 59276-2020 «Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения»

услуг для регистрации знаков. Она напрямую обозначает разновидность товаров «Роботы человекоподобные с искусственным интеллектом» (класс 09, базовый № 090778)[102]. Ещё в римском праве вещи делились на молчащие, мычащие и говорящие. Последние две категории проявляли определённую степень автономности, как и роботы. При этом они не считались самостоятельными и из-за этого не были деликтоспособными. В развитие данной мысли, Е. Ф. Евсеев на основании того, что у животных есть собственная воля в совершении действий, полагает необходимым определять их как одушевленную вещь[103].

Однако современная парадигма права не признаёт выделение в качестве объекта разумных конструкций — пока оставим за скобками вопрос о разумности роботов. Таким образом, брать прямую аналогию из римского или иного другого архаичного права относительно рабов в современном мире не представляется возможным. Кроме того, как было показано выше, многие современные государства уже начали наделять правосубъектностью некоторых животных. Не стоит также забывать, что роботы имеют искусственное, а не естественное происхождение. Как справедливо отмечают В. В. Архипов и В. Б. Наумов, роботов нельзя признать одушевлёнными, так как они строго определённо не живые, при этом они отмечают, что роботы способны действовать автономно[104]. Едва ли можно поспорить, что одушевлённым может быть исключительно живое существо, а способность к автономному поведению не является главным признаком жизни: так, например, у раба или животного воля, в определённом смысле, формируется если не самостоятельно, то, по крайней мере, под влиянием собственных психических процессов. Но насчёт роботов остаётся открытым вопрос о том, кто сформировал

---

[102] Международная классификация товаров и услуг для регистрации знаков (МКТУ) (11-я редакция, изд. 1-е). Правовая система «Кодекс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/420273241 (дата обращения: 31.08.2025).

[103] Евсеев, Е. Ф. О соотношении понятий "животное" и "вещь" в гражданском праве / Е. Ф. Евсеев // Законодательство и экономика. - 2009. - № 2. С. 16—20.

[104] Архипов, В. В. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности / В. В. Архипов, В. Б. Наумов // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157-170.

волю: программист или можно считать, что воля робота формируется самостоятельно.

Однако современному правопорядку известны сконструированные субъекты, чья воля полностью формируется человеком или группой людей. На основании этого появилась и вторая позиция. Основная её идея заключается в том, что робота можно наделить правосубъектностью, также как юридическое лицо. Если волю юридического лица формируют его учредители, то волю робота его оператор. Так, Э. Кастронова соотносит понятие «интеррация» с процессом создания юридического лица в правовой реальности[105]. В связи с этим А. В. Попова отмечает, что робот может по аналогии с юридическими лицами выступать в качестве субъекта права при внесении его в специальный реестр[106]. Однако у юридического лица и робота есть существенно отличие: первое не может действовать непосредственно и самостоятельно, а робот может.

Также существует позиция о закреплении отдельных видов роботов в качестве квазисубъектов права. Так, Д. С. Гришин, предложивший концепцию законопроекта о наделении правосубъектностью роботов-агентов, предлагает ввести легальное определение робота-агента: «Робот, который по решению собственника и в силу конструктивных особенностей предназначен для участия в гражданском обороте. Робот-агент имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности. В случаях, установленных законом, робот-агент может выступать в качестве участника гражданского процесса»[107]. В соответствии с идеей автора у робота-агента возникает

---

[105] Castronova, E. "The Right to Play". New York Law School Law Review. 2004. Vol. 49. No. 1. P. 185-210.

[106] Попова, А. В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании / А. В. Попова // Журнал российского права. – 2018. – № 11(263). – С. 14-24.

[107] Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» / Проект Гришина Дмитрия Сергеевича (Grishin Robotics) (не вносился в Госдуму) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: //www. dentons. com/ru/insights/alerts/2017/j anuary/27/dentons-develops-first-robotics-draft-law-in-russia. (дата обращения: 31.08.2025).

правоспособность при наступлении юридического состава, состоящего из регистрации и публичного заявления об использовании. Конструкция юридической ответственности по законопроекту схожа с обществами с ограниченной ответственностью: собственник робота-агента несёт ответственность только в пределах имущества, выделенного роботу. С точки зрения представителей данной концепции, ключевым моментом выступает возможность робота принимать решения, адаптируясь к внешним условиям, а точнее — к действиям иных субъектов.

Проекты наделения роботов правосубъектностью появлялись и за рубежом. Например, в рамках Европейского союза было предложено определять промышленных роботов как электронных личностей, труд которых используется работодателями в различных областях жизнедеятельности человеческого общества и которые способны помогать человеку на его пути к обществу всеобщего благоденствия. Авторы резолюции Нормы гражданского права о робототехнике и Хартия робототехники (2017.06) (Civil Law Ruleson Robotics» (2015/2103(INL)) предлагают наделить таких роботов правосубъектностью в рамках трудовых и налоговых правоотношений. В пункте 1 «Общих положений, касающихся развития робототехники и искусственного интеллекта для гражданских нужд» отмечается, что необходимо определить существенные черты таких явлений, как «киберфизические системы», «автономные системы», «умные автономные роботы» и их составляющих. Авторы не забыли и об искусственном происхождении роботов, указав на необходимость введения норм о разделении ответственности робота и того лица, в чьих интересах он действует, через призму автономности робота[108].

На наш взгляд, вопрос о правосубъектности робота должен решаться через программную начинку, а не физические характеристики. Таким образом, действующее в России регулирование роботов неспособно подсказать ответ в

[108] European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commissionon Civil Law Ruleson Robotics (2015/2103(INL)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html#title1 (дата обращения: 31.08.2025).

соответствующей сфере. О. А. Глобенко и Е. Б. Портная отмечают: «На текущий момент большинство авторов в правовых исследованиях используют эти понятия как тождественные, в том числе, по той причине, что категория усеченной правосубъектности должна иметь физический носитель. С другой стороны, признание рядом правопорядков категории юридического лица в качестве субъекта уголовно-правовых отношений, иллюстрирует и противоположную возможность[109]». По всей видимости, имеет смысл рассуждать о правосубъектности только роботов, обладающих искусственным интеллектом. Как отмечает А. В. Попова: «Очевидно, что роботизированное устройство или промышленная роботизированная линия является безусловным объектом гражданско-правовых отношений, в том числе права интеллектуальной собственности, а вот промышленный робот, робот-агент, обслуживающий робот в зависимости от использования в нем ИИ может быть и особым субъектом права с ограниченной правоспособностью»[110]. Отметим, что машины, которые в повседневной речи мы называем «роботами», например, робот-пылесос, таковыми не являются, так как не обладают признаками искусственного интеллекта. В этих целях следует сконцентрировать внимание именно на последнем, без привязки к его физическому носителю, то есть на определённый компьютерный алгоритм. Дело в том, что если у человека сознание не отделимо от тела (физического носителя) и не может быть перенесено на другой носитель при современном уровне развития технологий, то у робота это возможно. Без сомнения, робот как физическая конструкция способен выступать исключительно в качестве объекта права. А его «сознание» (алгоритм) уже вызывает определённые вопросы: главное, чтобы последний отвечал признакам, присущим и остальным субъектам права.

---

[109] Глобенко, О. А. Искусственный интеллект: дискурс о правовой квалификации и перспективах применения в правовой сфере / О. А. Глобенко, Е. Б. Портная // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7(223). – С. 49.

[110] Попова, А. В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании / А. В. Попова // Журнал российского права. – 2018. – № 11(263). – С. 23.

Отдельно отметим, что человек является участником общественных отношений и в цифровом пространстве, как бы разделяясь между двумя реальностями. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, современное Интернет-пространство и вхождение человека в виртуальный мир предполагает определенную дихотомию правового положения индивида, заключающуюся в его существовании в гибридной реальности[111]. Однако такой индивид не перестаёт существовать и в материальном мире, даже когда взаимодействует в цифровой среде, поэтому умножение правосубъектности физического лица в зависимости от среды взаимодействия видится необоснованным. А идеи о том, что цифровой аватар является самостоятельный субъектом, не релевантны, пока у него нет самостоятельной воли и некого аналога сознания, хотя бы производного от сознания и воли физического лица, стоящего за ним.

Стоит сразу же затронуть вопрос правосубъектности смарт-контрактов, которые, как мы рассматривали выше, выступают компьютерными алгоритмами, совершающими юридически значимые действия. Функции смарт-контрактов позволяют не только автоматически исполнять договорные обязательства, но и брать их на себя. Лицо, использующее данную технологию, может заложить в неё условия, на которых договоры должны заключаться в автоматическом режиме. Программа находит подходящие публичные оферты, сверяет с заложенными условиями и при их совпадении акцептирует оферту. В ситуации, когда оферта не публичная или найдено предложение делать оферты, программа направляет соответствующую встречную оферту. В таком случае может возникнуть вопрос: кто заключает договор, программа или человек? Как уже было отмечено выше, такую компьютерную программу нельзя рассматривать в качестве субъекта права, следовательно, она не может выступать в качестве участника правоотношения. Таким образом, компьютерный код не может самостоятельно заключить договор.

---

[111] Чеклецов, В.В. Гибридная реальность. НБИКС как интерфейс «человек - машина» // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д.И. Дубровского. - М.: ООО «Издательство МБА», 2013. С. 107-120.

Искусственный интеллект, напротив, должен иметь возможность самостоятельно модернизировать свои алгоритмы. Однако некоторые ученые обоснованно указывают, что искусственный интеллект является новым и недостаточно изученным явлением. Главным новшеством выступает его способность к самообучению на основе накопленного опыта, за счёт чего повышается эффективность и меняется алгоритм принятия решений[112].

В России отсутствует легальное закрепление признаков искусственного интеллекта, но, тем не менее, данный термин широко используется в различных программных документах стратегического характера. Например, в программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г., технология искусственного интеллекта обозначалась как одна из приоритетных сквозных технологий для решения вопросов обработки больших данных, распознавания объектов и интеллектуального поиска. Однако признаки искусственного интеллекта не выводятся.

Выделяют централизованный и децентрализованный искусственный интеллект в зависимости от распределённости по устройствам, а также «слабый» и «сильный» искусственный интеллект, в зависимости от спектра решаемых задач[113].

На данный момент технологии позволяют создавать только слабый искусственный интеллект. В соответствии с п. 9 «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.» создание универсального (сильного) искусственного интеллекта, способного, подобно человеку, решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям, является сложной научно-технической проблемой, решение которой находится на пересечении различных сфер научного знания — естественнонаучной, технической и социально-гуманитарной. Решение этой проблемы может привести не только к позитивным изменениям в ключевых сферах

---

[112] Čerka P., Grigienė J., Sirbikytė G. Liability for Damages Caused by Artificial Intelligence // Computer Law & Security Review. 2015. Vol. 31, №3. P. 377.

[113] Мохат, П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд / П. М. Мохат. – Москва : КТ "Буки-Веди", 2017. – С. 44

жизнедеятельности, но и к негативным последствиям, вызванным социальными и технологическими изменениями, которые сопутствуют развитию технологий искусственного интеллекта. Однако даже слабый искусственный интеллект потенциально способен быть субъектом права с ограниченной правоспособностью и только в тех рамках, для которых он создан.

На данный момент ещё не было выработано общепринятое понятие искусственного интеллекта и его признаки. На нормативном уровне дефиниция искусственного интеллекта закреплена в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утверждённой Указом Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». В соответствии с п.п. «а» п. 5 искусственный интеллект — это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Сходное определение даётся в ГОСТ Р 59276-2020 рассмотренном выше.

Однако в Указе Президента РФ отражены функциональные, а не юридические значимые признаки, что больше бы подошло для ГОСТа, а не нормативно-правового акта. Следовательно, на плечах доктрины лежит задача по осмыслению и формулированию признаков искусственного интеллекта.

Главное проблема заключается в том, что так и не сложилось общепринятого понимания природы, функций и задач искусственного интеллекта. Можно выделить следующие основные подходы к искусственному интеллекту:

1. система, способная выполнять все функции человеческого разума;
2. система, способная выполнять только часть функций человеческого разума;

3. система, способная выполнять недоступные для человеческого разума задачи.

Так как мы рассматриваем способность искусственного интеллекта выступать в качестве участника правоотношения, нас должны интересовать только аналоги соответствующих функций человеческого разума. Следовательно, первый и третий подходы не подходят для выделения юридически значимых признаков искусственного интеллекта. Первый подход не подходит из-за того, что часть функций человеческого разума не существенны именно для правоотношения, а третий — из-за неясности границ возможностей нашего разума[114].

В рамках второго подхода интересным выглядит определение, данное А. В. Понкиным и А. И. Редькиной: «Искусственный интеллект — это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия». Авторы приписывают искусственному интеллекту следующие способности: выступать в качестве субъекта, воспринимать большой объем информации, самостоятельно принимать решения и исполнять их на основе предыдущего опыта, адаптироваться к внешней среде, выполнять творческие задачи, а также способности к самосовершенствованию, самообучению, саморазвитию и самосознанию[115].

Также в рамках данного подхода иное заслуживающее внимания определение предложил П. М. Морхат: «Искусственный интеллект — это полностью или частично автономная самоорганизующаяся компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе

---

[114] Ладенков, Н. Е. Модели наделения искусственного интеллекта правосубъектностью / Н. Е. Ладенков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – № 3. – С. 14.

[115] Понкин, И. В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И. В. Понкин, А. И. Редькина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 94-95.

биокибернетическая, система, наделенная/ обладающая способностями и возможностями:

- антропоморфно-разумных мыслительных и когнитивных действий;
- самореферентности, саморегулирования, самоадаптирования под изменяющиеся условия, самоограничения;
- самоподдержания себя в гомеостазе;
- генетического поиска, накопления информации и опыта;
- обучения и самообучения;
- самостоятельной разработки и самостоятельного применения алгоритмов самоомологации;
- самостоятельной разработки тестов под собственное тестирование, самостоятельного проведения самотестирований и тестирований компьютерной и, при возможности, физической реальности;
- антропоморфно-разумного самостоятельного (в том числе творческого) принятия решений и решения задач и проблем»[116].

А. А. Васильев, Д. Шпоппер и М. Х. Матвеева, в свою очередь, сделали попытки обобщить имеющиеся в доктрине позиции и вывести наиболее общие признаки искусственного интеллекта:

- наличие технического устройства (киберфизической системы), способного воспринимать информацию и передавать её;
- определенная степень автономной работы без человеческого участия (субъектность) при отсутствии жизни такой системы;
- способность к анализу, обобщению информации, выработке интеллектуальных решений на основе изученных данных (мышление), самосознанию;

[116] Мохат, П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд / П. М. Мохат. – Москва : КТ "Буки-Веди", 2017. – С. 69.

- способность к обучению, самостоятельному поиску информации и принятию на основе этой информации решений[117].

В качестве одной из самых существенных черт и наиболее часто встречаемых в рамках доктринального анализа выступает самообучение. Этого основное отличие искусственного интеллекта от иных компьютерных программ, позволяющему ему увеличивать свою эффективность и принимать сравнительно уникальные решения.

Также попытки выделить юридические признаки искусственного интеллекта предпринимались и в зарубежном законодательстве. К сожалению, их нельзя назвать достаточно успешными, так как они либо остались на уровне проектов и рекомендаций, либо недостаточно полные. Так, в резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г. была указана необходимость выработать общие понятия, связанные с искусственным интеллектом[118]. Впоследствии данное понятие так и не было закреплено. Хотя резолюция не содержала дефиниции, там были отмечены наиболее значимые признаки искусственного интеллекта: автономность; обмен данными; самообучение; минимальная поддержка со стороны человека; адаптация к внешней среде; отсутствие жизни. А в Южной Корее еще в 2008 г. был принят закон «О содействии развитию и распространению умных роботов». В законе дано следующее определение умного робота: механическое устройство, которое способно воспринимать окружающую среду, распознавать обстоятельства, в которых оно функционирует, и целенаправленно передвигаться самостоятельно[119]. Конечно, в данном законе речь идёт не об искусственном интеллекте в чистом виде, а о роботах с соответствующим программным обеспечением. Тем не менее,

---

[117] Васильев, А. А. Термин "искусственный интеллект" в российском праве: доктринальный анализ / А. А. Васильев, Д. Шпоппер, М. Х. Матаева // Юрислингвистика. – 2018. – № 7-8. – С. 43.

[118] European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commissionon Civil Law Ruleson Robotics (2015/2103(INL)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html#title1 (дата обращения: 31.08.2025).

[119]Закон Южной Кореи «О содействии развитию и распространению умных роботов» (2008)

закреплённая дефиниция также в значительной степени перекликается с изложенными выше.

Таким образом, начинает складываться более или менее общее понимание природы и специфики искусственного интеллекта. Однако даже на уровне доктрины не выработано общепринятого понятия. Ситуация усугубляется ещё и тем, что также отсутствуют общепринятые дефиниции связанных технологий, таких как, машинное обучение, нейросеть, автономный работ и т.п. Зачастую данные понятия смешиваются между собой. Более того, нет согласия даже в отношении термина «естественный интеллект», что в своей совокупности образует проблему определения юридически значимых признаков искусственного интеллекта. Так как рассуждение идёт в контексте правосубъектности, стоит сконцентрироваться на соответствующих признаках. Традиционно субъекты права определяются через сознание и волю, которые находят своё объективное выражение посредством принятия уникальных решений. Искусственный интеллект, как было отмечено выше, способен на это благодаря самообучению и модернизации собственных алгоритмов. Подобное самообучение зачастую уже не позволяет определить искусственный интеллект как безвольный инструмент - он слишком автономен от своего оператора.

Таким образом, существенными юридическими признаками искусственного интеллекта выступают:

1. Самоадаптация, объективируемая в сравнительно уникальных самостоятельных решениях, вырабатываемых на основании собственного приобретенного опыта.

2. Способность вступать в социальные взаимодействия как с другими юнитами, так и с людьми путем совершения юридически значимых действий.

3. Автономность от оператора, достигаемая с помощью способности к самоподдержанию в работоспособном состоянии.

4. Отсутствие жизни[120].

Данные признаки позволяют чётко разграничить искусственный интеллект и остальные компьютерные программы. Однако сами по себе они не показывают правовую природу искусственного интеллекта - не позволяют понять соотношение воли самого искусственного интеллекта с волей создателя или оператора.

Видится, что современные технологии самообучения машин уже начинают размывать границы между машиной и человеком. Маршал Уиллик в своем исследовании, проведенном в 1983 г., указывал, что по мере развития технологий, позволяющих более полно взаимодействовать человеку и компьютеру, возможно размытие границ между инструментом (в качестве которого выступает как раз компьютер) и оператором, управляющим им[121]. Учитывая ускорение темпов технического развития, стоит ожидать, что данная проблема обострится в ближайшем будущем. И если искусственный интеллект является по-настоящему автономным и способен к самообучению, то становится всё более сложно приписывать последствия его поведения (действия) его создателю[122], что актуализирует вопрос об деликтной ответственности. На данный счёт существует 3 основных позиции:

1. Ответственность собственника устройства, на котором установлен искусственный интеллект, по модели источника повышенной опасности.

2. Ответственность разработчика искусственного интеллекта.

3. Ответственность оператора.

Или можно взять другой пример. «DABUS» (сокращённо от «device for the autonoous bootstrapping of unified sentience» – устройство для автономной начальной загрузки единого разума) – нейросеть разработанная для разработки и создания различных устройств. Разработчик данной программы подал заявку на

---

[120] Ладенков, Н. Е. Модели наделения искусственного интеллекта правосубъектностью / Н. Е. Ладенков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – № 3. – С. 15-16.

[121] Willick M.S. Artifi cial intelligence: Some Legal Approaches and Implications // AI Magazine. – 1983. – Vol. 4. – № 2. – P. 6.

[122] Barbosa M.M. Inteligência artificial, e-persons e direito: desafi os e perspetivas // Revista Jurídica LusoBrasileira. – 2017. – № 6. – P. 1477

выдачу патента с указанием в качестве автора именно нейросеть. Данные заявки были поданы в нескольких государствах. Патентные агентства Великобритании и Австралии отказали в такой регистрации, а агентство ЮАР зарегистрировало программу как автора изобретения. По утверждению разработчика, нейросеть самостоятельно изобрела сигнальную лампочку и контейнер для еды. При этом, в сам процесс разработки данных устройств человек не вмешивался. Наибольшее развитие эта история получила в Австралии. Суд первой инстанции признал отказ в выдаче патента незаконным ввиду того, что он соответствовал всем формальным требованиям.

Суд апелляционной инстанции провёл более детальный анализ, выйдя за формальные требования заявки. Он пришёл к выводу, что спор идёт не о порядке регистрации, а о возможности признать компьютерную программу в качестве автора/ творящего субъекта. Суд отдельно подчеркнул значение лица, создавшего изобретение, его личный вклад в развитие техники и технологии. Такое лицо имеет право не только на материальное вознаграждение, но и моральное, чего программа получить не сможет. Кроме рассуждений о роли личности изобретателя, суд также отметил, что по австралийскому законодательству нейросеть не является субъектом права, а, значит, иметь какие-либо права не может[123].

Таким образом, австралийский суд пришёл к выводу, что «электронное лицо» не может быть субъектом творческой деятельности, а, следовательно, не может быть автором. В рассуждения о правосубъектности суд не углублялся, ограничившись лишь указанием, что с точки зрения законодательства нейросеть не может рассматриваться как субъект права и не может распоряжаться вытекающими из патента правами. При этом, во второй части своего рассуждения суд настаивал именно на формальных основаниях. Конкретно в случае с DABUS, нейросеть действительно не сможет реализовать права и обязанности, так как функциональное назначение данной программы несколько иное, она не

[123] Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62 URL: https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/full/2022/2022fcafc0062 (дата обращения 31.08.2025)

приспособлена для социальных взаимодействий. Следовательно, DABUS не соответствует признакам искусственного интеллекта, предложенным выше — значит, его стоит рассматривать именно как инструмент (пусть и очень сложный).

Хавьер Эредиа отмечает, что сейчас искусственный интеллект не имеет самосознания и может существовать только зависимо от физического или юридического лица, создавшего его, либо пользующегося результатами его деятельности. Однако события и технологии развиваются быстро и, возможно, в будущем возникнет вопрос о том, есть ли у электронного лица не только обязанности и функции, но и «права»[124]. Отметим, что и юридическое лицо не может существовать отдельно от физических лиц.

Следует обратить внимание на проблему, обозначенную М. Гонсалесом. Он указывает, что развитие технологий в сфере искусственного интеллекта и робототехники может приводить к возникновению следующих проблем, которые невозможно решить при помощи действующего ныне законодательства:

- многофункциональность роботов, которые могут быть задействованы в самых разных сферах;
- возникновение новых ситуаций, определяемых существенными характеристиками технологий искусственного интеллекта;
- искусственный интеллект не обладает интуицией, самосознанием и не способен действовать в рамках этических норм (то есть самостоятельно делать нравственный выбор и быть связанным нравственными ограничениями), в силу чего, выполняя различные задачи, традиционно исполняемые человеком, может способствовать возникновению и росту культурной, экономической, социальной и правовой напряжённости;
- человеческая эмпатия к роботу, которая способствует развитию социальных рисков;

[124] Hubbard F.P. «Do androids dream?»: personhood and intelligent artifacts // Temple Law Review. – 2011. – Vol. 83. – P. 405–474

- решения, принимаемые роботами, могут привести к изменению поведения в социуме, в том числе, в контексте возможной правосубъектности робота, схожей с правосубъектностью человека[125].

В случае необдуманного регулирования, призванного решить соответствующие проблемы, ситуация может ещё более усугубиться. Для начала необходимо определиться с наиболее подходящей моделью правосубъектности для искусственного интеллекта. Она не должна определяться исключительно из желания законодателя. Выбор модели следует базировать на правовой природе соответствующих конструкций и изменений, происходящих в социуме и экономики. Таким образом, появления правосубъектности у искусственного интеллекта не может быть сугубо актом планирования, а должно отражать объективные изменения, происходящие во всех сферах жизнедеятельности. Аналогичным образом сдвиги в распределении юридических прав и обязанностей обычно становятся результатом социального давления, а не беспристрастного генерального планирования общества[126].

На данный момент доминирующей позицией является квалификация искусственного интеллекта в качестве объекта права. Группа специалистов направила коллективное открытое письмо Европейской комиссии, в котором было отмечено, что не следует наделять электронных лиц статусом субъекта права. Авторы письма считают, что ключевой проблемой искусственного интеллекта как правосубъектного лица выступает вопрос ответственности, что приводит к неуместности применения какой-либо модели как с правовой, так и с этической точки зрения[127]. Конечно, в отличие от робота, искусственный интеллект нельзя обозначить в качестве вещи, но можно – в качестве имущества, способного на автономные действия. Однако квалификация искусственного интеллекта как

---

[125] González M.J.S. Regulación legal de la robótica y la inteligencia artificial: retos de futuro // Revista Jurídica de la Universidad de León. – 2017. – № 4. – P. 28.
[126] Willick M.S. Artificial intelligence: Some Legal Approaches and Implications // AI Magazine. – 1983. – Vol. 4. – № 2. – P. 5.
[127] Open letter to the European commission artificial intelligence and robotics. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.robotics-openletter.eu (дата обращения: 31.08.2025).

объекта права не учитывает наличие некой субъектности – способности к мышлению и принятию самостоятельных решений[128].

Сторонники второй позиции предлагают наделять искусственный интеллект правосубъектность через юридическую фикцию по аналогии с юридическим лицом. Многие юридико-технические приёмы, разработанные для юридических лиц, могут быть применены и в отношении искусственного интеллекта[129]. Его воля таким образом будет формироваться оператором, так же как и у юридических лиц она формируется учредителями. Таким образом, за ним в конечном итоге будет стоять физическое лицо. Ключевым отличием выступает то, что такой субъект будет искусственно конструироваться исключительно в цифровом мире. Другим существенным отличием выступает то, что искусственный интеллект способен без представителя совершать юридически значимые действия в цифровой среде.

Таким образом, у искусственного интеллекта есть как схожие, так и различающиеся черты с юридическими лицами. Очевидно, что они имеют разную юридическую природу, в связи с чем, в доктрине предлагают создание новой категории юридических лиц – кибернетических «электронных организмов»[130]. Но в рамках правовой фикции искусственный интеллект может быть наделён статусом юридического лица для упрощения регулирования и внесения ясности в оборот. Патрик Хаббард считает, что опыт наделения правосубъектностью организаций может иметь значение при рассмотрении вопроса о правосубъектности искусственного интеллекта[131].

М. Уиллик в 1983 г. предсказал то, что, когда весь бизнес одной фирмы будет компьютеризирован, организация и компьютер будут представлять собой одну

---

[128] Васильев, А. А. Термин "искусственный интеллект" в российском праве: доктринальный анализ / А. А. Васильев, Д. Шпоппер, М. Х. Матаева // Юрислингвистика. – 2018. – № 7-8. – С. 39.

[129] Hárs, A. (2022). AI and international law – Legal personality and avenues for regulation. Hungarian Journal
of Legal Studies, 62(4), 320–344.

[130] Мусина, К. С. Идентификация правосубъектности искусственного интеллекта: кросс-национальный анализ законодательств зарубежных стран / К. С. Мусина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2023. – Т. 27, № 1. – С. 135-147.

[131] Hubbard F.P. «Do androids dream?»: personhood and intelligent artifacts // Temple Law Review. – 2011. – Vol. 83. – P. 435.

сущность[132]. Однако, пока не предвидится такого технологического рывка, способного в такой степени объединить материальное и цифровое. Но если рассматривать предложенную схему как гипотетическую модель, то её можно наделить статусом юридического лица, отличающегося почти полной автономией от физических лиц. Речь, по сути, идёт о юридическом лице без учредителей. Но тогда не совсем понятно, зачем такое юридическое лицо будет нужно. Современные технологии в области искусственного интеллекта позволяют предположить, что такая конструкция будет осуществлять деятельность прежде всего в цифровой среде.

Сторонники следующей позиции предлагают разработать новую модель правосубъектности для искусственного интеллекта. Такая модель должна отражать особенности искусственного интеллекта. Конечно, можно согласится, что у него есть значительные отличительные черты, если рассматривать искусственный интеллект как субъект права. Однако в юридической науке так и не были сформулированы особенности такого нового типа правосубъектности. На данный момент видится необоснованным наделение искусственного интеллекта своей собственной правосубъектность, но при развитии цифровой подсистемы права вопрос может актуализироваться. Однако в настоящее время нет данных для выделения соответствующих особенностей.

В развитие данной модели можно предложить концепцию агента, лишённого правосубъектности. Т. Малган выделяет четыре подхода к правосубъектности электронных лиц:

1. Концепция исключительной правосубъектности («exclusivism»).
2. Концепция минимальной инклюзивности («minimalinclusivism»).
3. Концепция умеренной инклюзивности («moderateinclusivism»).
4. Концепция полной инклюзивности («extremeinclusivism»)[133].

---

[132] Willick M.S. Artificial intelligence: Some Legal Approaches and Implications // AI Magazine. – 1983. – Vol. 4. – № 2. – P. 9.

[133] Mulgan, T. Corporate Agency and Possible Futures / T. Mulgan // Journal of Business Ethics. – 2019. – Vol. 154, No. 4. – P. 901-916.

В данном контексте нам интересней всего концепция умеренной инклюзивности: она с одной стороны позволяет допустить искусственный интеллект до участия в обороте, с другой — не признаёт его субъектом, что позволяет не вызывать общественный резонанс. Из данной концепции можно выстроить конструкцию, в которой искусственный интеллект будет выступать продолжением физического или юридического лица в цифровом пространстве. При современном уровне развития технологий искусственный интеллект, строго говоря, на большее не способен. Однако, наиболее вероятно, данные технологии найдут своё развитие в части автономности, что позволит такому цифровому агенту настолько модифицировать изначально заложенную в него «волю», что она начнёт противоречить воле физического лица, стоящего за ним.

Следующая позиция заключается в том, что правосубъектность искусственного интеллекта неотличима от человеческой. Однако в таком случае мы сталкиваемся не только с юридической проблемой, но и с мировоззренческой. А именно: является ли искусственный интеллект личностью? Если мы ответим утвердительно, то на искусственный интеллект потребуется также распространить права человека имманентно присущие человеку как субъекту права. Это неизбежно снова поставит на повестку дня давний философский вопрос, что делает человека человеком.

Если смотреть с биологических позиций, то человек определяется как представитель вида человек разумный (Homo sapiens), чем искусственный интеллект не может являться по очевидным причинам. С позиций психологии человек определяется через свойства личности. Выше мы уже рассматривали, что не любые такие свойства имеют юридическое значение.

С морально-религиозной точки зрения искусственный интеллект не может иметь таких признаков человека, как душа, чувства, интенциональность, интересы и многие другие[134]. Однако подобная аргументация неприменима в правовой сфере,

[134] Понкин, И. В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И. В. Понкин, А. И. Редькина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 96.

так как отражает представления только отдельных религий или философских направлений, а не интересы всего общества.

В современном мире человеческая правосубъектность определяется прежде всего через способность к сложному мышлению и коммуникации[135]. Данные способности человека проистекают из функционирования головного мозга. Его функционирование ещё не до конца изучено и остаётся множество не разрешённых вопросов, однако соответствующие процессы могут быть смоделированы в рамках компьютерной системы. Таким образом, сознание может быть сгенерировано как деятельностью нейронов, так и функционированием транзисторов[136]. Без сомнения искусственный интеллект с таким «искусственным сознанием» будет способен на большее, чем человек находящийся в состоянии комы или иным образом, утратившим высшую когнитивную функцию. Однако последний будет правосубъектным. М. М. Барбоза отмечает, что решения и выбор искусственного интеллекта основывается на алгоритмах и не является проявление нравственного выбора[137]. Однако, имеет ли значение, на основании чего происходит выбор, если в конечном итоге он соответствует требованиям автономности и уникальности. Кроме того, систему ценностей, убеждений и нравственных императивов тоже можно в определённом смысле назвать алгоритмом.

Между тем, возможности компьютера становятся всё более и более неотличимы от возможностей человеческого разума. Итоговый продукт компьютерных алгоритмов уже сейчас подобен продукту человеческой мыслительной деятельности. Обычно это достигается через использование технологии нейросетей. Однако как в науке, так и в широкой общественности часто можно услышать критику, что результаты, полученные искусственным интеллектом, являются не продуктом мышления, а просто результатом

---

[135] Hubbard F.P. «Do androids dream?»: personhood and intelligent artifacts // Temple Law Review. 2011. Vol. 83. P. 405—474

[136] Solum L.B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70, №4. P. 1231—1287

[137] Barbosa M.M. Inteligência artificial, e-persons e direito: desafi os e perspetivas // Revista Jurídica LusoBrasileira. – 2017. – № 6. – P. 1482

вычислений. Данное явление принято называть «Эффектом Маккордак» или «Эффектом ИИ», суть которого сводится к тому, что «каждый раз, в истории развития искусственного интеллекта, когда кто-то придумывал, как заставить компьютер что-то делать — хорошо играть в шашки, решать простые, но относительно неформальные задачи, — раздавался хор критиков, которые говорили: „Это не мышление“»[138].

В доктрине отмечают, что из-за развития сходства итогового продукта актуализируется вопрос признания искусственного интеллекта в качестве лица наподобие человека[139]. Отдельно обратим внимание, что имеет значение именно экономически ценный результат такой деятельности – возможность достижения неотличимых результатов.

Возможность прохождения машиной теста Тьюринга не должна иметь существенного значения, так как межличностное общение обычно лежит за пределами правового регулирования. Прогнозы развития искусственного интеллекта говорят о том, что данная проблема может усугубиться. Так, С. Руза, рассуждая о следующих поколениях технологии искусственного интеллекта отмечает, что в будущем могут стереться границы между компьютерным и человеческим сознанием как с точки зрения структуры, так и точки зрения происходящих процессов[140]. Однако подобных технологий пока не существует и, по всей видимости, в ближайшей перспективе они не появятся. Несмотря на это, рассуждения о статусе и роли подобных конструкций уже идут не только в художественных произведениях, но и в науке. Так Патрик Хаббард указывает, что система искусственного интеллекта с применением подобных технологий может претендовать на то, чтобы иметь определенные права[141].

---

[138] Haenlein, Michael; Kaplan, Andreas (2019). "A Brief History of Artificial Intelligence: On the Past, Present, and Future of Artificial Intelligence". California Management Review. 61 (4): 5–14.

[139] Willick M.S. Artificial intelligence: Some Legal Approaches and Implications // AI Magazine. – 1983. – Vol. 4. – № 2. – P. 5.

[140] Roosa S.B. The Next Generation of Artificial Intelligence in Light of In re Bilski // Intellectual Property & Technology Law Journal. – 2009. March. – Vol. 21. – № 3. – P. 7.

[141] Hubbard F.P. «Do androids dream?»: personhood and intelligent artifacts // Temple Law Review. 2011. Vol. 83. P. 407.

Уже сегодня есть гуманоид (Фран Пеппер) и гиноид (София) с удостоверениями личности, обладающие определенными правами и свободами наряду с человеком[142]. Однако данные прецеденты не стоит оценивать более чем как пиар-акцию: указанные андроиды не являются хоть сколько-то прорывными в области развития искусственного сознания и воли. Однако, это наглядно показывает, что у широкой общественности в обозримом будущем может возникнуть желание наделить искусственных конструкций правами, даже в отсутствии полноценной правосубъектности.

Вопросы о правах роботов или, если взять шире, о правах искусственного (в том числе электронного) лица уже достаточно давно обсуждаются. Л. Соулум сформулировал основные аргументы о недопустимости наделения искусственных лиц такими правами.

Будучи американцем, свой первый аргумент он построил на основе толкование конституции США. Она содержит положение, что «все личности, рожденные или натурализованные в Соединенных Штатах, будучи субъектами юрисдикции таковых, являются гражданами Соединенных Штатов». А лица искусственного происхождения рождаться не могут, следовательно, не могут обладать гражданскими правами. Подобные фундаментальные права могут быть только у физических лиц, которые рождаются.

Однако это порождает целый ряд проблем. В частности, будет ли клон человека, выращенный в «пробирке», обладать правами человека? Конечно, во всём мире запрещено клонировать людей, но технически, по заявлению специалистов в области клонирования, это уже возможно. При нарушении данного запрета вины клона не будет, а, значит, отказывать ему в предоставлении прав нельзя в качестве меры ответственности. Но, развивая мысль Л. Соулума, клон не рождался. Или возьмём уже всем привычные юридические лица. Очевидно, они тоже не рождаются, но у них имеются определённые права, в частности, право

[142] Попова, А. В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании / А. В. Попова // Журнал российского права. – 2018. – № 11(263). – С. 14-24.

собственности. Да, перечень прав юридического лица существенного отличается от перечня прав человека и гражданина, но они также имеются. Очевидно, что и набор прав искусственного интеллекта не может совпадать с человеческим.

Вторым аргументом Л. Соулума выступает отсутствие у искусственных лиц черт человеческой индивидуальности – таких, как душа, сознание, интенциональность, чувства, интересы. Тем не менее, данными качествами обычно не обладают и животные, но большая часть современных государств наделила их правами хотя бы условно, без признания правосубъектности. Ключевым вопросом выступает способность искусственного интеллекта осознавать себя как нечто отдельное от окружающего мира и ценить своё существование. Строго говоря, оценивать он может в зависимости от особенностей заложенных алгоритмов, определяющих мотивацию выбора модели поведения.

Третий аргумент сводится к тому, что искусственный интеллект как нечто созданное человеком не может выступать чем-то более чем объектом. Однако Л. Соулум также приводит контраргумент, что при неуместности религиозных воззрений в данном вопросе, ребёнок тоже «создаётся» человеком, но он, очевидно, не объект[143]. Также поднимается вопрос о гипотетической возможности в будущем создавать ДНК, а, следовательно, и искусственного человека, который ничем не будет отличаться от рождённого человека. Выше мы уже высказывали собственную позицию относительно приравнивания искусственного интеллекта к объектам права.

Таким образом, ничто не мешает искусственному интеллекту обладать некоторыми «фундаментальными» правами хотя бы условно. Так Д. Геллерс отмечает: «Признание прав за ИИ-системами представляется очередным шагом эволюции правовой системы, постепенно расширившей юридическое признание на ранее подвергавшихся дискриминации людей, а теперь открывающей доступ и нечеловеческим существам.»[144]. Отметим, что искусственный интеллект

---

[143] Solum L.B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70, №4. P. 1276—1279.

[144] Mamak, K. Rights for Robots: Artificial Intelligence, Animal and Environmental Law (2020) by Joshua Gellers / K. Mamak // Science and Engineering Ethics. – 2021. – Vol. 27, No. 3. – P. 29.

принципиально отличается от живого существа, и наделять его естественными и политическими правами не имеет никакого смысла, во всяком случае, в обозримой перспективе. Тем не менее, если искусственный интеллект станет правосубъектным, ему потребуются определённые базовые права для участия в общественных отношениях. Так как видится наиболее обоснованным допускать искусственный интеллект в экономический оборот, его следует наделить прежде всего экономическими правами, иначе он не сможет получить адекватной защиты. Что касается права на жизнь и здоровье, то очевидно, что они актуальны только в отношении живых существ. В отношении искусственного интеллекта имеет смысл говорить разве что о праве на существование (на не прекращение существования), и то только в случае, если применяемые в нём алгоритмы выводят такое существование в качестве ценностного ориентира для данного лица.

Наделения подобными правами условно будет иметь смысл только тогда, когда искусственный интеллект достигнет достаточного уровня самосознания себя как цифровой личности. Однако исследования в данном направлении не являются приоритетными. Наделение правами на данный момент имеет актуальное значение только при появлении правосубъектности у искусственного интеллекта. Стоит также учитывать, что подобные фундаментальные права предполагают и появление соответствующих обязанностей.

Намёки на такие фундаментальные обязанности уже появляются в различных программных документах. В Китае в 2017 г. в Плане развития технологий искусственного интеллекта нового поколения отмечается, что «искусственный интеллект несет в себе возможность лучшего устройства общества... Технологии искусственного интеллекта, позволят с высокой точностью выявлять потенциальные угрозы общественной безопасности, вовремя предупреждать о таких угрозах и оперативно принимать необходимые меры. Это позволит улучшить жизнь людей и повысить уровень социальной стабильности»[145].

[145] План развития технологий искусственного интеллекта нового поколения / Документ (Гуо Фа) [2017] № 35.

В России Указом Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» закреплена недопустимость использования искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, а также предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта. В рамках ЕС также затронуты соответствующие вопросы. Так, п.п. 10—14 резолюции ЕС закрепляет необходимость учитывать этические принципы как при создании, так и при взаимодействии с роботами. Исследователям данной области предлагается руководствоваться такими принципами, как «не навреди»; «делай благо»; самостоятельность в принятии индивидом решения о сотрудничестве с объектами робототехники; справедливость при распределении социальных благ, создаваемых роботами внутри социума[146].

Соответствующие положения нашли отражение и в дальнейших актах ЕС, например Регламенте Европейского Союза об искусственном интеллекте 2024 г[147]. Для обеспечения безопасной работы систем уместно предусмотреть на случай возникновения опасных экстренных ситуаций возможность «переключения» самообучающегося автономного алгоритма в режим контроля человеком[148].

На общемировом уровне в рамках ООН в сентябре 2022 г. появился документ, содержащий принципы этического использования искусственного

---

[146] European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commissionon Civil Law Ruleson Robotics (2015/2103(INL)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html#title1 (дата обращения: 31.08.2025).

[147] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA relevance) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AL_202401689 (дата обращения: 31.08.2025).

[148] Independent high-level expert group on artificial intelligence set up by the European Commission. Ethic guidelines for trustworthy AI. High-Level Expert Group on Artificial Intelligence. - 2019. - P. 19.

интеллекта[149] и основанный на Рекомендации по этике искусственного интеллекта, принятой годом ранее Генеральной конференцией ЮНЕСКО[150].

Обобщая сложившуюся практику, в качестве основы для фундаментальных обязанностей искусственного интеллекта можно выделить три закона робототехники, сформулированные американским писателем-фантастом и ученым-биохимиком Айзеком Азимовым:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму Законам.

Ведь сомнительно, что искусственный интеллект может обладать человеческой моралью. Видится маловероятным направленный процесс воспитания искусственного интеллекта: в отличие от человека, он изначально «появляется на свет» с полным арсеналом интеллектуальных способностей. Таким образом, формирование «искусственной морали» должно происходить на основе базовых правил алгоритмов, вытекающих из правовых норм.

В. Б. Наумов и Е. В. Тытюк в качестве правовых принципов предлагают: «комплекс принципов безопасности искусственного интеллекта; надежностью обучения ИИ; подчиненного взаимодействия ИИ с человеком и человечеством»[151].

Подводя итог рассуждению о моделях правосубъектности искусственного интеллекта, отметим, что искусственный интеллект — это новая технология, находящаяся в активной стадии развития. Пока что нельзя с уверенностью сказать,

---

[149] Principles for the Ethical Use of Artificial Intelligence in the United Nations System. (2022, 20 сентября). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unsceb.org/principles-ethical-use-artificial-intelligence-united-nations-system (дата обращения: 31.08.2025).

[150] Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. (2021, 25 ноября). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373434 (дата обращения: 31.08.2025).

[151] Наумов, В. Б. Правовые проблемы машинного обучения / В. Б. Наумов, Е. В. Тытюк // Образование и право. – 2020. – № 6. – С. 227.

какое место он займёт в обществе. Однако очевидно, что его юридическое закрепления должно зависеть от цели его создания и функциональных возможностей.

Искусственный интеллект, задействованный в экономическом обороте, прежде всего в заключении сделок, будет вступать в отношения с людьми. Значит, ему потребуется определённый правовой статус. Статус объекта права не учитывает самостоятельность искусственного интеллекта и его способность принимать собственные решения. Правосубъектность по аналогии с физическим лицом упирается в религиозные и философские проблемы — подобный слом мировоззрения масс едва ли произойдёт в обозримо будущем. Для разработки новой модели правосубъектности на данный момент не хватает эмпирических данных.

Наиболее рациональным видится наделение его правосубъектностью по модели юридического лица или (в качестве полумеры) неправосубъектного агента. Отметим, что признание новых субъектов права в прошлом сопровождалось не государственным планирования, а стихийных изменений культуры и экономики. Однако это уже почти общепринятый путь наделения правосубъектностью нетипичных субъектов, рассмотренных нами ранее. Также необходимо учесть и фактор лоббирования со стороны бизнеса с целью уменьшения собственных финансовых рисков.

Конечно, в указанных примерах идёт о наделении очевидных объектов правосубъектностью, что отличает их от искусственного интеллекта. Модель правосубъектности юридического лица для искусственного интеллекта вполне соответствует его природе. Он, как и юридическое лицо, не существует в материальном мире, и он также создается для удовлетворения человеческих интересов (прежде всего экономических). Кроме того, виды ответственности, применяемые к юридическому лицу, также могут быть применены к искусственному интеллекту в случае законодательного закрепления последнего в

качестве субъекта права. В отношении искусственного интеллекта также можно использовать и систему учета по аналогии с юридическими лицами[152].

Однако стоит учитывать действующую парадигму юридической науки: в таком случае наиболее вероятно применение к искусственному интеллекта модели квазисубъекта права, по аналогии с институтом пекулия, существовавшем в римском праве. Но это будет всего лишь полумерой. Однако с развитием технологий, вероятно, потребуется разработать новую модель правосубъектности — модель электронного лица. П. М. Морхат предлагает следующую дефиницию электронного лица: «это технико-юридический образ (обладающий некоторыми признаками юридической фикции по аналогии с юридическим лицом), отражающий и воплощающий конвенционально (условно) специфическую правосубъектность юнита искусственного интеллекта, гетерогенную в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей такого юнита и в силу этого аппроксимированную к конкретному целеполаганию производства и задействования такого юнита.»[153]. Хотя, как указывалось выше, это невозможно сделать в рамках планирования будущего — мы должны опираться на реальное развитие технологий и объективно складывающиеся общественные отношения в соответствующей сфере.

Кроме того, барьером для наделения искусственного интеллекта выступает и низкий уровень доверия. Дж. Брайсон заявляет, что доверия к искусственному интеллекту быть не может, так как доверие это отношение между людьми, когда обе стороны верят друг другу. Искусственный интеллект в свою очередь не способен доверять, а значит и доверять ему невозможно. По мнению Дж. Брайсон

---

[152] Ладенков, Н. Е. Модели наделения искусственного интеллекта правосубъектностью / Н. Е. Ладенков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – № 3. – С. 18.

[153] Морхат, П. М. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы / П. М. Морхат // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24, № 3. – С. 282.

программа должна выполнять только поставленную перед ней задачу и быть не больше, чем инструментом в руках человека, который за неё и отвечает[154].

М. Райан придерживается схожей позиции отмечая, что доверие основано на доброй воле, а искусственный интеллект не обладает нравственность, следовательно, не может действовать по доброй воле, он лишь заложник алгоритмов. М. Райан предлагает использовать категорию надёжность в отношении искусственного интеллекта, а доверия в отношении людей, стоящих за ним, оставляя правосубъектность исключительно за последними[155].

На наш взгляд категория доверия не должна учитывать при решении вопроса о правосубъектности, так как доверие зачастую может отсутствовать и в отношениях между людьми, что зачастую преодолевается посредством права. Обращаться же к данной категории стоит прежде всего из соображений определения и реализации дальнейшей политики государства в области внедрения искусственного интеллекта. Как справедливо отмечают некоторые авторы, недоверие к искусственному препятствует развитию потенциально полезной технологии[156].

А. А. Дашков и Ю. О. Нестерова для обеспечения доверия предлагают следующие свойства: осязаемость, прозрачность, надёжность, репутация, соответствие заданным задачам, отзывы, безопасность и конфиденциальность. И действия со стороны государства: укрепление нормативной базы, повышение грамотности населения в области искусственного интеллекта, образ искусственного интеллекта в глазах граждан[157].

Задействованный в правоотношении искусственный интеллект, вне зависимости от выбранной модели, будет обладать или хотя бы реализовывать

---

[154] Bryson, J. J. Patiency is not a virtue: the design of intelligent systems and systems of ethics / J. J. Bryson // Ethics and Information Technology. – 2018. – Vol. 20, No. 1. – P. 15-26.

[155] Ryan, M. In AI We Trust: Ethics, Artificial Intelligence, and Reliability / M. Ryan // Science and Engineering Ethics. – 2020. – Vol. 26, No. 5. – P. 2749-2767.

[156] Ferrario, A. In AI We Trust Incrementally: a Multi-layer Model of Trust to Analyze Human-Artificial Intelligence Interactions / A. Ferrario, M. Loi, E. Viganò // Philosophy and Technology. – 2020. – Vol. 33, No. 3. – P. 523-539.

[157] Дашков, А. А. Построение доверия при использовании искусственного интеллекта / А. А. Дашков, Ю. О. Нестерова // E-Management. – 2021. – Т. 4, № 2. – С. 35.

определённый набор субъективных прав и юридических обязанностей. О. С. Иоффе отмечает: «Специфика того или иного явления, отличающая его от других, смежных явлений, заключается в его содержании. Но специфика правового отношения в том и состоит, что его участники выступают в качестве носителей прав и обязанностей.»[158]. Конкретное наполнение субъективных прав и юридических обязанностей будет зависеть от правоотношения, в котором был задействован искусственный интеллект и диспозиции норм. Это относиться и к классическим субъектам, участвующим в правоотношении, протекающим в цифровой среде. Если мы будем говорить о социальной связи в отрыве от существования прав и корреспондирующих им обязанностей у участников, то речь будет идти не о правоотношении. Таким образом, цифровизация не может принципиально изменить содержание правоотношения. Она затрагивает лишь конкретное наполнение прав и обязанностей через изменение объективного права.

[158] Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. – М.: Госюриздат, 1961. – 381 с.

2.2 Цифровые ценности как объекты прав

Зарождение новых субъектов права неминуемо наводит на мысль и об изменении объектов прав. Некоторые авторы указывают на тенденцию утраты вещами материального мира их предметных свойств под влиянием компьютерных технологий[159]. Исходя из этого, возникают сложности в характеристике их в традиционном значении «вещи»[160].

В середине XX века начались рассуждения в направлении о возможности хранения информации в электронной форме. Однако, она не выступала самостоятельным объектом — объектом выступал сам носитель информации. Ситуация несколько усложнилась с появлением сети Интернет. В связи с тем, что информация начала передаваться относительно свободно, исчезла фактическая привязка к носителю. Но в праве есть идея об информации как о самостоятельном объекте[161], независимо от того, хранится ли она в электронном виде и зафиксирована на ином материальном носителе.

Последние технологические достижения усложнили ситуацию. Стали появляется цифровые активы (например, криптовалюты), оборот которых возможен исключительно в цифровом пространстве. Данные новинки вначале вызвали неоднозначную реакцию у государств; однако за последние несколько лет их все приняли в той или иной степени. С недавнего времени центральные банки многих стран стали экспериментировать цифровыми валютами центральных банков (CBDC – Central Bank Digital Currency), по подсчётам уже более 86%[162]. Эта валюта представляет собой установленную государством единицу учета, выполняющую функцию денег в цифровом мире. Она выполняет платёжную

---

[159] Кухта, М. С. Дизайн в информационном обществе: исчезающая функция вещи / М. С. Кухта // Труды Академии технической эстетики и дизайна. – 2014. – № 2. – С. 38.
[160] Ильин, В. Г. Объекты гражданских прав в условиях цифровизации имущества / В. Г. Ильин // Интерактивная наука. – 2022. – № 10(75). – С. 71.
[161] Долгов, С. Ф. Особенности правоотношений, возникающих в Интернет-пространстве / С. Ф. Долгов // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7(223). – С. 41.
[162] Boar C., Wehrli A. “Ready, steady, go? – Results of the third BIS survey on central bank digital currency “, BIS Paper, no 114, 2021.

функцию наряду с наличными и безналичными деньгами, но имеет иную эмиссионную и технологическую основу. Россия наряду с другими странами уже вышла на финальную стадию данного эксперимента[163]. В России был введён цифровой рубль Федеральным законом от 24.07.2023 N 340-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". Данный закон вызвал критику в доктрине, так А. В. Турбанов отмечает неудовлетворительность формулировок данного закона не позволяющую истолковать цифровой рубль как форму денег, хотя его ввели и используют именно для этого[164].

Использование банками цифровых валют обусловлено высоким потенциалом таких технологий, что позволяет существенно увеличить прибыль, поскольку эффективность многих банковских операций зависит от устаревшего и дорогостоящего оборудования.

Кроме того, в правовое поле попадают и иные проявления новейших технологий[165]. Но не стоит забывать, что в цифровом мире или на границе с ним существуют и иные блага, не связанные с новейшими технологиями, будь то «имущество» в компьютерных играх, различные бонусные баллы в торговых сетях, и т.п. Поднимаемые вопросы об объектах правоотношений отчасти вернули дискуссию и к ним. Говоря об объектах прав в контексте исследования имеет смысл выделить категорию «цифровых ценностей» как, благ способных существовать исключительно в цифровой среде.

Следует начать с понятия объекта права. В доктрине нет единого подхода к данному понятию. С. И. Суслова и У. Б. Филатова справедливо отмечают: «Учение об объектах права практически не содержит в настоящее время выводов, которые

---

[163] Пусурманов, Г. В. Правовые и экономические аспекты введения цифрового рубля в Российской Федерации / Г. В. Пусурманов // Право и практика. – 2023. – № 3. – С. 101.
[164] Турбанов, А. В. Цифровой рубль как законное платежное средство / А. В. Турбанов // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 1(158). – С. 59.
[165] Лаптев, В. А. Ответственность "будущего": правовое существо и вопрос оценки доказательств / В. А. Лаптев // Гражданское право. – 2017. – № 3. – С. 32-35.

можно было бы отнести к аксиоматичным в юридической науке»[166]. В доктрине даже нет единства насчёт соотношения понятий «объект права» и «объект правоотношения». Не углубляясь в соответствующие научные дискуссии – они выходят за пределы данного диссертационного исследования, остановимся на том, что объект права будет рассматриваться как определённая категория, фиксирующаяся в объективном праве и отражающая признаки благ, по поводу которых складываются правоотношения. Относительное единство в доктрине имеется в выделении двух основных теорий, объясняющих содержание объекта права: монистическая и плюралистическая.

В рамках данного раздела мы будем придерживаться второй теории, так как цифровизация создаёт новые духовные и материальные феномены, а поведение обязанного субъекта, в сущности, не претерпевает значительных изменений под влиянием цифровизации. За счёт появления таких новых феноменов уже известные объекты усложняются — появляются новые, не предусмотренные законодательством, отнесение которых к традиционным типам затруднительно. В качестве примеров можно привести мощности, поля, радиочастоты, органы, ткани, клетки, гены, штаммы микроорганизмов, криптовалюты, цифровые деньги, электронные средства платежа, цифровые активы и др[167]. Нас же будут интересовать только такие феномены, которые связаны с процессом цифровизации; однако необходимо отметить, что и достижения других наук ставят определённые вызовы перед учением об объектах права.

Во избежание справедливых упрёков отметим, что исследования таких новых феноменов в качестве объектов права концентрируются прежде всего на вопросе объектов гражданских прав, и именно в области цивилистики существуют основные научные дискуссии. Поэтому мы будем делать упор на отраслевые

---

[166] Суслова, С. И. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России / С. И. Суслова, У. Б. Филатова // Пролог: журнал о праве. – 2019. – № 2(22). – С. 9.

[167] Суслова, С. И. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России / С. И. Суслова, У. Б. Филатова // Пролог: журнал о праве. – 2019. – № 2(22). – С. 10.

воззрения и попытаемся прийти к общетеоретическим выводам. Подавляющее большинство современных исследований практически стандартизировано: «… вначале соответствующий автор пишет о спорности понимания объектов права/ прав вообще, затем эта спорность транслируется на объекты гражданских прав путем указания на дискуссию о единичности/ множественности объектов гражданских прав, затем освещаются разновидности объектов гражданских прав»[168]. Такая стандартизация исследований, вероятно, связана с расхождением общетеоретических взглядов на объект права и открытым перечнем объектов гражданского права, закреплённым в ст. 128 ГК РФ.

Так, В. А. Лапач в монографии, посвященной объектам гражданских прав, выделил следующие признаки, которым они должны отвечать:

1) Дискретность;

2) Способность удовлетворять материальные, духовные и социальные потребности;

3) Юридическая привязка;

4) Системный характер[169].

В свою очередь, С. П. Гришаев отметил следующие признаки объектов гражданских прав:

1) дискретность, т.е. их физическая и (или) учетная определенность и обособленность от всех других объектов;

2) нормативно гарантированная возможность правового закрепления за их субъектами гражданского права;

3) правообъектность, т.е. признание объектом права по закону[170].

Кроме того, В. А. Белов выделил такие признаки, как:

1) обособленность (внутреннее единство) объекта;

---

[168] Перов, В. А. Криптовалюта как объект гражданского права / В. А. Перов // Гражданское право. – 2017. – № 5. – С. 7-9.

[169] Лапач, В. А. Система объектов гражданских прав : Теория и судебная практика / В. А. Лапач. – Санкт-Петербург : Издательство "Юридический центр Пресс", 2002. – С. 364.

[170] Гришаев, С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав / С. П. Гришаев; подгот. для КонсультантПлюс, 2015 // Справ.-правовая сист. "КонсультантПлюс". - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

2) определенность объекта;

3) объект – результат труда;

4) признание exlege[171].

Данные признаки можно использовать и для целей теории права и государства. Можно пронаблюдать единство относительно таких признаков, как обособленность, закреплённость в объективном праве и способность удовлетворять потребности. Ключевым признаком видится способность удовлетворять потребности, так как субъект вступает в правоотношения, прежде всего преследуя некое благо. Как отмечает Н. В. Разуваев какова бы ни была природа такого предмета, его реальность в юридическом плане не будет нуждаться в дополнительном обосновании[172]. При этом в зависимости от интересов в качестве такого блага может выступать почти любой феномен - ограничения проявляются в сфере экономической целесообразности. Так, абсолютно бессмысленно выделять в качестве объекта ресурс, к которому любой и каждый имеет свободный доступ (например, воздух) или нечто бесполезное для человека (хотя человечество уже не однократно доказывало свою способность извлекать пользу из всего, хотя бы в виде спекуляции). Подобные феномены не попадают в сферу интересов. Однако бесконечное расширение объектов в рамках той или иной отрасли права также представляется недопустимым ввиду необходимости обеспечивать и общественный интерес. Так из объектов гражданского права изъяты некоторые феномены – например, звёзды и планеты. Однако, как гласит римская максима, исключение подтверждает правило, и если нечто изымается из объектов отрасли права, то с точки зрения теории права данный феномен должен рассматриваться как объект права, ибо это означает, что существует интерес на оборот соответствующего феномена. Признак закреплённости, таким образом,

---

[171] Белов, В. А. Гражданское право. Т.2. Общая часть. Лица, блага, факты : Учебник для бакалавров / В. А. Белов. – 1-е изд.. – Москва : Издательство Юрайт, 2015. – С. 264-271. – (Бакалавр и магистр. Академический курс).

[172] Разуваев, Н. В. Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы / Н. В. Разуваев // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2021. – № 1. – С. 25.

представляет значение только для отраслей, но не для общей теории. Что касается признака обособленности, то он видится необходимым для индивидуализации.

С появлением первой криптовалюты Биткоин началось активное обсуждение вопросов о возможности его рассмотрения в качестве объекта права, в частности, объекта гражданского права. Дискуссия шла как в рамках научного сообщества, так и в форме законопроектов. В итоге с 1 октября 2019 г. вступили в силу поправки ГК РФ, дополнившими перечень объектов гражданского права цифровыми правами. Однако сторонники криптовалют остались недовольны, так как многие возможности и особенности не были отражены в законе — так и остались на уровне законопроектов. Также данные поправки получили неоднозначную оценку в доктрине. Так С. В. Сарбаш по этому поводу справедливо пишет, что в законе под термином цифровые права понимается лишь электронная форма закрепления традиционных прав, а не нечто принципиально новое[173].

Однако в жизнь общества проникают новые феномены, к которым зачастую неприменимы традиционные конструкции и институты, зародившиеся ещё в римском праве. Цифровизация неизбежно породит смену парадигм в науке права, поскольку традиционные конструкции лишь в определенной части могут быть использованы применительно к цифровым правам[174]. Некоторые исследователь также отмечаются, что они обладают новыми потребительскими свойствами[175]. Однако остаётся открытым вопрос относительно появления новых объектов с позиции теории государства и права. Принятые изменения законодательства не дают ответа на данный вопрос, так как невозможно однозначно истолковать, выделяются ли цифровые права как самостоятельный объект или как форма фиксации объекта.

---

[173] Цифровые активыв системе объектов гражданских прав // Закон. – 2018. – № 5. – С. 16-30.

[174] Василевская, Л. Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации / Л. Ю. Василевская // Хозяйство и право. – 2019. – № 5(508). – С. 14.

[175] Друева, А. А. Значение и роль цифрового актива в условиях цифровой трансформации / А. А. Друева // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 4А. – С. 71.

На данный момент наибольшее число дискуссий сводится к определению правовой природы цифровых прав, закреплённых в ГК РФ. Само понятие цифровых прав дано в новой статье 141.1 ГК РФ «Цифровые права». Согласно п. 1 данной статьи: «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу». Однако первоначальная дефиниция, предложенная в законопроекте, имела существенные отличия. Так, п. 1 ст. 141.1 ГК РФ в проекте федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» излагалась следующим образом: «в случаях, предусмотренных законом, права на объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ, могут быть удостоверены совокупностью электронных данных (цифровым кодом или обозначением), существующей в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, при условии, что информационные технологии и технические средства этой информационной системы обеспечивают лицу, имеющему уникальный доступ к этому цифровому коду или обозначению, возможность в любой момент ознакомиться с описанием соответствующего объекта гражданских прав. Указанные цифровой код или обозначение признаются цифровым правом».

Таким образом, обозначения в законе категория цифровых прав совпадает с выведенной нами ранее цифровых ценностей.

Отметим, что данная формулировка закона нарушала бы принцип технологической нейтральности и не затронула бы другие ценности, существующие в цифровом пространстве, которые могут появиться в будущем на базе других технологий. Не удивительно, что первоначальная редакция

законопроекта подверглась критике. В Экспертном заключении по проекту Федерального закона № 424632-7 отмечалось: «…проект необоснованно сужает понятие "цифрового права", связывая его существование только с распределенным реестром. Права в электронной форме могут существовать не обязательно только в блокчейне; более того, они уже существуют в такой форме и активно реализуются миллионами людей. В этом несложно убедиться, обратившись к балансу собственного аккаунта мобильной связи. Принятый Проектом подход нарушает принцип технологической нейтральности, дискриминируя все другие технологии, способные оформлять права в электронном виде». Пусть технология блокчейн и обладает огромным потенциалом, но аналогичные функции могут выполнять и иные системы. Кроме того, в будущем могут быть разработаны ещё более эффективные технологии, которые войдут в противоречие с подобной формулировкой закона. Следовательно, при несоблюдении принципа технологической нейтральности придётся изменять законодательство вслед за развитием науки и техники, которые в современном мире движутся семимильными шагами.

Однако вошедшая в ГК РФ редакция ст. 141.1 может толковаться предельно широко. К цифровым правам потенциально можно отнести почти любые блага, закрепляемые в цифровой форме, начиная от криптовалют и токенов, на которые и была направлена законодательная инициатива, и закачивая различными бонусными баллами и «имуществом» в компьютерных играх. С дальнейшим развитием цифровой сферы перечень явлений будет только расти — с точки зрения правовой политики это вполне разумно.

Стоит признать, что с экономической точки зрения и с точки зрения правовой природы подобные явления не имеют по-настоящему существенных отличий. Указанные объекты так же, как и многие другие ценности виртуального мира, давно нуждаются в детальной регламентации, на что указывают многие ученые[176].

---

[176] Бухонова, Л. Р. Тенденции и перспективы развития конституционного права частной собственности в современном мире / Л. Р. Бухонова // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 1(62). – С. 50-57.

Вместе с тем нельзя не отметить, что изначально концепция законопроекта была принципиально иной — к цифровым правам предполагалось отнести только права, возникающие у пользователей платформ привлечения цифровых инвестиций (ICO) и криптовалют[177], что привело к неоднозначной реакции как в юридическом сообществе, так и в бизнес-среде.

Потенциально сделанные оговорки «названные в таком качестве в законе» и «отвечающей установленным законом признакам» должны позволить сузить круг объектов и внести ясность с помощью других нормативно-правовых актов. Однако это так и не было сделано в достаточной мере. На данный момент в федеральном законодательстве, помимо ст. 141.1 ГК РФ, цифровые права фигурируют в Федеральном законе от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в качестве цифрового финансового актива и в Федеральном законе от 02.08.2019 N 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в качестве утилитарных цифровых прав. В данных актах цифровые права привязаны к распределённому способу хранению данных: по сути, речь идёт именно о технологии блокчейн.

Таким образом, цифровые права как объект гражданского права на данный момент привязаны исключительно к распределённым реестрам, что имеет смысл ввиду надёжности и прозрачности данной технологии. Однако для целей теории права нам необходимо обратить внимание на отдельные блага цифрового мира, чтобы понять, выступают ли они в качестве принципиально новых объектов права.

Начать стоит с наиболее резонансного явления цифровой среды – криптовалют. С технологической точки зрения они тождественны цифровым валютам центральных банков. Ключевым отличием выступает то, что эмиссия осуществляется частным лицом. Так, цифровая валюта (криптовалюта) – это

---

[177] Конобеевская, И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав / И. М. Конобеевская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – Т. 19, № 3. – С. 332.

альтернативная форма валюты, обращаемая, хранимая и создаваемая в онлайн, но не имеющая физической формы[178]. Она также может быть определена как вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций[179], другими словами, в рамках блокчейна. Как отмечает У. А. Меликов: «Если криптовалюты как условные единицы хранятся и признаются в серверах, то тогда человечество хранило и признавало шетит в «мозгах», и было никакого другого материального носителя его записи. Здесь в обоих случаях подход одинаковый, но формы реализации цели разные»[180]. Соглашаясь с позициями доктрины относительно понятия криптовалюты, их также можно отнести к категории цифровых ценностей. Зачастую криптовалюту относят к объектам права через концепцию блага. С этим вполне можно согласиться, пока субъекты готовы обменивать её на другие блага. Конечно, сама по себе, не выступая в качестве средства обмена, криптовалюта не способна удовлетворить какую-либо потребность, но, строго говоря, и современные деньги – тоже.

Таким образом, специфика криптовалюты заключается в том, что она существует только в цифровой среде и не может её покинуть, сменить своё закрепление с цифровой на материальную форму. На наш взгляд, данная особенность не позволяет определить её как принципиально новый объект права — речь скорее должна идти о способе закрепления.

---

[178] Андрюшин, С. А. Технология распределенных реестров в финансовой сфере России / С. А. Андрюшин // Банковское дело. – 2018. – № 2. – С. 4.

[179] Белых, В. С. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование / В. С. Белых, М. А. Егорова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 2(54). – С. 144.

[180] Меликов, У. А. Криптовалюта в системе объектов гражданских прав / У. А. Меликов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 63.

Следующим объектом рассмотрения выступает токен. Токен – это единица учета в криптовалютах или уникальный символ в системе блокчейна[181]. Само понятие «токен» отсутствует в действующем российском законодательстве.

С технологической точки зрения токен – это один из миниатюрных блоков в системе блокчейна, который может использоваться для закрепления различных прав в рамках этой системы[182]. Отечественные исследователи зачастую определяют цифровое право (токен) как юридическую конструкцию, схожую с бездокументарной ценной бумагой[183]. Такое понимание позволяет применять к пробелам и коллизиям, касающимся правового регулирования цифрового права, аналогии закона, а именно норм, применяемых к ценным бумагам[184]. Ключевым отличием токена от бездокументарной ценной бумаги выступает то, что он существует только в цифровой среде. Следовательно, его также можно отнести к категории цифровой ценности.

В законодательстве в качестве терминов, наиболее близких к понятию токена, используются цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права. Цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в

---

[181] Касаткина, В. В. Токен и криптовалюта: их понятие и взаимосвязь в современной экономике / В. В. Касаткина // Цифровые технологии в экономической сфере: возможности и перспективы : сборник научных статей. – Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2017. – С. 22.

[182] Конобеевская, И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав / И. М. Конобеевская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – Т. 19, № 3. – С. 332.

[183] Цифровое право / А. Дюфло, Л. В. Андреева, В. В. Блажеев [и др.]. – Москва : Издательство Проспект, 2020. – С. 122.

[184] Комлев, Н. Ю. Правовая природа токена (цифрового права) как нового объекта гражданских правоотношений / Н. Ю. Комлев // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2019. – Т. 4, № 2(8). – С. 59-62.

информационную систему на основе распределённого реестра, а также в иные информационные системы. За утилитарными цифровыми правами закреплены следующие признаки:

1) право требовать передачи вещи (вещей);

2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;

3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Таким образом, и в доктрине, и в законодательстве под токеном понимается не какое-то самостоятельное благо, а способ фиксации права. Но при этом поднимается вопрос: «может ли объектом права собственности выступать объект, представленный в исключительно электронной (цифровой) форме?»[185]. Однако именно термин «токен» применяется прежде всего в отношении фиксации прав в рамках блокчейна: при использовании иных технологических решений общий принцип закрепления не изменится.

На наш взгляд, понятие «токен» следует распространить на все случаи цифровой фиксации прав на какой-либо объект, чтобы не множить категории. В таком случае в качестве токена стоит рассматривать и различные бонусные баллы в торговых сетях или «внутрикорпоративную валюту».

На наш взгляд, ни токены, ни криптовалюта не представляют собой новых объектов права. Они либо удостоверяют права на некий классический объект, либо выступают в качестве аналога такого классического объекта с тем отличием, что он существует исключительно в цифровой среде. По мнению некоторых авторов данная особенность требует создание специального правового режима[186]. Можно согласиться с официальным отзывом Правительства РФ на проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»: «Исходя из определения понятия

---

[185] Кокоева, Л. Т. Цифровые права в системе объектов гражданских прав / Л. Т. Кокоева, А. Э. Колиева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 3(219). – С. 177.

[186] Костян, О. А. Проблемы и перспективы унификации понятий «токены», «цифровые активы» и «цифровые права» / О. А. Костян // Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 61.

цифровых прав, представляется, что такие права фактически являются способом оформления традиционных имущественных прав разной природы (вещные права, обязательственные права, корпоративные права, исключительные права), а также их фиксации и перехода от одного владельца к другому. Однако данные права могут существовать в электронной форме, не создавая при этом новый вид объектов гражданских прав»[187].

В этом плане и криптовалюта, и токен ничем принципиально не отличаются от известного уже тысячелетиями человечеству ксюмбаллона (предмета с условными знаками, по которым два лица узнают друг друга, например, по двум половинкам разломанной щепки или монеты, концы которых должны сойтись).[188] А существующий в доктрине и законодательстве терминологический плюрализм препятствует последовательному системному изменению законодательства[189]. В Древнем Египте применяли шетит в качестве условной единицы товаров. В тот период денег не существовало, но при обороте товаров шетит обозначал меру стоимости[190].

Не охваченным нашим вниманием осталось только имущество в компьютерных играх, о котором уже много сказано как в научной литературе, так и в судебной практике. Обратимся к их правовой природе в аспекте нашего исследования. Никаким новым объектом оно не является. Оно «передаётся» в рамках неисключительного лицензионного соглашения и по сути является составной частью предоставляемой услуги по доступу к цифровому продукту (программе для ЭВМ).

---

[187] Официальный отзыв Правительства РФ на законопроект о регулировании существующих в интернете новых объектов имущественных экономических отношений. 08.06.2018. URL: http://m.government.ru/all/32876/ (дата обращения: 31.08.2025).

[188] Конобеевская, И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав / И. М. Конобеевская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – Т. 19, № 3. – С. 333.

[189] Павлова, Д. А. Цифровые правоотношения / Д. А. Павлова // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1(71). – С. 169.

[190] Лапач, В. А. Система объектов гражданских прав : Теория и судебная практика / В. А. Лапач. – Санкт-Петербург : Издательство "Юридический центр Пресс", 2002. – 544 с.

Подводя итог вышесказанному: несмотря на меняющуюся правовую систему, нет оснований говорить о появлении принципиально новых объектов прав, о чём уже неоднократно говорилось в доктрине[191]. Однако ввиду того, что некоторые блага, так как криптовалюты и токены, способны существовать исключительно в цифровой среде имеет смысл выделить их в качестве единой общетеоретической категории – цифровых ценностей для унификации терминологии. В данную категорию также вполне допустимо добавить «бонусные баллы» различных торговых сетей и иных субъектов предпринимательской деятельности.

Цифровые ценности либо представляют собой классический объект в новой форме, либо являются способом фиксации классического объекта. Если мы исходим из концепции блага, то для отнесения того или иного объекта необходимо, что бы он мог удовлетворять человеческие потребности. А цифровизация не способна повлиять на человеческую природу, следовательно, наши потребности не меняются — могут измениться лишь формы их удовлетворения, не влияющие на их содержание.

[191] Дерюшева, О. И. Особенности цифровизации права в гражданских правоотношениях / О. И. Дерюшева, А. М. Годовникова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4. – С. 256-258.

3. Изменения законодательства для адаптации системы права к цифровым технологиям

3.1 Взаимосвязь динамики правовой культуры и изменений законодательства при построении цифровой экономики[192]

Новейшие цифровые технологии с каждым годом всё больше находят своё отражение в законодательстве. Несмотря на то, что это сравнительно новая проблема для законодателя, у него есть опыт регулирования некоторых проявлений цифровых технологий, а именно речь идёт о сети Интернет. История правового регулирования сети Интернет насчитывает немногим более 30 лет. Однако на современном этапе накопленный опыт теряет свою актуальность ввиду изменений правовой культуры и появления новых технологических возможностей.

Прямое регулирование сети Интернет появляется так поздно ввиду того, что степень урегулированности прежде всего зависит от вовлечённости субъектов в соответствующие отношения и их экономической значимости. В России прямое регулирование отношений в сети Интернет появилось позже, чем во многих

---

[192] При написании данного параграфа были использованы материалы из следующих работ автора: Ладенков Н.Е. Цифровая подсистема права: зарождение и проявление / Н. Е. Ладенков // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 9. С. 8-12.; Глушаченко, С. Б. История развития правового регулирования цифрового (интернет-) пространства в России / С. Б. Глушаченко, Н. Е. Ладенков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2025. – № 1. – С. 5-14.; Ладенков, Н. Е. Локальное регулирование цифровой экономики / Н. Е. Ладенков // Вестник экономического научного общества студентов и аспирантов, Санкт-Петербург, 23 мая 2019 года / Международный банковский институт. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт, 2019. – С. 4-7.; Ладенков, Н. Е. Локальное правовое регулирования цифровых отношений внутри сообщества / Н. Е. Ладенков // Наступившее будущее: новые форматы, смыслы и сущности образования : Материалы XVIII международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 октября 2019 года / Международный банковский институт. – Санкт-Петербург: Международный бан, 2019. – С. 108-114.; Ладенков, Н. Е. Смарт-контракты в российском гражданском праве / Н. Е. Ладенков // Новеллы права, экономики и управления 2019 : сборник научных трудов по материалам V международной научно-практической конференции, Гатчина, 22 ноября 2020 года. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2020. – С. 70-73.; Ладенков, Н. Е. "Смарт-закон" как технология правоприменения / Н. Е. Ладенков // Наступившее будущее: новые форматы, смыслы и сущности образования : Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 октября 2021 года / МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ АНАТОЛИЯ СОБЧАКА. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2021. – С. 63-72.

западных странах, а именно в середине 2000-х годов. Тем не менее Интернет в России начал использоваться в отдельных отраслях экономики ещё в 90-е годы, в то же время начала складываться субкультура Интернет-сообщества. Соответствующие отношения регулировались на основе стихийно складывающихся локальных норм Интернет-сообществ и конституционных норм, косвенно затрагивающих соответствующие отношения, например статей 23, 24 и 29 Конституции РФ. Как отмечал Е. Н. Ащин, некоторые институты права, в данный период развития, не могли быть применены в рамках правоотношений, протекающих в Интернете[193].

Как считает В. Б. Наумов — историю правового регулирования сети Интернет стоит вести с принятия Федерального закона от 20.02.1995 №24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»[194]. Можно согласиться с тем, что данный Федеральный закон заложил основы для дальнейшего становления законодательства, однако сам он не содержит прямого регулирования для сети Интернет, затрагивая лишь правила работы с информацией.

В качестве другого закона, косвенно регулирующего соответствующие отношения, можно назвать Федеральный закон от 10.01.2002 №1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи». В нём появляется понятие «информационная система общего пользования», но основная направленность регулирования сосредоточена на защите достоверности информации, содержащейся в электронном виде.

Отдельно стоит упомянуть и Указ Президента РФ от 20.01.1994 №170 «Об основах государственной политики в сфере информатизации», также не затрагивающий сеть Интернет, но отмечающий значение информатизации для развития России. Также отметим Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, утверждённую Указом Президента РФ от 9 сентября 2000

---

[193] Ащин, Е.Н. Правовое регулирование электронного бизнеса // Закон и право. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002, № 10. - С. 33-35

[194] Наумов, В.Б. Развитие интернет-права в России: право в сетях XXI века [Электр. ресурс] / В.Б. Наумов. - Электрон. кн. - СПб. - 2016. - URL: http://www.russianlaw.net/files/law/doc/aa71.pdf (дата обращения: 31.08.2025).

года № Пр-1895, которая во многом определила дальнейший вектор развития законодательства об Интернете.

Понятие «Интернет» появляется в российской правоприменительной практике в начале XXI века[195], однако в рамках отечественной правовой системы судебный прецедент де-юре не признаётся источником права. Тем не менее, данные акты и правоприменительная практика создали предпосылку для целенаправленного правового регулирования сети Интернет, что активизировало правотворческую деятельность государства.

Другой предпосылкой выступила встреча, прошедшая в декабре 1999 года, между представителями Интернет-сообщества и Председателем Правительства РФ, на которой обсуждались вопросы развития российского сегмента сети Интернет и его правового регулирования. По результатам данной встречи были подготовлены два проекта нормативно-правовых актов: Положение «О порядке выделения и использования доменных имен в российском сегменте сети “Интернет”» и Постановление Правительства РФ «О регистрации сетевых СМИ»[196]. Тем не менее, данные проекты вызвали негативную реакцию: было принято решение о продолжении сотрудничества и обсуждения вопросов правового регулирования.

Законодательная власть также предпринимала попытки: Комитет по информационной политике Госдумы РФ создал свой проект. В начале 2000 года в Государственную Думу РФ он был внесён как проект Федерального закона «О регулировании российского сегмента сети Интернет», но он так и не был принят в качестве закона.

В целом, 90-е и первую половину 2000-х годов можно охарактеризовать как подготовительный этап для прямого регулирования отношений, протекающих в

---

[195] Шобей, Л. Г. К вопросу об особенностях правового регулирования общественных отношений, складывающихся в информационно-телекоммуникационной сети "интернет" / Л. Г. Шобей, К. Е. Григорьев, П. А. Чернова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, № 2(27). – С. 191.

[196] Тигранян, Е. А. Правовое регулирование сети Интернет в России как отражение проводимой лидером государства политики / Е. А. Тигранян, А. Е. Базанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2016. – № 4. – С. 123.

сети Интернет, создавшего предпосылки для появления специального законодательства.

На следующем этапе появляется специализированное законодательство.

В качестве точки отсчёта для прямого и целенаправленного регулирования сети Интернет можно использовать принятие Федерального закона от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Со дня вступления в силу данного закона также утратили силу ряд нормативно-правовых актов, косвенно связанных с сетью Интернет. В качестве наиболее значительных для данного исследования можно отметить Федеральный закон от 20 февраля 1995 года №24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» и Федеральный закон от 4 июля 1996 года №85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене».

С этого момента в российском законодательстве были закреплены некоторые ключевые понятия, связанные с Интернетом, а также нормы, регулирующие общественные отношения в сети Интернет и выступающие в качестве «lex specialis» по отношению к ГК РФ. Стоит отметить, что данный закон не имеет чёткой отраслевой привязки, так как содержит нормы как частно-правового характера, так и публично-правового, что свидетельствует о появление если не новой отрасли права, то хотя бы о появлении новой отрасли законодательства.

В последующие годы в законодательство были внесены фрагментарные поправки, касающиеся сети Интернет, но их нельзя назвать глобальными. Скорее они устраняли незначительные противоречия между законами и уточняли терминологию. Так, в частности, были внесены небольшие изменения в Федеральный закон от 10.01.2002 №1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» и был принят Федеральный закон от 27.06.2011 №161-ФЗ «О национальной платежной системе».

Основное значение данного этапа сводится к появлению специального законодательства, терминологии и сети Интернет в правовом поле. Это уже в свою очередь создало предпосылку для дальнейшего развития законодательства, и хотя

бы немного подготовило правовую систему к дальнейшему рывку в развитии и практики применения цифровых технологий.

«Web 2.0» характеризуется тем, что за счёт появления социальных сетей сами пользователи стали формировать содержание, а не владельцы сайтов. Он начал активно внедряться в российскую действительность в конце 2000-х. Это активизировало правотворчество государства в широком понимании, включая деятельность по изучения правовых потребностей[197]. В доктрине того времени обращали особое внимание на необходимость использования при законотворчестве уже сложившихся обычаев и культуры в сети Интернет[198]. Однако третий этап развития законодательства стоит отсчитывать не ранее, чем с 2013 года, когда в ГК РФ включили понятие «информационного посредника». Сущностно, ст. 1253.1 включила в правовую сферу такой феномен как социальная сеть. Законодатель отчасти учёл сложившуюся практику.

В начале регулирования третьего этапа развития технологии сети Интернет любое государство встаёт перед выбором между двумя моделями: либерализация отдельных положений авторского права или ужесточение режима охраны авторских и исключительных прав в Интернете. Мировой опыт показывает, что большая часть развитых государств выбирает первую модель, не стала исключением и Россия. Поправки, принимаемые с этого времени, в основном, пусть и за некоторыми исключениями, были направлены на усиление защиты исключительных прав в сети Интернет[199].

Федеральный закон от 24.11.2014 №364-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» предусмотрел возможность блокировать доступ к сайту, содержащему любой

---

[197] Троян, Н. А. Предложения по совершенствованию системы применения цифровых технологий в нормотворческих и правоприменительных процессах / Н. А. Троян // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 4(41). – С. 83.

[198] Лисицын-Светланов, И. А. Правовой обычай в Интернете / И. А. Лисицын-Светланов // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2010. – № 5. – С. 26.

[199] Гаско, А. В. Правовые дефекты в законодательном регулировании виртуальной реальности / А. В. Гаско // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12(61). – С. 37.

нелицензионный (пиратский) медиаконтент, за исключением фотографий, в качестве меры обеспечения. При этом на сайте может и не быть размещён сам контент - достаточно лишь гиперссылки на него. Кроме того, данные поправки предусмотрели «право на забвение», позволяющее гражданам требовать от поисковых сервисов не включать ссылки на ресурсы, содержащие информацию о них при выводе результатов поискового запроса. Но нужно понимать, что сама информация о гражданине не исчезает из Интернета (строго говоря, технически удалить что-то из сети Интернет невозможно ввиду распределённости хранения информации и наличия резервных копий и архивов). Отдельно отметим, что в европейской судебной практике соответствующе право закрепилось немногим раньше[200].

Однако в это же время законодатель ввёл в правовое поле известную в мире конструкцию открытых лицензий (Creative Commons). Федеральный закон от 12.03.2014 №35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» позволил широкому кругу пользователей выдавать соответствующую лицензию. Такое законодательное решение можно назвать частичной либерализацией авторского права, так как позволяет свободно распространять знания, в широком смысле слова, в сети Интернет, тем самым способствуя развитию информационного общества, цифровизации и общества знаний. Соответствующая модель лицензии официально возвратила определённую долю самоуправленческих начал в Интернет-сообществах, что видится необходимым, так как законодательство обычно отстаёт от развития цифровых технологий и следующих за ними новыми социальными реалиями. Элементы самоуправления и самоорганизации сообществ позволяют эффективно преодолевать пробелы правового регулирования[201].

---

[200] Агейчев, А. С. Законодательство в сфере Интернеткоммуникаций: сравнительный анализ российского и международного опыта / А. С. Агейчев // Сравнительная политика. – 2016. – Т. 7, № 2. – С. 76.

[201] Ладенков, Н. Е. Локальное регулирование цифровой экономики / Н. Е. Ладенков // Вестник экономического научного общества студентов и аспирантов, Санкт-Петербург, 23 мая 2019 года

В обозначенный период развития также вносятся поправки, направленные на обеспечение информационной безопасности с помощью блокировки доступа к сайтам обоих видов — как судебной, так и внесудебной, содержащих информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, а также привлечение к ответственности владельцев таких сайтов.

А. М. Ваховский выделяет три полярные модели контроля за информацией: либеральную, авторитарную, авторитарно-тоталитарную[202]. В качестве другой классификации можно привести: полный контроль государством над сетью Интернет, ответственность провайдера за любые действия пользователя, освобождение провайдера от ответственности в тех случаях, если он выполняет определенные условия, связанные с характером предоставления услуг и взаимодействия с субъектами информационного обмена[203].

Часть из этих поправок содержалась в Федеральном законе от 23 июня 2016 года №208-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Но наибольший резонанс в области защиты информации и конфиденциальности привнёс «пакет Яровой», введённый Федеральным законом от 06.07.2016 №374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности».

Е. Н. Петрищева и С. В. Лемайкина в своей статье отмечают, что по мнению общественности данные поправки нарушали положения Конституции РФ в части

/ Международный банковский институт. Том Выпуск 54. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт, 2019. – С. 5.

[202] Ваховский, А. М. Политико-правовые вопросы регулирования Интернета: мировой опыт и российская практика / А. М. Ваховский // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2. – С. 8.

[203] Сабиров, К. К. Некоторые вопросы законодательного укрепления кибербезопасности в Республике Казахстан / К. К. Сабиров, Ф. Р. Ахмеджанов // Вопросы кибербезопасности. – 2017. – № 3(21). – С. 56-57.

внесудебного сбора информации о частной жизни лица[204]. Однако после вступления его в силу, выяснилось, что полная реализация законодательного «пакета» невозможна ввиду экономических причин, а также из-за технической невозможности хранить такие объёмы информации. Тем не менее принятие указанных выше законов свидетельствует о стремлении государства взять сеть Интернет под всеобъемлющий контроль. С другой стороны, их можно оценить как попытку государственной власти целенаправленно изменить правую культуру посредством нормативного закрепления морально-нравственных ориентиров. Однако использование только такого подхода в рамках политики совершенствования правовой культуры нельзя назвать достаточным. Помимо этого, проводится мониторинг сети Интернет в целях обнаружения и блокировки информации, нарушающей законодательство[205].

А. С. Анисимова, рассматривая соответствующий этап развития регулирования сети Интернет во Франции также оценивает его как фактор, влияющий на правовую культуру в контексте самоцензуры пользователей[206].

Стремление государства контролировать сеть Интернет также проявилось в Федеральном законе от 05.05.2014 №97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», прозванный в средствах массовой информации «законом о блогерах». Данный закон фактически приравнял сайты и блоги с большим охватом аудитории к средствам массовых коммуникаций. Можно сказать, что закон был призван усилить контроль за распространяемой информацией.

---

[204] Петрищева, Е. Н. Правовые аспекты государственного регулирования Рунета / Е. Н. Петрищева, С. В. Лемайкина // Юристъ-Правоведъ. – 2017. – № 3(82). – С. 177.

[205] Правкина, И. Н. Особенности и тенденции изменения российской правовой культуры в современных условиях / И. Н. Правкина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 3(152). – С. 41.

[206] Анисимова, А. С. Анализ правотворческой политики зарубежных стран в сфере регулирования интернет-отношений / А. С. Анисимова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 5(100). – С. 41.

Общий смысл изменений законодательства можно охарактеризовать следующим образом: государство пытается усилить контроль за Интернет-пространством. Не стоит забывать и о сопутствующих изменениях законодательства об административной ответственности и уголовного законодательства.

Таким образом, избранную в данный период модель можно охарактеризовать как авторитарную и как модель освобождения провайдера от ответственности в определённых случаях.

Однако, появляются и новые способы обхода соответствующего контроля, что уже в свою очередь увеличивает объём подзаконного регулирования. Таким образом, вырисовывается картина вечной борьбы – запрета и метода его обхода. Внесённые изменения не исправили застарелых проблем регулирования сети Интернет, но частично упорядочили сложившиеся отношения.

Также отметим, что в данный период развития законодательства обновились и акты стратегического характера. В частности, можно отметить Указ Президента РФ от 05.12.2016 №646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» и Указ Президента РФ от 09.05.2017 №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы». Их главное значение сводиться к тому, что они, в отличие от актов, принятых в начале 2000-х годов, учитывают изменившуюся социально-цифровую реальность и появившиеся цифровые технологии. Эти акты заложили фундамент для включения в правовое поле новейших цифровых технологий, появляющихся на 4 этапе развития Интернет-технологий, а также обратили внимание законодателя на возможности новой методологии нормообразования и регулирования в цифровой среде.

Условно началом 4 этапа развития Интернет-технологий можно назвать появление технологии блокчейн. В России соответствующие технологии стали популярными в 2012 году, и тогда же началась активная борьба с ними со стороны государственных структур: попытки взять децентрализованную среду под

централизованный контроль или вообще запретить, что соответствовало духу того периода развития законодательства, связанного с сетью Интернет.

Однако к концу 2016 года ситуация изменилась, и представители различных государственных структур начали высказывать заинтересованность во внедрении соответствующих технологий в правовое поле. С этого момента можно и отсчитывать новый этап развития отечественного законодательства в сфере регулирования сети Интернет. Некоторые исследователи отмечают, что на современном этапе происходит лишь решение частных проблем регулирования. Другие же отмечают необходимость взаимопроникновения норм между отраслями права для адекватного создания фундамента для будущего регулирования в сфере Интернет-отношений[207].

С 2016 года началась подготовка нескольких проектов новых законов и поправок к уже имеющимся. После множества коренных переработок текстов законопроектов были приняты три наиболее существенных акта: Федеральный закон от 18.03.2019 №34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации, Федеральный закон от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральный закон от 02.08.2019 №259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данные законы ввели в правовое поле практическое применение блокчейн технологий – токенов, криптовалют и смарт-контрактов. Однако соответствующие технологические решения применялись на практике и до внесения изменений.

Кроме того, стоит отметить Федеральный закон от 24.07.2023 №340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»,

---

[207] Жуков, А. З. Основные проблемы правового регулирования интернет-отношений в Российской Федерации / А. З. Жуков // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 5. – С. 282-285.

который ввёл цифровой рубль, как «официальную государственную криптовалюту».

Для выявления закономерностей в современной динамике изменения законодательства наиболее актуальным видится обратить детальное внимание именно на последние изменения. Из содержания данных нормативно-правовых актов следует, что законодатель делает акцент на распределённом хранении данных, на данный момент реализуемой прежде всего на базе технологии блокчейна. Несмотря на соблюдения принципа технологической нейтральности, именно блокчейн выступает на данном этапе наиболее перспективной технологией.

Действующее законодательство уже предусматривает возможность использования цифрового рубля и криптовалют в гражданском обороте, включая последних в категорию цифровых прав наряду с потенциально многими другими объектами цифрового мира. Ст. 128 ГК РФ так определяет объекты гражданских прав: «К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.». В своё время Г. А. Прокопович и А. Р. Юсупов отмечали, что криптовалюты могут быть отнесены только к иному имуществу из всего перечня объектов, перечисленных в ст. 128 ГК РФ[208]. Как мы можем увидеть, законодатель рассматривает криптовалюту в качестве имущественных прав.

Поправки к ГК РФ не только уточняют перечень объектов гражданского права, но и вносят в правовое поле некоторые функции смарт-контрактов. В частности, ст. 309 дополнена положением, в соответствии с которым условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее

[208] Прокопович, Г. А. Биткоины в платежной системе онлайн бизнеса: возможности правового обеспечения и проблемы использования / Г. А. Прокопович, А. Р. Юсупов // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 1. – С. 199.

обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки. Ранее проект Федерального закона N 419059-7 «О цифровых финансовых активах» закреплял понятие смарт-контракта, однако при подготовке текста проекта ко второму чтению данный термин был изъят.

Выше мы уже рассмотрели правовую природу смарт-контрактов. Следует повториться, что необходимо различать смарт-контракт как технологию и как институт права. Как правовой институт мы рассматриваем его в качестве юридического факта. В научной литературе существует дискуссия о причислении смарт-контрактов к гражданско-правовым договорам, однако ничего не мешает использовать смарт-контракты и в иных отраслях права, о чём будет сказано далее. Существует две диаметрально противоположные генеральные позиции.

Первая причисляет смарт-контракты к гражданско-правовым договорам. В таком случае необходимо попытаться подвести смарт-контракты под действующее регулирование. Обратим внимание на положения ст. 153 и 154 ГК РФ. В соответствии с ними сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей; а для заключения договора необходимо выражение согласованной воли двух сторон (двусторонняя сделка) либо трех или более сторон (многосторонняя сделка). Как было рассмотрено выше, смарт-контракт относится к юридическим актам, которые в гражданском праве именуются сделками. Таким образом, он определено является сделкой. Кроме того, в рамках гражданского права, в нём участвуют как минимум две стороны. Соответствующее утверждение сопряжено с возмездностью в правоотношении, использующем смарт-контракт. Таким образом, определённо можно подтвердить связь технологии смарт-контракта с договорами в гражданско-правовых отношениях.

Тем не менее в доктрине существует достаточно много дискуссий о его месте в теории договорного права. Так смарт-контракты определяют в качестве условных

сделок или договора с обусловленным исполнением обязательства[209], типовых договорных конструкций[210], а также формы сделки (в доктрине существует несколько подходов к обоснованию данной позиции, наиболее архетипичные изложены в трудах М. Каулартз и Й. Хескманн [211], О. Г. Бельдиной[212], А. И. Савельева[213], Н. В. Лукояновой[214] и Л. Новосёловой[215]).

Говоря о смарт-контрактах как о форме договора, также необходимо вспомнить о правовых предпосылках к появлению таких контрактов и данной теории в целом[216]. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980) в ст. 13 признала за сообщениями по телеграфу и телетайпу статус письменной формы. Впоследствии Инкотермс 1990 года расширил данный перечень средствами компьютерной связи[217]. Среди главных особенностей смарт-контракта в качестве формы договора выделяют:

1) выражение воли с помощью специальных технических средств (программного кода);

2) единое волеизъявление на заключение и исполнение договора.

---

[209] Савельев, А. И. Договорное право 2.0: "умные" контракты как начало конца классического договорного права / А. И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 32-60.

[210] Ефимова, Л. Г. Правовая природа смарт-контракта / Л. Г. Ефимова, О. Б. Сиземова // Банковское право. – 2019. – № 1. – С. 21-28.

[211] Kaulartz M., Heckmann J. Smart Contracts - Anwendungen der Blockchain-Technologie // CR. 2016. S. 621.

[212] Бельдина, О. Г. Правовое регулирование смарт-контрактов / О. Г. Бельдина // Аллея науки. – 2018. – Т. 3, № 9(25). – С. 672-674.

[213] Савельев А. И. Часть 3. Юридическая дефиниция смарт-контракта // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - https://zakon.ru/blog/2017/10/30/chast_3_yuridicheskaya_definiciya_smart-kontrakta (дата обращения: 31.08.2025).

[214] Лукоянов, Н. В. Правовые аспекты заключения, изменения и прекращения смарт-контрактов / Н. В. Лукоянов // Юридические исследования. – 2018. – № 11. – С. 28-35.

[215] Новоселова, Л. "Токенизация" объектов гражданского права / Л. Новоселова // Хозяйство и право. – 2017. – № 12(491). – С. 29-44.

[216] Дядькин, Д. С. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования / Д. С. Дядькин, Ю. М. Усольцев, Н. А. Усольцева // Universum: экономика и юриспруденция. – 2018. – № 5(50). – С. 17-20.

[217] Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс» (Публикация Международной торговой палаты 1990 г. № 460) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - http://docs.cntd.ru/document/8000123 (дата обращения: 31.08.2025).

Можно согласиться с тем, что смарт-контракт является волей сторон, изложенной с помощью компьютерного кода. Следуя приведённой выше логике рассуждений, можно прийти к выводу, что до программирования смарт-контракта происходит согласование воль, что и должно рассматриваться в качестве договора, а смарт-контракт — в качестве его формы, так как именно согласование воль выступает юридическим фактом. Таким образом, следует разделять понятия договора и формы договора. Однако это ещё не значит, что смарт-контракт следует рассматривать в данном качестве.

Данный подход опирался на раннюю редакцию ст. 2 законопроекта «О цифровых финансовых активах», согласно которой смарт-контракт — это договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определённой им последовательности и при наступлении определённых им обстоятельств. Однако при подготовке текста законопроекта ко второму чтению из него было изъято легальное определение смарт-контракта, что лишило данный подход законодательной основы. Но из-за того, что код компьютерной программы неинформативен для человека без специальных знаний, он не может получить из него содержание договора. В таком ключе видится необоснованным рассматривать смарт-контракт в качестве формы договора.

Если рассматривать смарт-контракт в качестве самого договора стоит отметить невозможность изменения или отмены смарт-контракта. Данный факт делает неприменимой положения главы 29 ГК РФ, посвящённые изменению и расторжению договора. В. М. Камалян считает, что это грубое нарушение принципов гражданского права, и на этом основании смарт-контракт нельзя причислять к договорам[218]. С данной позицией можно согласиться, так как видится странным и нелогичным рассматривать смарт-контракт как договор и не применять к нему положения о договорах. Аналогичным образом возникает проблема

[218] Камалян, В. М. Понятие и правовые особенности смарт-контрактов / В. М. Камалян // Юрист. – 2019. – № 4. – С. 20-27.

расторжения смарт-контракта. Соответствующие проблемы возникают при обнаружении ошибки в коде программы. Если обе стороны согласны с необходимостью исправления, то вопрос может быть решён, например, составлением дополнительного смарт-контракта. В случае же наличия спора не до конца ясно, как исправить ситуацию при рассмотрении смарт-контракта в качестве договора.

Также необходимо обратить внимание на функциональные различия смарт-контракта и гражданско-правового договора. Договор прежде всего необходим для того, чтобы выразить и закрепить волю сторон, а смарт-контракт — для её исполнения. Как было указано выше, программный код смарт-контракта неинформативен для человека, не знакомого с особенностями соответствующего языка программирования, что также вызывает необходимость привлечения третьего лица для «подключения» смарт-контракта — технического специалиста. Данная необходимость требует специального регулирования правового статуса такого специалиста, соответствия требованиям (образование, регистрация в соответствующем качестве и т.п.), а также ответственности, в связи с чем М. А. Егорова отмечает необходимость правового закрепления ответственности субъектов цифровых правоотношений и механизмов её реализации. Соответствующее регулирование обеспечит комплексную защиту соответствующих субъектов[219].

Кроме того, рассматривая смарт-контракт в качестве договора, необходимо определить, что будет являться офертой, а что акцептом, и насколько применимо действующее гражданское законодательство. Ответ лежит в технологической плоскости. Возможно использовать конструкцию рамочного договора, заключаемого в письменной форме при присоединении к блокчейну. Второй возможностью выступает акцептирование условий с помощью «click-wrap-

[219] Егорова, М. А. Особенности нормативного регулирования цифровой экономики и проблемы антимонопольного регулирования на цифровых рынках как средство защиты национальных интересов / М. А. Егорова // Юрист. – 2018. – № 11. – С. 7-10.

соглашения»[220]. Обе модели уже стали достаточно привычными для российского гражданского права. Рамочные договоры существуют уже достаточно давно и активно применяются. «Click-wrap-соглашения» — это институт более новый, однако существует сложившаяся судебная практика, позиция которой такова: «По своей правовой природе click-wrap-соглашение есть конклюдентное действие пользователя, признаваемое акцептом оферты, сделанной в письменном электронном виде»[221]. Данная практика позволяет применять без правовых рисков к «click-wrap-соглашениям» правила о публичной оферте. В таком случае офертой будет выступать предложение, размещённое в сети Интернет, а акцептом — конклюдентные действия.

Стоит отметить и третий способ. Стороны могут выразить оферту и акцепт путём обмена электронными сообщениями, подписанными электронными подписями. Изменения абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ предусматривают соблюдение простой письменной формы в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Соответствующие изменения позволят в значительно степени расширить способы заключения электронных договоров. В связи с этим Е. Е. Богданова отмечает, что для подтверждения сторон может использоваться не только электронная подпись, но и другие способы зафиксированные в Рекомендации Ассоциации российских банков от 19 декабря 2012 г.[222]

Кроме того в цифровой среде появляются дополнительные языки для правовой коммуникации: «С точки зрения социальной семиотики, эмодзи как динамические знаки имеют большой потенциал передачи значений, что делает их

---

[220] Савельев, А. И. Некоторые правовые аспекты использованиясмарт-контрактови блокчейн-технологий по российскому праву / А. И. Савельев // Закон. – 2017. – № 5. – С. 94-117.
[221] Апелляционное определение № 33-4491/2014 от 18 июля 2014 г. по делу № 33-4491/2014
[222] Богданова, Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом / Е. Е. Богданова // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 7(152). – С. 108-118.

значения зависящими от контекста и зависящими от интерпретатора. … Исследование контекстуализированной конфигурации эмодзи поможет разобраться в интерпретации содержащих эмодзи текстов при принятии судебных решений, а также в определении допустимости доказательств и оценки доказательств в судах.»[223] Что особенно актуально ввиду указанных выше поправок к ст. 160 ГК РФ. Как отмечает С. Л. Будылин: «Любые средства коммуникации играют важную роль в жизни людей, в том числе и в правовых отношениях между ними. Это касается не только лингвистических методов общения, но и таких средств невербальной коммуникации, как эмодзи.»[224] Язык выступает в качестве основы культуры и любые изменения в языковом аппарате отображается на ней, в том числе и на правовой культуре. М. Пендл отмечает: «Эмодзи стали незаменимыми для коммуникации в век цифровизации. Даже право не в состоянии игнорировать этот феномен реального мира (Realphänomen), а вынуждено иметь с ним дело.»[225]

Однако в случае с эмодзи возникает существенная проблема толкования этих знаков. На данный момент, большая часть исследователей сходятся на мнение, что необходимо учитывать контекст и культурные особенности субъекта, отправившего сообщение. Кроме того, эмодзи уже неоднократно попадали во внимании судебной практики, как отечественной (в качестве примеров можно привести позиции Арбитражного суда Московского округа[226], Арбитражного суда Уральского округа[227] и Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда[228]), так и зарубежной[229]. Однако некоторые авторы отмечают, что юридическая оценка

---

[223] Pei J., Cheng L. Deciphering emoji variation in courts: a social semiotic perspective // Humanities and Social Sciences Communications. – 2022. – Vol. 9. Art. No. 445. – P. 1-8.
[224] Будылин С.Л. «Большой палец вверх» — акцепт или оскорбление? Эмодзи, семиотика и право // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 8. С. – 68-97.
[225] Pendl M. Emojis im (Privat-)Recht. // Mohr Siebeck, – 2022. – 139 S.
[226] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2020. № Ф05–15858/20 по делу № А40–93872/2019
[227] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.03.2023. № Ф09–5299/22 по делу № А76–3161/2021
[228] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023. № 15АП-8889/23 по делу № А32–36944/2022
[229] South West Terminal Ltd. v Achter Land, 2023 SKKB116

эмодзи вызывает определённые затруднения у судебной практики[230]. Такое проникновение элементов массовой культуры в юридическую деятельность, без сомнения, существенно изменит состояние правовой культуры[231]. Уже можно сказать, что закрепилось общее правила допустимости любой формы волеизъявления.

Если исходить из наличия договорной природы, следует определить место смарт-контрактов в классификации договоров. Смарт-контракт может использоваться в рамках практически любого возмездного договора. Таким образом, он не стоит в ряду типов договоров (купля-продажа, аренда, подряд и т.п.). В научной литературе по данному вопросу существует точка зрения, что смарт-контракт нужно рассматривать в качестве типовой договорной конструкции[232]. В таком ключе смарт-контракт можно классифицировать в качестве несамостоятельной договорной конструкции, отражающей специальные правила заключения, исполнения или иных последствий, в случаях, если договор подпадает под признаки данной несамостоятельной конструкции. Следовательно, смарт-контракт можно заключить в отрыве от какого-либо типа договора, а его регулирование должно содержаться в главе 27 ГК РФ.

Вторая позиция полностью отвергает договорную природу смарт-контракта, определяя их как совершенно другое гражданско-правовое явление. Сторонники данной позиции утверждают, что смарт-контракт недопустимо рассматривать в качестве договора или его формы, так как его содержание находится в компьютерном коде, смысл которого не ясен человеку без специальных знаний. В качестве формы договора же необходимо рассматривать письменный документ, написанный на «естественном» языке. В частности, Л. К. Фазлиева и Э. Х. Рахимов

---

[230] Андриевская, А. Н. Правовые условия признания акцептом эмодзи при переписке в мессенджере / А. Н. Андриевская, Д. А. Косторнов // Юридическая наука. – 2023. – № 12. – С. 109-111.

[231] Ладенков, Н. Е. Влияние цифровизации на правовую культуру / Н. Е. Ладенков // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции В 6 т., Казань, 22 сентября 2023 года. – Казань: Издательство "Познание", 2023. – С. 36-43.

[232] Ефимова, Л. Г. Правовая природа смарт-контракта / Л. Г. Ефимова, О. Б. Сиземова // Банковское право. – 2019. – № 1. – С. 21-28.

отмечают, что применение смарт-контракта возможно только при оформлении классического договора или хотя бы его части[233].

При этом, в рамках данного направления исследований существует несколько подходов к пониманию гражданско-правовой природы смарт-контрактов. Смарт-контракт может выступать в качестве альтернативной формы заверения и способом исполнения, а в некоторых случаях — доказательством факта заключения и условий договора. А. Тюльканов отмечает, что в случаях отсутствия иных материальных свидетельств заключения и условий договора программа может выступать в качестве доказательства заключения договора между сторонами и его условий[234].

Один из подходов к гражданско-правовой природе смарт-контрактов основан на их самоисполнимости. Сторонники данного подхода рассматривают смарт-контракт как способ обеспечения исполнения обязательства, возникшего из иного гражданско-правового договора. Напомним, что одной из ключевых особенностей смарт-контрактов выступает невозможность отмены или изменения автоматического исполнения. Так как ст. 329 ГК РФ устанавливает открытый перечень способов обеспечения исполнения обязательства, то договором могут предусматриваться и иные, не предусмотренные законом способы, в том числе смарт-контракты. Сторонники данной позиции приходят к выводу о причислении смарт-контрактов к непоименованным способам исполнения обязательства. Обеспечение исполнения происходит путём невозможности отмены или изменения автоматического исполнения. Но обратим внимание, что смарт-контракт применяется прежде всего не для защиты интересов в случае неисполнения обязательства контрагентом, а для оптимизации исполнения собственного обязательства. Стоит отметить, что неразвитость законодательного регулирования

---

[233] Фазлиева, Л. К. Смарт-контракт в гражданско-правовом обороте / Л. К. Фазлиева, Э. Х. Рахимов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 2(92). – С. 52-57.

[234] Тюльканов А. Смарт-контракты — договоры или технические средства? // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/4/7/smart-kontrakty__dogovory_ili_tehnicheskie_sredstva (дата обращения: 31.08.2025).

данного института не препятствует его применению в договорных отношениях благодаря диспозитивному методу, так как законодатель устанавливает общие принципы и оставляет перечень способов открытым. В связи с этим О. М. Родионова отмечает, что полноценное использование смарт-контрактов в рамках гражданского права требует совершенствования законодательства в данной сфере[235], на данный момент регулирование нельзя назвать в полной мере эффективным. Между тем, того времени в этом направлении так и не было внесено поправок.

Другим подходом выступает причисление смарт-контрактов к способам исполнения обязательства. Так, А. М. Вашкевич отмечает, что законодательство не запрещает использовать автоматизацию исполнения обязательства[236]. Данная позиция находит своё подкрепление в изменениях ГК РФ. В качестве одного из вступивших в силу изменений выступает изменение ст. 309 ГК РФ, в соответствии с которой условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки; это более чем соответствует функциям смарт-контрактов. Необходимо обратить внимание, что смарт-контракт как способ исполнения обязательств может использоваться лишь в тех случаях, когда обязательство может быть выполнено в электронной форме. В случаях же исполнения обязательства в реальном мире смарт-контракт не применим на данном этапе развития технологий.

Подводя итог, отметим, что при включении смарт-контракта в договорные отношения он порождает определённые правовые последствия. Его некорректно рассматривать в качестве договора, так как сама по себе компьютерная программа не может выступать в качестве соглашения. Соответствующему написанию

---

[235] Родионова, О. М. Гражданско-правовая природа последствий заключения смарт-контрактов / О. М. Родионова // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 6. – С. 183-185.

[236] Вашкевич А. Пять выводов о смарт-контрактах // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/12/27/pyat_vyvodov_o_smart-kontraktah (дата обращения: 31.08.2025).

программы должно предшествовать согласование и закрепление воль как в письменном, так и в устном виде. Представление о смарт-контракте как о форме договора имеет недостатки, но всё же более удачно. Как мы неоднократно отмечали выше, код программы неинформативен для лица, не обладающего специальными техническими знаниями, а, следовательно, большинство лиц не сможет извлечь из него содержание. Отметим, что наличие смарт-контракта при этом может выступать в качестве объективных доказательств заключения и условий ранее заключённого договора, но это не превращает его в договор.

Наиболее удачным подходом представляется причисление смарт-контракта к обусловленному исполнению обязательства, предусмотренное ст. 327.1 ГК РФ, так как технология смарт-контракта позволяет защитить интересы кредитора и должника. Такое исполнение происходит только при наступлении заранее установленных условий. Данный подход отражается в отечественном и в зарубежном законодательстве. Кроме того, он согласуется с выводом, сделанным ранее, так как исполнение обязательства выступает в качестве деяния, направленного на изменение или прекращение правоотношения. Следовательно, в рамках гражданского права его стоит рассматривать в качестве сделки. А так как в его «подключении» в рамках договорных отношений участвуют две или более стороны, то может возникнуть желание признать двусторонней или многосторонней сделкой соответственно. Но необходимо обратить внимание на то, что использование смарт-контракта для исполнения обязательств по договору является составной частью данного договора и, как следствие, одним из обязательств. Юридическая сила всех обязательств из договора возникает на основании данного договора. Подключение каждой стороной смарт-контракта выступает в качестве одностороннего волеизъявления на исполнение обязательства, что позволяет квалифицировать такое изъявление как одностороннюю сделку. В тех случаях, когда использование смарт-контракта не предусмотрено договором, но одна из сторон хочет автоматизировать исполнение своего обязательства, то для применения технологии смарт-контракта ей не требуется волеизъявление другой стороны.

Выше мы рассматривали возможность использования технологии смарт-контрактов для заключения гражданско-правовых договоров. В таком случае компьютерная программа, использующая технологию смарт-контрактов, находит публичную оферты и акцептирует их либо находит приглашения делать оферты и направляет оферты. Возможны также ситуации, когда программа реагирует на оферту, акцептирует её при совпадении условий алгоритму или направляет встречную оферту по заранее заложенным условиям. Оферта и акцепт по смыслу гражданского права являются односторонними сделками, направленными на возникновение правоотношений.

Однако регулирование в рамках ГК РФ всё же до сих пор не является исчерпывающим. С одной стороны, такая ситуация даёт больше свободы субъектам свойственную для диспозитивного метода, а с другой — оставляет множество вопросов. В частности, вопросы толкования договора, исполнение по которому происходит с помощью смарт-контракта. В случае, если одна из сторон или суд истолкует текст договора не так, как это было произведено в программном коде, возникнет закономерный вопрос о несоответствии и определении приоритетного источника. Так, в соответствии со ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. Если данные правила не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон. Таким образом, смарт-контракт может использоваться при отсутствии возможности буквального толкования, а при расхождении с буквальным толкованием приоритет должен отдаваться последнему, что ограничивает возможности смарт-контракта фиксировать скорректированную волю.

Одной из технических особенностей смарт-контрактов выступает то, что их невозможно изменить. Законодатель не учёл такую особенность смарт-контрактов. Данный факт делает неприменимой положения главы 29 ГК РФ, посвящённые изменению и расторжению договора, что, в свою очередь, также оставляет вопросы - в частности, как суду, рассматривающему спор о недействительности договора, исполняемого посредством смарт-контракта, надлежит поступать. Наиболее логичным видится обязывание сторон составить дополнительный смарт-контракт, нивелирующий последствия предыдущего.

Однако правомерность такого решения оставляет вопросы, что открывает следующий пласт барьеров, связанных с процессуальными особенностями. Они вызваны отсутствием изменений в процессуальных кодексах. Наиболее очевидной видится возможность использования смарт-контракта в качестве доказательства. Существует позиция, в соответствии с которой: «Смарт-контракт, по логике материального права, в первую очередь подтверждает права и обязанности сторон, которые занесены в блокчейн, но при этом смарт-контрактом может быть подтвержден и сам факт заключения договора. Анализируя смарт-контракты как вид доказательства, допустимо отнесение их к письменным доказательствам, как и другие электронные документы»[237]. Однако стоит отметить, что ст. 71 ГПК РФ к письменным доказательствам относит содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловую корреспонденцию, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, либо выполненные иным, позволяющим установить достоверность документа, способом. Отметим, что смарт-контракт не является текстом на естественном

[237] Дядькин, Д. С. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования / Д. С. Дядькин, Ю. М. Усольцев, Н. А. Усольцева // Universum: экономика и юриспруденция. – 2018. – № 5(50). – С. 17-20.

языке, а компьютерный код не является информативным для судьи. Для преодоления данной проблемы может быть назначена экспертиза. Однако заключение эксперта для суда необязательно и оценивается судом по правилам оценки доказательств. Таким образом, неясно, в качестве какого вида доказательства необходимо рассматривать смарт-контракт.

Аналогичная проблема возникает в отрасли уголовного процесса. Н. В. Яджин и В. А. Егоров считаю, что необходимо дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации нормами об осмотре и изъятию информации децентрализованного хранения[238].

Другой неучтённой проблемой является то, что законодательство не содержит регулирования распределения рисков, связанных с ошибками в коде смарт-контракта или его намеренном искажении. Как было указано выше, программный код смарт-контракта неинформативен для человека, не знакомого с особенностями соответствующего языка программирования, что также вызывает необходимость привлечения третьего лица для «подключения» смарт-контракта – технического специалиста. Данная необходимость требует специального регулирования правового статуса такого специалиста, соответствующего требованиям (образование, регистрация в соответствующем качестве и т.п.), а также ответственности. Однако в действующем законодательстве и проектах законов отсутствуют соответствующие нормы. Таким образом, совершенно неясно, кто несёт риски, связанные с ошибками в компьютерном коде или расхождением программного кода с положениями договора.

Подводя итог изменениям российского законодательства в части внедрения технологии смарт-контрактов можно отметить их фрагментарность. Можно предположить, что сложившаяся ситуация связана с принципом технологической нейтральности. Но учитывая изложенный выше анализ истории регулирования сети Интернет в России, наиболее вероятным видится намеренное оставление

---

[238] Яджин, Н. В. Понятие, формы, разновидности цифровых финансовых активов и их правовое регулирование / Н. В. Яджин, В. А. Егоров // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2025. – № 2(72). – С. 65.

пробелов со стороны законодателя. Как и ранее создаются, по сути, лишь предпосылки к полноценному регулированию, до тех пор, пока технологии не найдут широкого распространения в обществе. Тем не менее деятельность законодателя свидетельствует о целенаправленно внедрении новейших цифровых технологий в общественное сознание, в особенности в бизнес-среду. Это свидетельствует о попытках оказать влияние на динамику правовой культуры.

Соответствующая ситуация в российской системе права связана с тем, что законодатель своевременно не принял упреждающего регулирования и впоследствии не взял под «правовой контроль» использование соответствующих технологий. Однако эта проблема не только отечественного законодателя. Скорость современного развития науки и техники превышает скорость реакции законодательных органов. Кроме того, появляются новые явления, в отношении которых нет ясности в части их правового регулирования. Таким образом, в современном мире принята законодательная практика ожидания, заключающаяся в том, что законодатель вначале смотрит, как складываются общественные отношения без правового регулирования, и только потом его принимает — такой подход встречается почти во всех национальных системах права. Данный метод видится наиболее оправданным, так как невозможно предусмотреть все возможности новых технологий; следовательно, слишком жесткие законодательные рамки могут пресечь их потенциальное развитие. В качестве недостатка подхода можно выделить то, что использование новых неурегулированных технологий создает повышенные риски. Однако развитие новой цифровой подсистемы и доминирование диспозитивного метода в отраслях частного права способно минимизировать их.

Внедрение новейших цифровых технологий в правоотношения создало вызовы способам регулирования. Выше были рассмотрены дискуссионные вопросы о возможности такого регулирования. Действующее правовое регулирование частично затрагивает способы применения технологии в рамках договорных отношений, что не препятствует другим способам, но и не имеет

специализированных норм. Таким образом, существует множество пробелов правового регулирования и их применения.

Юридической науке известно множество способов преодоления пробелов правового регулирования: применение аналогии закона, аналогии права, практики правоприменения и другие способы. Использование практики правоприменения позволяет наиболее оперативно восполнить все пробелы, что активно реализуется в рамках англо-саксонской правовой семьи посредством судебного прецедента. Однако в России судебный прецедент не используется в качестве источника права; таким образом, в отсутствие законодательного правового регулирования судебная практика становится крайне неоднообразной.

Для романо-германской правовой семьи, к которой относится Россия, наиболее характерно использование аналогии права и закона. Однако использование данных способов становится возможным лишь при наличии сложившихся норм или правоотношений. А в случаях появления новых институтов зачастую возникают сложности в определении родственных им институтов, из которых можно «заимствовать» нормы права. Кроме того, как мы определили выше, возможности новейших цифровых технологий выходят за границы модели римского права, что создаёт дополнительные трудности.

Для завершения анализа гражданско-правовой природы смарт-контрактов необходимо обратить внимание на мировой опыт регулирования. Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» частично регулирует использование смарт-контрактов. В соответствии с п. 5.3 данного Декрета лицо, совершившее сделку с использованием смарт-контракта, считается надлежащим образом, осведомленным о ее условиях, в том числе выраженных программным кодом, пока не доказано иное[239], что позволяет рассматривать смарт-контракт в качестве формы договора в рамках такого регулирования. Закреплённая презумпция, в свою очередь, позволяет

[239] Декрет № 8 от 21 декабря 2017 г. О развитии цифровой экономики// URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716 (дата обращения: 31.08.2025).

стабилизировать гражданский оборот и минимизировать риски возникновения споров, вытекающих из сложностей восприятия содержания смарт-контракта.

Государственный регулятор независимых финансовых рынков в (Швейцарии Financial Market Supervisory Authority (FINMA)) определяет смарт-контракт наиболее понятным, на наш взгляд, образом, который отражает его сущность как «протокол на децентрализованной блокчейн-системе». Подчеркивается, что смарт-контракт представляет собой метод исполнения и фиксации обязательств. Это технология, а не договор, по смыслу Обязательственного кодекса Швейцарии[240].

В июле 2018 года Мальта также приняла специальные законы с понятными правилами регулирования криптовалют, цифровых инвестиций (ICO), а также стартапов, основанных на технологии блокчейн. Были приняты:

1) Закон Мальты об Управлении цифровыми инновациями (Malta Digital Innovation Authority Act (MDIA Act)), согласно которому предусматривается создание специального органа по регулированию криптосферы – Агентства цифровых инноваций[241];

2) Закон об организации инновационных технологий и услугах (Innovative Technology Arrangementand Services Act (ITAS Act)) – предусматривает установление требований и порядка сертификации блокчейн платформ[242];

3) Закон о виртуальных финансовых активах (Virtual Financial Assets Act (VFA Act)), позволяющий определить категорию соответствующего цифрового финансового актива, правила регулирования, налогообложение и прочее[243].

Несколько более сложной выглядит ситуация с регулированием смарт-контрактов в США. Договорное право не существует на федеральном уровне, однако базовые принципы всё-таки закреплены. А так как штаты самостоятельно создают регулирование, подходы к пониманию роли смарт-контрактов отличаются. Исправить ситуацию призвано Национальное собрание членов

---

[240] Federal Act on the Amendment of the Swiss Civil Code (Part Five: The Code of Obligations)
[241] Malta Digital Innovation Authority Act of 15 July 2018 (Chapter 591 of the Laws of Malta)
[242] Innovative Technology Arrangementand Services Act of 1 November 2018 (Chapter 592 of the Laws of Malta)
[243] Virtual Financial Assets Act of 1 November 2018 (Chapter 590 of the Laws of Malta)

комиссий по единообразному законодательству штатов, издающее акты рекомендательного значения.

Американская правовая доктрина разделяет понятия «соглашение» и «контракт», закрепляя за последним обеспечение силой государственного принуждения в случае его неисполнения. Чтобы определить обязательность исполнения, суды штатов традиционно оценивают, удовлетворены ли требования предложения, принятия и рассмотрения. Некоторые законодательные акты при этом предъявляют дополнительные требования к форме договора, например, в рамках Единообразного торгового кодекса (Uniform Commercial Code, UCC) или принятых в штатах законов о борьбе с мошенничеством, закрепляя обязательную письменную форму[244].

Однако правоприменению уже известны случаи «нетрадиционной» письменной формы. Так, было признано, что при использовании вендинговых автоматов письменное изложение контракта содержится в коде программы. Кроме того, Единый закон об электронных транзакциях (Uniform Electronic Transactions Act, UETA) также закрепляет определённую фикцию: «Электронные записи, в том числе созданные компьютерными программами, а также цифровые подписи с использованием шифрования на основе открытых ключей имеют ту же юридическую силу, что и текстовые записи»[245]. Более того, в Едином законе об электронных транзакциях закрепляется понятие электронного агента: «компьютерные программы, электронные или иные автоматизированные средства, независимо используемые для инициирования действия или ответа на электронные записи либо на всю деятельность или её часть без контроля или участия человека. Электронный агент способен в рамках параметров своей программы инициировать действия, отвечать на записи или взаимодействовать с другими сторонами или их

---

[244] UNIFORM COMMERCIAL CODE Act 174 of 1962 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/ucc (дата обращения: 31.08.2025).

[245] Uniform Electronic Transactions Act, UETA // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.uniformlaws.org/committees/community-home/librarydocuments?communitykey=2c04b76c-2b7d-4399-977e-d5876ba7e034&tab=librarydocuments (дата обращения: 31.08.2025).

электронными агентами, после того как он был активирован одной из сторон, без дополнительного внимания этой стороны». Данные положения развиваются в федеральном Законе о регистрации электронных подписей (Electronic SignaturesRecording Act, E-Sign Act): «… контракт не может быть лишён юридической силы, законности или обязательного исполнения лишь потому, что его оформление, создание или доставка подразумевает действие одного или нескольких электронных агентов, если действие любого такого электронного агента юридически относится к лицу, связанному обязательствами»[246]. Данные положения могут быть положены в основу регулирования смарт-контрактов, так как частично совпадают с их функционалом. Некоторые штаты уже внесли изменения в региональные версии законов об электронных транзакциях, специализировав регулирование для блокчейна и смарт-контрактов.

Штат Аризона, в частности, дал легальное определение смарт-контрактам: «смарт-контракт является программой, которая активируется происходящими событиями, причем она действует в распределенном децентрализованном многопользовательском воспроизводимом реестре и может управлять и передавать активы в таком реестре»[247]. Закон штата Невада также уже имеет легальное определение: «смарт-контракт представляет собой программу, которая приводится в действие определенными событиями, отражает определенное состояние, выполняется на распределенном, децентрализованном, находящемся в совместном доступе, тиражируемом реестре и способна контролировать активы, учтенные в таком реестре, а также инициировать их передачу»[248]. В штатах Теннеси, Флорида, Небраска и Вермонт закреплено сходные определения. Наблюдается общая тенденция: «Договор, подтверждающий совершение сделки, не может быть

---

[246] U.S. Code § 7001.General rule of validity // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/7001 (дата обращения: 31.08.2025).

[247] Закон Штата Аризона № 2417 от 29.03.2017 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legiscan.com/AZ/text/HB2417/id/1588180 (дата обращения: 31.08.2025).

[248] Тюльканов А. Блокчейну — да, смарт-контрактам — нет: законодатели Невады определились с понятиями // Zakon.ru. 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/06/19/blokchejnu_-_da_smart-kontraktam_-_net_zakonodateli_nevady_opredelilis_s_ponyatiyami. (дата обращения: 31.08.2025).

признан недействительным, не имеющим юридической силы или не влекущим последствий лишь на том основании, что такой договор включает в себя смарт-контракт»[249]. Великобритания также закрепила определение смарт-контракта в XIII Программе правовой реформы: «самоисполнимые договоры, записанные с помощью компьютерного кода»[250]. Однако данное определение недопустимо считать легальным, так как оно закреплено в программе развития, а не законодательном акте. В приведённых примерах легальных определений прослеживается общая закономерность придания смарт-контрактам статуса, сопутствующего договору, заключённому в иных формах. При этом подавляющая часть государств так и не ввела более детального регулирования соответствующей технологии, хотя соответствующие инициативы и неоднократно появлялись, но так и остались в статусе законопроектов.

Если рассматривать поправки как попытку оказать влияние на динамику правовой культуры, то их нельзя назвать исчерпывающими. Процесс формирования правовой культуры личности должен быть целенаправленным, частично это может быть исправлено дополнительными поправками законодательства[251]. Например, выше мы рассматривали возможность использования технологии смарт-контрактов для заключения гражданско-правовых договоров. В таком случае компьютерная программа, использующая технологию смарт-контрактов, производит следующие действия: находит публичные оферты и акцептирует их; находит приглашения делать оферты и направляет оферты; программа реагирует на оферту и акцептирует её при совпадении условий алгоритму; направляет встречную оферту по заранее

---

[249] Campbell R. Official: Arizona Law Recognizes Blockchain Signatures and Smart Contracts // CryptoCoinsNews. 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cryptocoinsnews.com/official-arizona-law-recognizes-blockchain-signatures-smartcontracts/. (дата обращения: 31.08.2025).

[250] Thirteenth Program of Law Reform. Law Com No. 377 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/ system/uploads/attachment_data/file/668113/13th-Programme-of-Law-Reform.pdf. (дата обращения: 31.08.2025).

[251] Сироткин, А. А. К вопросу о влиянии цифровизации на состояние правовой культуры российского общества / А. А. Сироткин // Евразийская адвокатура. – 2023. – № 2(61). – С. 119-124.

заложенным условиям. Данная функция смарт-контрактов укладывается в действующее регулирование. Однако в целях стимулирования цифрового оборота и уменьшения правовых рисков видится нелишним внести дополнения в правила об офертах. Таким образом, главу 28 ГК РФ следует дополнить положениями: «Оферта может быть выражена с помощью информационных технологий без дополнительного волеизъявления», а также «Акцепт может быть выражен с помощью информационных технологий без дополнительного волеизъявления». Данные изменения исключат возможность оспаривания выражения воли на заключение договора с помощью смарт-контракта.

Одной из технических особенностей смарт-контрактов выступает то, что их невозможно изменить или отменить, что делает неприменимой положения главы 29 ГК РФ, посвящённые изменению и расторжению договора. При использовании технологии смарт-контрактов для исполнения договорных обязательств такое отступление от положений гражданского права представляется неприемлемым. Нормы, содержащиеся в данной главе, направлены на защиту прав и интересов сторон правоотношений; следовательно, требуются нормы, адаптирующие применение правил данной главы к технологии смарт-контрактов. Видится целесообразным внести соответствующие нормы.

В частности, следует дополнить ст. 450 ГК РФ следующим положением: «В случае, если договор изменен или расторгнут по решению суда, условиями которого предусмотрено исполнение его сторонами при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями договора, стороны обязаны внести соответствующие изменения в информационную систему, используемую для исполнения обязательств, если такое исполнение не было осуществлено в полном объёме».

Кроме того, аналогичные изменения требуются и для параграфа 2 главы 9 ГК РФ, в части последствий признания недействительной сделки, использующей технологию смарт-контрактов. Наиболее целесообразным видится дополнить п. 1

ст. 167 следующим содержанием: «В случае, если сделка, условиями которой предусмотрено исполнение её сторонами при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определённых условиями сделки, была признана недействительной, стороны обязаны внести соответствующие изменения в информационную систему, используемую для исполнения обязательств, если такое исполнение не было осуществлено в полном объёме». В качестве альтернативы данным нормам может выступать соответствующее указание в решении суда, однако юридически более верным видится наличие в законодательстве нормы, создающей соответствующую обязанность у сторон.

Выше мы уже рассматривали правовые барьеры, связанные с использованием смарт-контракта в качестве доказательств. Действующее регулирование оставляет нераскрытым вопрос, к какому виду доказательства можно отнести компьютерную программу. В соответствии со ст. 71 ГПК РФ её нельзя отнести к письменным доказательствам, так как смарт-контракт не является текстом на естественном языке.

Как было указано выше, программный код смарт-контракта неинформативен для человека, не знакомого с особенностями соответствующего языка программирования, что также вызывает необходимость привлечения третьего лица для «подключения» смарт-контракта – технического специалиста. Данная необходимость требует специального регулирования правового статуса такого специалиста, соответствие требованиям (образование, регистрация в соответствующем качестве и т.п.), а также ответственности. Так как современная система права не предусматривает аналогичных норм, то видится наиболее целесообразным разработать новый нормативно-правовой акт в форме федерального закона, регулирующий вопросы, связанные с соответствующими специалистами. Наиболее эффективным видится создание саморегулируемых организаций.

Однако потенциал рассматриваемой технологии гораздо шире. Она может применяться и во внедоговорных правоотношения, более того, даже в иных отраслях права. В рамках гражданского права смарт-контракты могут использоваться и в корпоративных отношениях. В частности, данная технология позволяет автоматизировать процессы взаимодействия. Наиболее очевидным примером выступает автоматическая выплата дивидендов по акции, что позволит улучшить защищённость акционеров.

Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» не устанавливает требований к использованию технологий для выплаты дивидендов. Используя технологию смарт-контрактов, можно оптимизировать данный процесс, не вступая в конфликт с действующим регулированием. Так, на основании решения общего собрания акционеров о выплате дивидендов может быть подключена программа, написанная на основе технологии смарт-контрактов, которая в автоматическом режиме рассчитает средства, причитающиеся каждому держателю акций, и осуществит перевод денежных средств. Однако такая модель не создаёт ничего действительно нового.

Менее очевидным применением технологии в корпоративных отношениях выступает использование программы в рамках голосования по акциям. Так, технология смарт-контрактов может быть использована для заочного голосования по акциям и автоматического исполнения соответствующего решения. В соответствии с п. 2 ст. 50 заочное голосование, без совместного присутствия акционеров для обсуждения вопросов повестки дня и принятия решений по вопросам, поставленным на голосование, не может проводиться только в случаях, когда в повестку включены вопросы об избрании совета директоров (наблюдательного совета) общества, ревизионной комиссии общества, утверждении аудитора общества и утверждение годового отчета, годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности общества, если уставом общества решение этих вопросов не отнесено к компетенции совета директоров (наблюдательного совета) общества. Вопрос о выплате дивидендов в данном перечне отсутствует, следовательно, он может быть поставлен, возможность применения в отношении

других вопросов видится сомнительной на данном этапе развития технологий. А в соответствии с абз. 3 п. 1 ст. 60 к голосованию бюллетенями приравнивается получение регистратором общества сообщений о волеизъявлении лиц, которые имеют право на участие в общем собрании акционеров. В рамках блокчейна обеспечивается достоверность такого сообщения, позволяющая не использовать бюллетень. Таким образом, акционеры смогут дистанционно голосовать, а программа (смарт-контракт) подведёт итоги голосования и на их основе исполнит его в автоматическом режиме. Такая модель способна значительно снизить издержки на проведения общих собраний и выплату дивидендов.

В данном случае программа, работающая на основе технологии смарт-контракта, выполняет промежуточные действия вместо людей, а использование технологии улучшает защищённость субъектов правоотношений.

С юридической стороны данная компьютерная программа выступает способом учёта и подсчёта голосов и составления протокола об итогах голосования. В свою очередь, протокол рассматривается в качестве юридического факта, создающего обязанность для общества исполнить решение общего собрания акционеров. А так как решение априори является направленным волевым действием, то программу стоит рассматривать в качестве юридического акта. В силу того, что решение о выплате дивидендов относится к отрасли гражданского права, его надлежит квалифицировать как одностороннюю сделку. Аналогичным образом технология смарт-контрактов может быть реализована и в иных коммерческих корпоративных организациях.

В рамках обозначенной модели не возникает проблем с признанием такой сделки недействительной. Так как применение технологии смарт-контракта позволит минимизировать временные затраты на выплату дивидендов, к моменту обжалования денежные средства уже будут переведены. А в судебной практике уже давно решён вопрос о последствиях признания такого решения недействительным. Дивиденды, выплаченные на основании недействительного

решения общего собрания акционеров, являются неосновательным обогащением акционеров и подлежат возврату[252].

Таким образом, специфика корпоративных отношений позволяет внедрить технологию смарт-контрактов, как и многие другие, без поправок в централизованном регулирование за счёт диспозитивного метода и локального нормотворчества. На данном этапе изменения законодательства видятся целесообразными для оказания влияния на правовую культуру и стимулирования цифровизации корпоративных процессов посредством рекомендательных норм. Однако в данном случае законодатель не внёс даже небольших правок для достижения соответствующего эффекта. Это можно объяснить тем, что традиционно отношения внутри корпорации регулируются прежде всего локальными нормами, а централизованное регулирование используется для защиты публичных интересов. Более того, в рамках корпорации или сообщества формируется самостоятельный пласт правовой культуры.

Помимо применения смарт-контрактов в рамках гражданского права, они могут использоваться и в иных общественных отношениях, регулируемых диспозитивным методом, например трудовые правоотношения. А. В. Кардонов отмечает: «В этой сфере смарт-контракты вполне могут использоваться как элементы организации деятельности, как организаций, так и персоналий»[253]. Многие производственные процессы стандартизированы и повторяются при каждом производственном цикле. Не составляет труда выявить и формализовать ключевые этапы такого производственного процесса в целях дальнейшей автоматизации перехода между этапами производства. Подобные системы уже существуют, но не используют технологию смарт-контрактов. Данный способ применения технологии смарт-контрактов не требует внесения изменений в централизованное правовое регулирование, так как данные отношения регулируются на локальном уровне. Однако не совсем ясно, какие преимущества

---

[252] Постановление ФАС Уральского округа от 15.01.2009 N Ф09-10112/08-С4 по делу N А50-4153/2008-Г21

[253] Кардонов, А. В. Сферы применения смарт-контрактов и риски при работе с ними / А. В. Кардонов // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2018. – № 1(9). – С. 44-47.

способна дать технология смарт-контрактов по сравнению с электронными системами, не использующими блокчейн в рамках производственного процесса.

Другой сферой применения технологии смарт-контрактов в рамках трудовых правоотношений выступают отношения работника и работодателя. В качестве одной из основных задач трудового права нередко указывается защита прав работника. В данном направлении смарт-контракты также имеют потенциал. Речь идёт об автоматизации расчёта и выплаты заработной платы при сдельной системе оплаты труда. Смарт-контракт позволит избежать «недоучёта» единиц выпущенной продукции. Кроме того, при использовании данной технологии минимизируется риск невыплаты начисленной заработной платы при любой системе оплаты труда.

В данных целях смарт-контракт может быть встроен в трудовой договор по аналогии применения смарт-контрактов в гражданско-правовых договорах. Смарт-контракт способен отслеживать график рабочего времени, количество произведённой продукции, дисциплинарные взыскания и многое другое. Но для это требуется значительная цифровизация всех производственных процессов. На основании занесённых в электронную систему данных о фактических действиях смарт-контракт рассчитывает и выплачивает заработную плату. Подобная модель позволяет защитить интересы работника в части гарантии того, что заработная плата будет полностью начислена и выплачена, а также и интересы работодателя в части переплат. Обратим внимание, что здесь речь идёт об использовании технологии смарт-контрактов в рамках трудовых правоотношений, а не о замене трудового договора трудовым смарт-контрактом.

Выше мы уже рассматривали возможность замены классического гражданско-правового договора смарт-контрактом и пришли к выводу, что смарт-контракт не может выступать в качестве договора. В случае трудовых договоров ситуация не меняется, так как неинформативность смарт-контракта для лиц без специальных знаний препятствует возможности рассматривать его в качестве соглашения или формы соглашения. Также отметим, что действующее

законодательство предъявляет требования к письменной форме трудового договора в ст. 67 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ).

Однако действующее трудовое законодательства не препятствует включению смарт-контракта в трудовой договор. Подключение смарт-контракта к трудовому договору происходит аналогичным образом с гражданско-правовыми – он также будет выступать способом исполнения обязательства, но на этот раз трудо-правового.

Альтернативная сфера применения смарт-контрактов – социальное партнёрство. В частности, некоторые положения коллективных договоров и соглашений, касающиеся компенсаций, оплаты труда, пособий и других финансовых вопросов, могут быть обеспечены посредством смарт-контрактов. Однако такое применение технологии смарт-контрактов в коллективных договорах и соглашениях порождает некоторые сложности. В частности, такие смарт-контракты будут затрагивать лиц, не участвующих в заключении договора или соглашения. Получателями таких денежных средств будут выступать, в том числе, работники, не задействованные в проведении коллективных переговоров и заключении коллективного договора или соглашения. Поэтому им по отдельности необходимо сделать волеизъявление на подключение соответствующего смарт-контракта на основании коллективного договора или соглашения. В противном случае повышенная надёжность исполнения обязательств не будет работать. Данная проблема может быть преодолена профсоюзной организацией, которая может выступать второй стороной, подключившей смарт-контракт.

Действующее трудовое законодательство не препятствует включению смарт-контракта в трудовой договор, коллективный договор или соглашение. Подключение смарт-контракта к трудовому договору, коллективному договору или соглашению происходит аналогичным образом с гражданско-правовыми договорами. Однако специфика российского правопонимания в области трудового права не способствует внедрению технологии смарт-контрактов, да и иных цифровых новшеств. Общественная практика складывается таким образом, что большая часть работников и работодателей воспринимает положения трудового

законодательства как императивные; таким образом, стороны трудового договора, прежде всего работодатель, стараются избегать конструкций, напрямую не указанных в ТК РФ. Использование технологии смарт-контрактов никаким образом не затрагивается действующим трудовым законодательством, что приводит к мысли о том, что до соответствующих указаний мы не увидим применения технологии в рамках трудовых правоотношений.

С учётом политики государства направленной на развитие цифровой экономики видится необходимым добавление норм, отсылающих на возможность использования новейших цифровых технологий, в трудовое законодательство, с целью стимулирования. Подобные нормы укрепят идею о законности и допустимости подобных технологических решений, тем самым окажут влияние на динамику правовой культуры. А это в свою очередь наиболее вероятно усилит гарантии защиты прав работников и увеличит долю инновационных технологий в производстве.

Таким образом, применение технологии смарт-контрактов в отраслях, использующих диспозитивный метод правового регулирования, имеет огромный потенциал. Кроме того, цифровизация позволяет более гибко адаптировать правоотношения под нужды субъектов экономической деятельности. Это достигается путём увеличения удельного веса использования диспозитивного метода. В связи с чем некоторые исследователи отмечают необходимость приоритетного развития гражданского законодательства[254].

Наибольшее развитие стоит ожидать в части использования смарт-контрактах для исполнения договорных обязательств. При этом потенциал технологии смарт-контрактов в отраслях частного права не исчерпывается договорными конструкциями; также данная технология может использоваться субъектом для автоматизации собственных действий, например, автоматического заключения и исполнения договора. Действующее регулирование не препятствует реализации рассмотренных выше моделей, однако для их более эффективного

[254] Пашенцев, Д. А. Модели правотворческой деятельности в условиях цифровизации27 / Д. А. Пашенцев // Образование и право. – 2021. – № 9. – С. 72-75.

применения технологии видится необходимым внести в законодательство соответствующие изменения, прежде всего в целях изменения правовой культуры.

Э. Л. Сидоренко характеризует современный этап развития законодательства следующем образом: «Фактически формируется пласт аксиологических и эвристических задач через выбор стратегии развития права: стимулирования развития цифровой экономики (стратегия поступательного развития) или минимизации рисков ее использования (стратегия безопасности).»[255]. С нашей стороны отметим, что законодатель излишне осторожен, когда дело касается диспозитивного метода. С учётом политики, обозначенной в программных документах, для развития цифровой экономики прежде всего требуется стимулировать субъектов хозяйственной деятельности, что невозможно исключительно экономическими методами. Также необходимо оказать влияние на цифровую культуру. Однако законодатель не учитывает все возможности новейших цифровых технологий. Вероятно, такое положение дел связанно с инерцией правовой традиции. Однако изменения стоит оценить скорее позитивно, так как они способствуют цифровизации российского общества и экономики, позволяя последней выдерживать конкуренцию с другими развитыми государствами. Но законодательные новеллы до конца не разрешили застарелых юридических проблем. Также они в полной мере не справляются с вызовами, которые бросают новейшие цифровые технологии праву из-за отставания в методологии нормообразования и регулирования в современной социально-цифровой реальности[256]. Но наметилась и тенденция к решению данных проблем: например, проявляемая тенденция в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. №258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

Подводя итог можно отметить, что законодательство, регулирующее использование цифровых технологий, всегда несколько отставало от реально

---

[255] Сидоренко, Э. Л. Адаптивные возможности российского права в условиях цифровой трансформации / Э. Л. Сидоренко // Государственная служба. – 2020. – Т. 22, № 2(124). – С. 61.
[256] Ладенков, Н. Е. Влияние технологических революций на право / Н. Е. Ладенков // Философия права. – 2022. – № 1(100). – С. 48.

складывающихся практик. В России на законодательном уровне обратили внимание на проблему правового регулирования сети Интернет только в 90-е годы, а специализированное законодательство стало появляться только в середине 2000-х годов, когда соответствующие технологии укоренились в обществе и экономике. Наиболее бурный рост нормативного материала пришёлся на начало 2010-х годов. По всей видимости это связано с повсеместным распространением Интернета и шириной охвата пользователей.

Современный четвёртый этап развития отечественного законодательства, связанного с регулированием цифрового (Интернет) пространства связан, прежде всего, с внедрением в правовое поле новейших цифровых технологий, включая блокчейн, нейросети и искусственный интеллект. На данный момент законодательством учитываются не все возможности данных технологий.

3.2 Потенциал правового эксперимента как метода правотворчества в рамках цифровизации[257]

Цифровизация современного общества затрагивает все сферы. Ей подвержен не только частный сектор, но и публичный. Однако отрасли публичного права очень неохотно принимают технические инструменты, что и не удивительно: императивный метод правового регулирования не позволяет адаптировать новшества с той же простотой, как и в отраслях частного права. Кроме того, отрасли публичного права, как правило, регулируют наиболее важные сферы общественной жизни, затрагивая права и свободы множества лиц. Отсюда никакие ошибки и провалы в защите недопустимы при внедрении новых технологий в регулируемые отношения.

Решением данной проблемы видится прежде всего в совершенствовании правотворческой техники (части юридической техники). Прежде всего такое совершенствование должно быть направленно на правовое прогнозирование. Под правовым (юридическим) прогнозированием понимается «научно-практическая деятельность, направленная на выявление тенденций развития сферы правового регулирования и возможных вариантов правовых решений и действий»[258]. В

---

[257] При написании данного параграфа были использованы материалы из следующих работ автора: Ладенков, Н. Е. Преобразование правовой системы под влиянием цифровизации: постановка проблемы / Н. Е. Ладенков // Смирновские чтения – 2020. Ключевые вызовы наступившего десятилетия : Материалы XIX международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 19 марта 2020 года / Международный банковский институт имени Анатолия Собчака. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2020. – С. 19-25.; Ладенков, Н. Е. "Смарт-закон" как технология правоприменения / Н. Е. Ладенков // Наступившее будущее: новые форматы, смыслы и сущности образования : Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 октября 2021 года / МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ АНАТОЛИЯ СОБЧАКА. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2021. – С. 63-72.; 177. Ладенков Н.Е. Цифровая подсистема права: зарождение и проявление / Н. Е. Ладенков // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 9. С. 8-12.; Ладенков, Н. Е. Историко-теоретические аспекты регулирования защиты персональных данных / Н. Е. Ладенков // Цифровые технологии и право : Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 20 сентября 2024 года. – Казань: Издательство "Познание", 2024. – С. 26-30.

[258] Зайцева, Е. С. Юридическое прогнозирование как средство установления пределов правового регулирования / Е. С. Зайцева // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – Т. 27, № 3(82). – С. 222.

первую очередь прогнозированию способствует правовой мониторинг, который, к сожалению, не всегда способен предоставить необходимый массив данных для построения прогноза. Таким образом, для решения прикладных задач правотворчества наиболее действенным выглядит правовой эксперимент, способный восполнить недостаток эмпирических данных путём апробации предполагаемых изменений законодательства. А. Г. Репьев определяет правовой эксперимент следующим образом: «Правовой эксперимент — это специальная модель временного правового регулирования, реализуемая посредством экспериментальной правовой нормы, предусматривающей пробное установление изъятий и (или) дополнений к общему властному велению, и направленная на повышение эффективности воздействия на общественные отношения»[259]. Подчеркнём, что для построения прогноза могут использоваться и другие методы (например, метод экспертных оценок), отличающиеся для разных ситуаций. Однако именно правовой эксперимент видится наиболее действенным методом в рамках цифровизации, так как на данный момент набрано ещё недостаточно данных о влиянии рассматриваемых технологий на общественные отношения. Как следствие прогнозирование на основе уже выявленных закономерностей страдает от значительных погрешностей. М. Е. Черемисинова отмечает, что в цифровой среде правовой эксперимент позволяет не только апробировать те или иные законодательные положения, но и определить какие отношения подконтрольны им без утраты полезных свойств сети[260].

Современные технические возможности по передачи информации, с одной стороны, предоставили беспрецедентные возможности для свободы распространения информации, а с другой — создали угрозы нарушения прав человека по защите охраняемой законном тайны. Необходимо учитывать, что защита от подобных нарушений зачастую становиться невозможной ввиду

---

[259] Репьев, А. Г. Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы / А. Г. Репьев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1(97). – С. 47.

[260] Черемисинова, М. Е. Реализация законных интересов в сети Интернет / М. Е. Черемисинова // Журнал российского права. – 2018. – № 9(261). – С. 130.

сетевого характера распространения информации. Прежде всего речь идёт об информации личного характера, отразившаяся в законе в понятии персональные данные.

Исторические предпосылки регулирования защиты персональных данных можно найти уже в XIX веке. Тогда сформировалась теоретическая категория частной жизни лица и, как следствие, права на её защиту, прежде всего от бизнес-структур, стремительно развившихся в то время. Соответствующая категория нашла отражение и в правоприменительной практике, а ко второй половине XX века американские суды вывели концепцию защиты частной жизни лица из первых пяти поправок к конституции.

Проблема защиты именно персональных данных появилась в начале использования персональных компьютеров в государственных структурах и крупном бизнесе в 1960-70-е годы. К 1981 году проблема обострилась. Появляется Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, принятая Советом Европы. Эта конвенция закрепляла право на защиту частной жизни лица через рамочные правила обработки любых сведений о физическом лице. А на основании данного международного акта в последствии начали развиваться и национальные правовые акты.

Существовали и более ранние акты, затрагивающие защиту персональных данных. Хронологически первым внутригосударственным актом является региональный закон в Германии: Земля Гессен в 1970 году приняла соответствующий закон. А на национальном уровне регулирования пионером стала Швеция[261]. Это государство разработало и приняло закон, который реформировал сбор и обработку данных о физических лицах. Действие закона распространялось как на государственные органы, так и на частных лиц.

В российском правовом пространстве в качестве образца для разработки соответствующего регулирования была выбрана описанная выше европейская

[261] Чехарина, В. И. О конституционализации права на защиту персональных данных: из зарубежного опыта / В. И. Чехарина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 3-2(42). – С. 224.

конвенция. Был принят закон, ныне утративший силу: Федеральный закон от 20.02.1995 №24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации». А затем и до сих пор действующий Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»[262].

Начнем с понятия о персональных данных. В соответствии с Законом от 1995 года под информацией о гражданах (персональными данными) понимались сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность. Таким образом, используемое определение считает персональными данными любые сведения, как-либо связанные с физическим лицом. Федеральный закон № 152-ФЗ также продолжает эту традицию, закрепляя в качестве персональных данных любую информации, относящейся к прямо или косвенно определенному физическому лицу.

Отметим, что определение персональных данных закреплено в Указе Президента от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера». Из указа следует, что сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленном федеральными законами случаях, являются персональными данными. Заметим, понятие, закреплённое в Указе, сформулировано более конкретно, чем в Законе, что позволяет с большей точностью конкретизировать перечень сведений.

Целью указанного выше Закона № 152-ФЗ является защита прав и свобод, закреплённых в Конституции РФ. Однако применение широкого и уже традиционного для российского права подхода в определении понятия этому не способствует, так как невозможно защитить весь объём сведений о физическом лице.

Закрепление в законе точного перечня сведений, относящихся к персональным данным, видится невозможным ввиду разнообразия информации о

[262] Воложанин, А. А. Историческая основа Федерального закона №152-ФЗ "о персональных данных" / А. А. Воложанин, Е. В. Губанова // Научный вестник Крыма. – 2021. – № 6(35).

физическом лице. Однако использование признаков, позволяющих конкретизировать перечень персональных данных на определённый момент времени, видится наиболее целесообразным. Они позволят вывести межотраслевую дефиницию, о необходимости которой говорили ещё в начале века[263].

С. И. Гутник предлагает следующие признаки персональных данных:

1. Возможность провести юридически значимую идентификацию лица;

2. Распространение данных сведений способно нарушить права и причинить вред законным интересам;

3. Конфиденциальность сведений[264].

На данный момент с точки зрения теории права для более точной дефиниции следует обратиться к отраслевому законодательству. С точки зрения гражданского законодательства исследуемое понятие является личным неимущественным правом и разделяется на несколько видов:

1) Личные неимущественные права, направленные на индивидуализацию личности;

2) Личные неимущественные права, направленные на обеспечение физической неприкосновенности личности;

3) Личные неимущественные права, направленные на неприкосновенность внутреннего мира личности и ее интересов[265].

Исходя из данного в законодательстве широкого определения персональных данных к ним можно отнести первую и третью категорию. Первая категория должна защищаться прежде всего в контексте правовой определённости контрагента, что едва ли можно рассматривать в контексте вопроса о защите персональных данных, так как они направлены на индивидуализацию субъекта.

---

[263] Просветова, О. Б. Защита персональных данных: автореф. дис. … канд. юрид. наук / О. Б. Просветова. – Воронеж, 2005. – С. 7.

[264] Гутник, С. И. Уголовно-правовая характеристика преступных посягательств в отношении персональных данных: дис. … канд. юрид. наук / С. И. Гутник. – Красноярск. –2017. – С. 10-11.

[265] Лапшин, В. Ф. Назначение уголовного наказания компьютерной программой: правовая инновация или деградация? / В. Ф. Лапшин // Пенитенциарная наука. – 2020. – Т. 14, № 2(50). – С. 192-198.

Третья категория коррелирует с понятием частной жизни, закреплённого в ст. 152.2 ГК РФ. К частной жизни относятся сведения о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни. Данный перечень является открытым, но исходя из приведённых элементов можно сделать вывод, что к ним не относятся сведения, минимально необходимые для идентификации.

Обратим внимание, что сведения, относящиеся к первой категории, необходимы для вступления в правоотношения и не могут затрагивать права и свободы. Сведения третьей категории относятся к охраняемой законом тайне. Как следствие, правовой режим у них должен отличаться. На основании анализа Закона № 152-ФЗ можно выделить следующие правовые режимы персональных данных:

1. Общий режим;
2. Режим государственной тайны;
3. Специальный режим;
4. Режим биометрических данных;
5. Режим архивных данных;
6. Режим разрешённых для распространения данных[266].

Последний был введён поправками от 2020 года, но изменения законодательства продолжаются до сих пор. Были внесены поправки в 2022 году. Как отмечает А. Бычков, целью законодателя при внесении соответствующих поправок было обеспечить неприкосновенность частной жизни и усилить защиту персональных данных от неправомерной передачи[267]. Новая редакция закона предусматривает необходимость получения согласия на обработку персональных данных всеми без исключения операторами. Кроме того, установлены новые императивные запреты на включение отдельных положений в соглашение об

[266] Комментарий практики рассмотрения арбитражных споров (судебно-арбитражной практики) / П. Д. Багрянская, О. А. Беляева, С. А. Бурлаков [и др.] ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Том Выпуск 27. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ", 2020. – 224 с.

[267] Бычков А. Защита персональных данных: новые требования, обязанности и сроки // Юридический справочник руководителя. – 2022. – № 9. – С. 11-17.

обработки персональных данных. Можно согласиться с А. Н. Прокопенко, что внесенные изменения чрезмерны[268].

Отметим, что это общая тенденция развития законодательства о защите персональных данных. С течением времени во всех государствах всё более и более начинают охраняться сведения о лице и как следствие увеличивается документарное оформление использования подобных сведений. При этом сфера цифровых отношений с каждым годом расширяется: в неё попадают отношения, которые ранее не предполагали оцифровки и алгоритмизации сведений о физическом лице[269]. Без таких индивидуализирующих сведений становится невозможным исполнение обязанностей, возникающих в рамках соответствующих правоотношений. Особенно остро данная проблема представляется в Интернет-торговле, широко распространённой в современном мире. Т. А. Поляковой и И. С. Бойченко отмечают, что отношения по защите персональных данных имеют дуалистический характер: с одной стороны это информационные отношения, а с другой гражданско-правовые[270]. Из-за дуализма данных возникает вопрос о том, какие из них являются первичными и возможно ли соответствующее приобретение товаров без вступления в информационное отношение. Согласно А. А. Маниной, Г. Ю. Атаян и А. Т. Богатырёвой такое приобретение невозможно. При этом указанные авторы не отвечают на вопрос о первичности[271]. Зачастую собираемые сведения являются избыточными и не требуются для индивидуализации субъекта. Тем не менее, если потребитель не предоставит сведения, позволяющие его юридически идентифицировать, он не сможет получить доступ к товару или услуге.

---

[268] Прокопенко, А. Н. Борьба с утечками персональных данных - поможет Ли ужесточение ответственности? / А. Н. Прокопенко // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – Т. 15, № 2(56). – С. 48-56.

[269] Лапшин, В. Ф. Назначение уголовного наказания компьютерной программой: правовая инновация или деградация? / В. Ф. Лапшин // Пенитенциарная наука. – 2020. – Т. 14, № 2(50). – С. 193-194.

[270] Полякова, Т. А. Цифровой оборот данных - проблемы взаимодействия субъектов и оператора обработки персональных данных / Т. А. Полякова, И. С. Бойченко // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 11(203). – С. 181-184.

[271] Минина, А. А. Отдельные особенности правового режима и защиты персональных данных / А. А. Минина, Г. Ю. Атаян, А. Т. Богатырева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8(224). – С. 164-167.

Из этого следует, что предоставление соответствующих сведений является вменённой обязанностью при получении услуги или товара, а получение письменного согласия от потребителя по существу является информированием последнего об этом.

Это приводит к появлению и другой проблемы: возросшим интересом преступного сообщества к неправомерному доступу к персональным данным. Существует множество преступных схем хищения и продажи персональных и специализирующихся на них преступных групп. По достаточно скромным оценка количество потерпевших только в России исчисляется десятками миллионов[272]. Как отмечают некоторые исследователи, утечки персональных данных могут причинять гражданам не только моральный и имущественный вред, но даже физический[273]. Е. В. Хохлова отмечает, что соответствующая ситуация может стать новой глобальной проблемой человечества: от мошеннических действий до диверсий и массовых убийств или даже повлечь техногенные катастрофы[274]. Однако с нашей точки зрения риски, вызванные свободным обращением персональных данных, несколько преувеличены[275].

Таким образом, с одной стороны стоит признать, что существуют определённые риски, связанные с неправомерным доступом к персональным данным, но с другой они не могут быть нивелированы излишним регулированием. Кроме того, при действующим регулировании требования о предоставлении согласия на обработку данных носят императивный характер. При этом соответствующее регулирование не может быть проверено посредством

---

[272] Волкова, А. Ю. Персональные данные как объект уголовно-правовой охраны / А. Ю. Волкова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2023. – № 3. – С. 133.

[273] Должикова, А. Э. Криминализация невыполнения требований по защите персональных данных / А. Э. Должикова // Вестник Югорского государственного университета. – 2023. – № 3. – С. 71-78.

[274] Хохлова, Е. В. Уголовно-правовая охрана персональных данных в зарубежных странах / Е. В. Хохлова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 64-65.

[275] Ладенков, Н. Е. Историко-теоретические аспекты регулирования защиты персональных данных / Н. Е. Ладенков // Цифровые технологии и право : Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 20 сентября 2024 года. – Казань: Издательство "Познание", 2024. – С. 26-30.

экспериментального режима, так как проблемы возникают только при большом масштабе обработки данных.

Но такой режим способен принести пользу в сферах подлежащих масштабированию. Кроме того, для разработки модели правового эксперимента по внедрению новейших цифровых технологий в государственную сферу можно использовать зарубежный опыт.

Так, Кадастровая служба Швеции (Lantmäteriet) совместно со стартапом «ChromaWay», консалтинговой фирмой «Kairos Future» и мобильным провайдером «Telia» в 2016 г. приступили к разработке системы регистрации перехода прав собственности на недвижимость с помощью технологии смарт-контрактов. Эта система сводит к минимуму риски ошибок, связанных с ручным вводом данных, и повышает надежность исполнения договорных обязательств. В апреле 2018 г. был успешно завершён третий этап тестирования платформы и эксперимент был признан удачным. Изложенный пример показывает адекватность применения технологии в регистрационном деле. Отдельно отметим, что существует аналогичный опыт в США, но более направленный на частные правоотношения. Соответствующие технологические и правовые решения позволяют уменьшить количество ошибок при регистрации объектов, повысить прозрачность и оптимизировать процесс регистрации. Кроме того, использование смарт-контрактов практически исключает возможности коррупционных схем[276].

Однако для полноценного применения соответствующих технологических решений в регистрационном деле, также необходимы императивные требования использования смарт-контрактов в гражданских правоотношениях. На данный момент существует ряд требований к форме договора, необходимости его регистрации или заверения для заключения. Дополнение или замена данных

[276] Ладенков, Н. Е. "Смарт-закон" как технология правоприменения / Н. Е. Ладенков // Наступившее будущее: новые форматы, смыслы и сущности образования : Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 октября 2021 года / МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ АНАТОЛИЯ СОБЧАКА. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2021. – С. 63-72.

требований использованием технологии смарт-контракта для автоматизации регистрации перехода прав в государственном реестре видится не выходящим за рамки принципов гражданского права. При этом такие изменения законодательства должны затронуть множество нормативно-правовых актов, систематизировать их и быть подкрепленными содержанием реестра в блокчейне.

Таким образом, видится излишне рискованным сразу же вносить соответствующие изменения в законодательство. Наиболее целесообразным представляется проверка посредством экспериментального правового режима на определённой территории или по ограниченному кругу субъектов. Это позволит избежать массовых искажений реестров.

Смарт-контракты могут помочь в борьбе с коррупцией не только в регистрационном деле, но и в иных сферах. Н. В. Мамитова отмечает, что, говоря о коррупции, стоит рассмотреть одну из самых уязвимых сфер – сферу государственных закупок[277]. Смарт-контракты позволяют исключить коррупционные схемы, связанные с фальсификацией данных, затягиванием процесса и изменением цены сделки. Также отметим, что прозрачность платформы блокчейн не позволит тайно от остальных участников реестра внести изменения, так как потенциальным коррупционерам придётся подключать дополнительный смарт-контракт, что будет отраженно в реестре.

Ещё более амбициозным видится привязка оплаты к реальному выполнению работ в надлежащем качестве, однако такая реализация технологий потребует существенных финансовых издержек. Также отметим, что смарт-контракты и соответствующее правовое регулирование в своей совокупности позволят связать оплату с реальным выполнением работ надлежащего качества.

Интеграция технологии смарт-контрактов в сферу государственных закупок возможна по принципам интеграции в гражданско-правовые договоры. В таком ключе смарт-контракт будет выступать в качестве способа исполнения

[277] Мамитова, Н. В. Использование инструментов цифровой экономики в контексте минимизации коррупционных рисков и формирования антикоррупционного сознания / Н. В. Мамитова, Д. Р. Ахматова // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2018. – № 5(101). – С. 3-10.

государственного или муниципального контракта. Но для этого потребуются изменения в действующее законодательство о государственных закупках, прежде всего в Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Необходимо императивное требование включения такого способа исполнения в договорную конструкцию. Но как указывалось выше риски сопряжённые со столь существенным изменением централизованных императивных норм крайне значительны. В данном случае также стоит прибегнуть к экспериментальному правовому режиму ограничив сферу применения отдельными разновидностями государственных или муниципальных закупок.

Кроме того, технология смарт-контрактов может использоваться для определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей). В целях борьбы с коррупцией и обеспечения эффективного расходования бюджетных средств при осуществлении закупок используются конкурентные способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей). Конкурентными способами определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) являются конкурсы (открытый конкурс, конкурс с ограниченным участием, двухэтапный конкурс, закрытый конкурс, закрытый конкурс с ограниченным участием, закрытый двухэтапный конкурс), аукционы (электронный аукцион, закрытый аукцион), запрос котировок, запрос предложений. Так, смарт-контракт сможет определить наиболее выгодное предложение по заранее установленному алгоритму и акцептировать его. Таким образом, могут быть минимизированы риски «откатов» и искусственного снижения конкуренции путём постоянного изменения требований.

Также стоит отметить, что в соответствии с действующим законодательством ведётся реестр договоров, заключенных заказчиками. При переводе базы данных в блокчейн появится возможность использования «смарт-законов», рассмотренных выше. Данное технологическое решение, при наличии соответствующего правового регулирования, позволит дополнительно снизить коррупционные риски.

Таким образом, в сфере государственных закупок, как и регистрационном деле, уже имеется организационная инфраструктура для проведения правового эксперимента по внедрению цифровых технологий. Отдельно отметим, что помимо использования технологий смарт-контрактов в данных сферах, возможно использование и иных технологий, например нейросетей. Однако конкретные технологические решения в мире уже выработаны именно для смарт-контрактов. Несмотря на то, что у нейросетевых технологий имеется большой потенциал, они не смогут выдержать такой же уровень объективности (исходя из современных представлений об ограничениях технологий). Следовательно, видится наиболее целесообразным проведения эксперимента именно с технологией смарт-контракта.

Однако наиболее очевидным вариантом использования смарт-контрактов выступают выборы. Соответствующую идею уже давно обсуждают в различных кругах. С одной стороны, у онлайн-голосования есть неоспоримый плюс в виде удобства для пользователей компьютеров. С другой стороны — есть опасения фальсификации результатов, технических неполадок и нарушения прав избирателей. Соответствующие риски практически нивелируются при использовании технологии блокчейна.

А. С. Осмоловская отмечает, что, при использовании смарт-контрактов, процесс голосования обеспечивается защитой данных от подмен. Данные, помещённые в блокчейн, шифруются, копируются между узлами сети и анонимизируются. В таком случае исключается возможность фальсификации волеизъявления избирателей[278].

По окончанию голосования смарт-контракт автоматически подсчитывает голоса и определяет победителя. Таким образом, смарт-контракт будет полностью сопровождать проведение выборов - от записи и сортировки голосов до подведения итогов. При этом такая процедура будет максимально прозрачна, так как позволит в реальном времени отслеживать количество голосов, отданных за того или иного кандидата, что соответствует принципу гласности. При этом блокчейн

[278] Осмоловская, А. С. Смарт-контракты: функции и применение / А. С. Осмоловская // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2018. – № 2(10). – С. 54-56.

технологически позволяет анонимизировать каждый конкретный голос, что соответствует принципу тайны голосования. Таким образом, в отношении выборов одновременно могут быть обеспечены прозрачность, защищённость, экономия и удобство для избирателей.

Отдельно отметим, что государственная власть при такой системе будет полностью исключена из проведения процедуры выборов, что может повысить легитимность результатов. Конечно, смарт-контракт, проводящий процедуру выборов, будет устроен значительно сложней, чем коммерческие смарт-контракты ввиду его глобальности и значимости для общества и государства. Однако их правовой статус будет сродни смарт-контрактам в рамках голосования по акциям, с поправкой на публично-правовую специфику. С юридической стороны они будут выступать способами учёта и подсчёта голосов, составления протокола об итогах голосования и решения о результатах выборов.

В отличие от отраслей частного права, в данной ситуации не удастся просто адаптироваться к действующему регулированию — потребуются системные изменения избирательного законодательства. При этом вся надёжность технологии может быть сведена на нет при «неудачной» формулировке норм и отсутствии полного понимания технологии у законодателя.

В целях соответствующей модернизации законодательства уже был проведён правовой эксперимент в Москве на основании Федерального закона от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» и Закона г. Москвы от 22 мая 2019 г. N 18 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва».

Данный эксперимент был проведён с использованием технологии блокчейна, благодаря чему специальная программа обеспечила тайну голосования избирателей посредством шифрования данных. В соответствии с Законом не допускается возможность взаимоувязки персональных данных избирателя и

результата его волеизъявления в целях последующей идентификации избирателя. В рамках данного правового эксперимента были опробованы основные идеи использования блокчейна и смарт-контрактов в рамках голосования. Помимо применения технологии для волеизъявления избирателей, она была применена и для установления итогов голосования. В соответствии с п. 1 ст. 9 участковая комиссия оформляет свое решение об итогах голосования протоколом об итогах дистанционного электронного голосования, который формируется программно-аппаратным комплексом дистанционного электронного голосования. Нельзя сказать, что «часть голосования» была перенесена в электронную среду. Так, в соответствии с п. 9 ст. 8 Закона зашифрованная информация о волеизъявлении избирателя, осуществленном в подсистеме «Личный кабинет» Портала, после принятия голоса избирателя распечатывается на бумажном носителе по форме, установленной Городской комиссией, и отображается в электронном виде на панели отображения программно-аппаратного комплекса дистанционного электронного голосования. Таким образом, волеизъявление избирателя дублируется на бумажном и электронном носителе. Эксперимент был признан удачным, использованные технологические и правовые решения планировалось проверить на федеральном уровне на выборах в Государственную Думу РФ в 2021 году на территории 7 субъектов федерации. В этих целях были приняты соответствующие изменения законодательства, Постановление ЦИК России от 20.07.2021 N 26/225-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года».

В соответствии с данным Постановлением при проведении дистанционного электронного голосования анонимизированные результаты волеизъявления участников ДЭГ по мере их формирования незамедлительно зашифровываются и сохраняются в зашифрованном виде в цепочке блоков информации в распределённой базе данных ПТК ДЭГ. Шифрование результатов волеизъявления участников ДЭГ производится с использованием ключа зашифрования, загруженного в ПТК ДЭГ. Расшифрование результатов волеизъявления участников ДЭГ с использованием ключа зашифрования невозможно. После завершения

голосования расшифрование результатов волеизъявления участников ДЭГ производится на ПТК ДЭГ с использованием ключа расшифрования.

Однако применение технологии блокчейна в голосовании было реализовано не полностью. Как указывалось выше, через смарт-контракт возможно в значительной степени лишь автоматизировать процесс.

Второй этап эксперимента также был признан удачным, в связи с чем было принято Постановление ЦИК России от 08.06.2022 N 86/716-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем» устанавливающие базовые правила проведения дистанционного электронного голосования. Тем не менее нельзя сказать, что эксперимент полностью был завершён так, как в соответствии с Постановлением Центральной избирательной комиссии РФ от 20 декабря 2023 г. N 143/1099-8 «О дистанционном электронном голосовании на выборах Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года» дистанционное голосование было применено на территории только 28 субъектов российской федерации.

Можно отметить изначальную локализацию данного эксперимента с последующим масштабированием. Отчасти это связано с организационными возможностями, в частности с наличием соответствующего оборудования. На наш взгляд, основным фактором локализации выступили потенциальные риски искажения волеизъявления избирателей.

В настоящее время государственные структуры осознали потенциал правового эксперимента и активно расширяет сферы его применения. Так Центральный банк Российской Федерации (далее — ЦБ РФ) с 2018 года начал тестировать инновационные финансовые цифровые технологии. Для этого была создана регулятивная песочница, названная «экспериментальная ограниченная территория». Суть данного правого эксперимента сводится к тому, что после одобрения заявки субъекты финансовой деятельности могут применять одобренные, но не предусмотренные действующем законодательством, технологии без риска привлечения к ответственности. А в 2023 году в России также был введён

цифровой рубль. На основании этого ЦБ РФ запустил тестовый режим использования цифровой валюты, что, строго говоря, можно рассматривать как правовой эксперимент в формате регулятивной песочницы. Такой формат позволяет локализовать правовой эксперимент. Широкомасштабное применение цифрового рубля планируется не ранее 2026 года. На данном этапе в расчётных операциях его используют лишь 15 банков, присоединившихся к программе.

Более масштабно выглядит деятельность Минэкономразвития России. 28 января 2021 года вступил в силу разработанный им Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Данный закон предусматривает разработку 17 подзаконных актов (11 актов Правительства и 6 приказов Минэкономразвития). В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 1618 «О внесении изменения в пункт 1 Положения о Министерстве экономического развития Российской Федерации» Минэкономразвития России определено уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по нормативному правовому регулированию и полномочия, предусмотренные Федеральным законом «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», по вопросам экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, за исключением направления разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, предусмотренного пунктом 4 части 2 статьи 1 указанного Федерального закона.

На основании данных нормативно-правовых актов допускается частично исключать централизованное правовое регулирование из определённого поля, за исключением изъятий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод граждан, нарушения единства экономического пространства на территории Российской Федерации или иного умаления гарантий защиты прав граждан и юридических лиц. Для этого юридическое лицо или индивидуальный предприниматель направляет заявку на присоединение к экспериментальному

правовому режиму или разрабатывает проект программы эксперимента с обоснованием необходимости выхода за пределы централизованных норм.

В настоящее время в общем доступе на сайте Министерства экономического развития Российской Федерации находится «реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций», в котором указывается релевантная информация для мониторинга проведения эксперимента. В соответствии с указанным выше Федеральным законом правовой эксперимент будет проводиться в рамках одного или группы субъектов предпринимательской деятельности. Следовательно, данные режимы также стоит рассматривать как регулятивные песочницы.

В случае соответствия всем требованиям и получения положительного заключения со стороны государства в пределах организации принимается решение об установлении экспериментального правового режима. Утверждение программы экспериментального правового режима принимается Правительством Российской Федерации. Далее определяются: положения (требования, предписания, запреты, ограничения) отдельных актов общего регулирования, которые не подлежат применению, а также положения, соблюдение которых является обязательным в соответствии с программой экспериментального правового режима, если такие положения не предусмотрены актами общего регулирования или отличаются от них.

В конце действия экспериментального правового режима на основании собранных сведений принимается решение о выдачи рекомендации по изменению централизованного регулирования и прекращения или установления переходного периода для соответствующей регулятивной песочницы.

В соответствии с реестром экспериментальных правовых режимов на июль 2025 года было введено 18 таких режимов[279]. Преимущественно они направлены на

[279] Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/. (дата обращения: 31.08.2025).

апробацию технологий по автоматизации транспортных средств (беспилотные технологии), 2 проводятся в медицинской сфере (при это один из них был прекращён) и лишь 1 в сфере оказания государственных и муниципальных услуг (выдача разрешений).

Подводя итог, можно отметить, что перед широкомасштабным использованием новейших цифровых технологии в общественной практике стоит множество экономических, технологических и правовых барьеров. Говоря о последних, важно отметить, что в отраслях частного права проблема не является столь актуальной. Доминирование диспозитивного метода регулирования позволяет адаптировать действующие нормы под нужды субъектов правоотношений. Кроме того, принятые поправки к ГК РФ заложили определённый базис для соответствующих правоотношений. Однако не стоит забывать о влиянии права на общественное сознание. В целях расширения цифрового оборота требуются также популяризация соответствующих технологий в нормативно-правовых актах путём включения в них специализированных норм. Данные нормы позволят более широкому кругу субъектов применять технологии, не опасаясь рисков нарушения законодательства.

Также отметим, что модернизация баз данных требует законодательных изменений, в том числе гражданского законодательства, в части предъявления требований к формам сделок и использованию технологий. Однако видится недопустимым переложение бремени финансирования соответствующих систем на плечи граждан и юридических лиц. Таким образом, потребуется создание дополнительной государственной цифровой инфраструктуры, использующей прежде всего блокчейн-технологии.

Отрасли публичного права тоже требуют создания данной инфраструктуры и системных изменений законодательства, затрагивающих акты различных уровней и отраслей. Таким образом, правовые барьеры для широкомасштабного использования цифровых технологий в отраслях частного права скорее иллюзорны и связаны с экономическими, технологическими и «психологическими» барьерами.

Дополнительные изменения законодательства позволят ускорить преодоление последних барьеров, однако не являются необходимыми.

Масштабное преодоление барьеров правового регулирования в отраслях публичного права видится невозможным в краткосрочной перспективе и маловероятным в среднесрочной. Их преодоление видится актуальным только при наличии соответствующей материальной базы, требующей огромных финансовых затрат, а также научных исследований правого регулирования данного вопроса, которые на данном этапе недостаточно развиты и в отношении которых отсутствуют предпосылки для их появления. Скачок научных разработок может произойти при использовании правовых экспериментов в регулятивных песочницах.

Российскому законодателю известен соответствующий метод. Но до недавнего времени правовой эксперимент проводился преимущественно в формате ex post facto (после свершившегося). Строго говоря, для правового прогнозирования вводились изменения в централизованное регулирование, заявленное как экспериментальное, а при выявлении его недостатков вносились поправки. Однако данная тенденция изменилась при проведении локального правового эксперимента, то есть в ограниченном (территорией, организацией и т.п.) правовом поле. Это уже частично позволяет избежать «правового хаоса» и других проблем регулирования при стихийном правотворчестве. Тем не менее на данный момент отсутствует законодательно закреплённая методология проведения правового эксперимента.

С. С. Бочкова выделяет 4 фактора, которые влияют на эффективность экспериментального правотворческого процесса: «отсутствие четких критериев оценки эффективности правового эксперимента; влияние в проводимом эксперименте именно экспериментального фактора; уникальность и нестандартность каждого правового эксперимента; влияние политических факторов на принятие решения о проведении правовых экспериментов и подведение их итогов в ущерб тщательной научной проработке соответствующих

вопросов»[280]. Отметим также позицию М. Г. Смирновой: требуются чёткие критерии для определения сфер, в которых должен проводится социально-правовой эксперимент[281].

Ввиду значимости общественных отношений, выступающих объектом правового эксперимента, наиболее целесообразным видится выделение критериев допустимости и оценки с помощью универсального регулятора – права. Для этого требуется разработать и принять соответствующий федеральный закон, которые закрепит базовые нормы для правового эксперимента. На данный же момент для каждого эксперимента принимается отдельный комплект нормативно-правовых актов, не связанных единым источником, что создаёт дополнительные риски нарушения прав граждан и организаций, а также нарушений публичного порядка.

Тем не менее данные риски уменьшаются при применении регулятивных песочниц, именуемых в последних отечественных нормативно-правовых актов в качестве экспериментальных правовых режимов. Таким образом, подобный формат правового эксперимента можно назвать локальным.

В качестве наиболее существенного недостатка локального правового эксперимента выделим то, что он не применим в сферах, не подлежащих масштабированию, а собранные данные не выполняют прогностическую функцию. Например, случай с персональными данными. При изъятии из-под действия централизованного регулирования небольшой части субъектов обработки персональных данных мы не увидим прогнозируемый эффект при экстраполяции эксперимента. Также локальность эксперимента не функционирует в рамках обязывающе-запретительного типа правового регулирования (возложение обязанностей и установление запретов). Наибольший эффект достигается при дозволительном (управомачивающем) типе. Повсеместное правомерное поведение невозможно обеспечить простым указанием закона — для этого требуются

---

[280] Бочкова, С. С. Экспериментальный правовой режим как механизм внедрения цифровых инноваций в предпринимательскую деятельность / С. С. Бочкова // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – Т. 14, № 5. – С. 150-151.

[281] Смирнова, М. Г. Социальные притязания как основа правового эксперимента / М. Г. Смирнова // Юридическая техника. – 2025. – № 19. – С. 243.

фундаментальные изменения правовой культуры общества. Локальный правовой эксперимент попросту не обеспечит достаточную статистическую выборку адекватно учитывающие существующие в обществе правовые девиации.

Положительными сторонами обращения к правовому локальному эксперименту являются:

- Снижение угрозы нарушения прав и свобод большого количества как физических, так и юридических лиц;
- Доступность анализа вариантов регулирования в реальном времени;
- Учет экономических потребностей;
- Возможность работы с малым бизнесом;
- Анализ соответствия ресурсной базы конкретных предприятий и его возможного регулирования;
- Точечный надзор за введением инноваций, имеющих риски.

Таким образом, для унификации и преодоления части проблем правового эксперимента требуется принять единое федеральное законодательства закрепляющее случаи допустимости и основные правила проведения правого эксперимента (учитывать масштабирование и локальность).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие заключительные выводы в соответствии с поставленными задачами.

1. Обосновано влияние цифровых технологий на правовую систему.

Во второй половине XX века наступила третья промышленная революция, также называемая научно-технической революцией. Она в значительной степени модернизировала производство и создала новую среду для взаимодействия субъектов правоотношений. В этой среде классические инструменты механизма правового регулирования показали низкую эффективность. Однако было бы ошибочным считать, что происходящие в праве изменения целиком вызваны цифровизацией. Динамика права определяется и другими процессами, такими как глобализация, межгосударственная интеграция и другие.

В рамках цифровизации для динамики права выделены наиболее значимые правоотношения:

1. С участием нетипичных субъектов — искусственный интеллект, виртуальные и цифровые личности;
2. Правоотношения, складывающиеся по поводу нетипичных объектов, существующих исключительно или в значительной степени в цифровой среде;
3. Протекающие в цифровой среде, основанной на новейших цифровых технологиях.

Наиболее значимыми цифровыми технологиями, влияющими на право, на данном этапе развития выступают блокчейн и искусственный интеллект.

Искусственный интеллект.

Подобные технологии способны изменить представления о правосубъектности. Кроме того, они значительно влияют на формы деятельности человека. Простейшие разновидности искусственного интеллекта уже интегрировались во многие общественные отношения, связанные с финансовыми операциями и учётом имущества. Однако появляются и более сложные юниты, способные самостоятельно вступать во взаимоотношения с человеком. Это

актуализирует вопрос о соотношении субъекта и объекта правового регулирования. В сочетании с технологиями искусственного интеллекта Интернет вещей позволяет в значительной степени автоматизировать процесс управления производством, что окажет значительное влияние на отрасль трудового права. Кроме того, данные технологии уже актуализируют вопросы правосубъектности.

Блокчейн.

Данная технология выглядит наиболее перспективной для выстраивания цифровых взаимодействий. Это связано с её надёжностью и открытостью. Правила, заложенные в программный код соответствующей среды, фактически становятся основным источником регулирования. Особенности программной среды блокчейна выступают в качестве технологической основы для потенциального правового контроля за любыми цифровыми коммуникациями. В данном аспекте особое значение имеют смарт-контракты, воплощенные в блокчейн-системе Эфириум. С позиций теории права смарт-контракты представляют собой юридические факты, а именно юридические действия (юридические акты).

2. Определён регулятивный потенциал нового механизма правового регулирования в цифровой среде.

В современном мире под воздействием цифровизации субъекты начинают взаимодействовать не только в обычной реальности, но и в виртуальной, что затрагивает массовое поведение. Взаимодействия в цифровой среде значительно отличаются от обычных. Это связано с иной природой среды, которая характеризуется отсутствием личного контакта. Таким образом, субъект начинает существовать как бы в двух отдельных реальностях, что, естественно, влияет на изменение менталитета и правосознания. Зачастую субъект начинает проявлять разные модели поведения и разные системы ценностей в зависимости от среды, в которой он взаимодействует.

Такой дуализм приводит к тому, что:

- изменяется менталитет, система ценностей и мышление людей;
- усложняется контроль со стороны государства за правовыми коммуникациями, происходящими в цифровом пространстве;

- развивается негативное девиантное поведение в цифровой среде;
- появляются новые типы общественных отношений, протекающих вне правового регулирования.

У новейших цифровых технологий есть огромный регулятивный потенциал, но цифровая среда взаимодействия в значительной степени отличается от классической. Из-за этого классические методы правового воздействия не вполне адекватны в цифровой среде. Данные проблемы ведут к усложнению правовой системы, т.е. к появлению новой цифровой подсистемы, включающей в себя цифровую среду взаимодействия, а также к трансформации механизма правового регулирования. В рамках цифровой подсистемы права происходит внедрение традиционно неправовых элементов в право, прежде всего — технико-информационных и естественно-технических. Перспектива развития цифровой подсистемы заключается не просто в адаптации действующих источников права под новые цифровые реалии, а в появлении новых форм правовой коммуникации — более экономных и быстрых способов возникновения, изменения и прекращения правоотношений.

Для цифровой подсистемы большое значение будут иметь «смарт-законы» — разновидность смарт-контрактов, определяющих допустимость применения того или иного действия в рамках цифровой среды, и предусматривающих алгоритмы восстановления прав при нарушениях в программном коде. С прикладной точки зрения именно в коде самой программы будут заложены нормы, в соответствии с которыми будут регулироваться все правоотношения, происходящие в соответствующей среде. С формальной точки зрения «смарт-законы» будут выступать автоматизированным правоприменением.

Для реализации предложенной модели правоприменения должны быть соблюдены три главных требования:

1. Наличие нормативно-правового акта на естественном языке;
2. Возможность изложить данный акт в форме программного кода;
3. Наличие технологических возможностей для автоматизированного правоприменения в среде взаимодействия.

Применение технологии «смарт-законов» в сочетании с машиночитаемым правом способны эффективно воздействовать на цифровые отношения.

Таким образом, сущностными отличиями данной подсистемы выступают три признака. Во-первых, она охватит только отношения, протекающие исключительно в цифровой среде. Во-вторых, сама среда будет использована в качестве средства воздействия на правоотношения. И, в-третьих, правоприменение будет осуществляться без вмешательства человека.

3. Дан ответ на вопрос о наделении правосубъектностью цифровых конструкций и содержания правоотношений с участием цифровых конструкций.

Искусственный интеллект, задействованный в экономическом обороте (прежде всего, в заключении сделок), будет вступать в отношения с людьми. Это означает, что ему потребуется определённый правовой статус. Статус объекта права не учитывает самостоятельность искусственного интеллекта и его способность принимать собственные решения. Правосубъектность по аналогии с физическим лицом упирается в религиозные и философские вопросы. Для разработки новой модели правосубъектности на данный момент не хватает эмпирических данных. Наиболее рациональным видится наделение искусственного интеллекта правосубъектностью по модели юридического лица или, в качестве полумеры, по модели неправосубъектного агента.

4. Определена правовая природа цифровых ценностей в контексте объектов прав.

В рамках цифровизации активно появляются блага, способные существовать исключительно в цифровой среде. Кроме того, существуют и иные блага, не связанные с новейшими технологиями: «имущество» в компьютерных играх, различные бонусные баллы в торговых сетях и т.п. Для целей теории государства выделена категорию «цифровых ценностей» как благ, способных существовать исключительно в цифровой среде.

Ключевым признаком объекта прав представляется способность удовлетворять потребности, так как субъект вступает в правоотношения, прежде всего преследуя некое благо. При этом в зависимости от интересов в качестве

такого блага может выступать почти любой феномен — ограничения проявляются в сфере экономической целесообразности. Признак обособленности видится необходимым для индивидуализации объекта прав. Таким образом, «цифровые ценности» выступают в качестве объектов прав.

Криптовалюты с технологической точки зрения тождественны цифровым валютам центральных банков. Ключевым отличием выступает то, что эмиссия осуществляется частным лицом. Специфика данных валют заключается в том, что они существуют только в цифровой среде и не могут её покинуть, сменить своё закрепление с цифровой на материальную форму. На наш взгляд, данная особенность не позволяет определить их как принципиально новые объекты прав — речь скорее должна идти о способе закрепления. Тем не менее их можно отнести к категории «цифровых ценностей».

Токен с технологической точки зрения выступает цифровой единицей учёта блага. Ключевым отличием токена от бездокументарной ценной бумаги выступает то, что он существует только в цифровой среде. На наш взгляд, понятие «токены» следует отнести к цифровым ценностям, чтобы не множить категории. В таком случае в качестве цифровых ценностей стоит рассматривать и различные бонусные баллы в торговых сетях или «внутрикорпоративную валюту».

Цифровые ценности либо представляют собой классический объект в новой форме, либо являются способом фиксации классического объекта. Если мы исходим из концепции блага, то для отнесения того или иного феномена к объектам прав необходимо, что бы он мог удовлетворять человеческие потребности. Цифровизация не способна повлиять на человеческую природу, следовательно, наши потребности не меняются, могут измениться лишь формы их удовлетворения, не влияющие на их содержание.

5. Дано толкование изменений в законодательстве, направленных на реализацию Национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», во взаимосвязи с правовой культурой.

Законодательство, регулирующее использование цифровых технологий, всегда несколько отставало от реально складывающихся практик. В России на

законодательном уровне обратили внимание на проблему правового регулирования сети Интернет только в 90-е годы, а специализированное законодательство стало появляться в середине 2000-х годов, когда соответствующие технологии укоренились в обществе и экономике. Наиболее бурный рост нормативного материала пришёлся на начало 2010-х годов. Это связано с повсеместным распространением Интернета и увеличением количества пользователей. Современный четвёртый этап развития отечественного законодательства, связанного с регулированием цифрового (Интернет) пространства связан, прежде всего, с внедрением в правовое поле новейших цифровых технологий, включая блокчейн, нейросети и искусственный интеллект. На данный момент законодательством учитываются не все возможности данных технологий.

Отметим, что законодатель излишне осторожен, когда дело касается диспозитивного метода. С учётом политики, обозначенной в программных документах, для развития цифровой экономики прежде всего требуется стимулировать субъектов хозяйственной деятельности, что невозможно исключительно экономическими методами. Также необходимо оказывать влияние на правовую культуру.

Однако изменения стоит оценить скорее позитивно, так как они способствуют цифровизации российского общества и экономики, позволяя последней выдерживать конкуренцию с другими развитыми государствами.

6. Определены ограничения правового эксперимента для разработки законопроектов, связанных с цифровыми технологиями.

Российскому законодателю известен метод правового эксперимента. Но до недавнего времени правовой эксперимент проводился преимущественно в формате ex post facto (после свершившегося). Для правового прогнозирования вводились изменения в централизованное регулирование, заявленное как экспериментальное, а при выявлении его недостатков вносились поправки. Однако данная тенденция изменилась при проведении локального правового эксперимента, то есть в ограниченном (территорией, организацией и т.п.) правовом поле, что уже частично

позволяет избежать «правового хаоса» и других проблем регулирования при стихийном правотворчестве. Однако на данный момент отсутствует законодательно закреплённая методология проведения правового эксперимента. Требуется разработать и принять соответствующий федеральный закон, который закрепит базовые нормы для правового эксперимента. На данный момент для каждого эксперимента принимается отдельный комплект нормативно-правовых актов, не связанных единым источником, что создаёт дополнительные риски нарушения прав граждан и организаций, а также нарушений публичного порядка. Данные риски уменьшаются при применении регулятивных песочниц, именуемых в последних отечественных нормативно-правовых актах в качестве экспериментальных правовых режимов. Подобный формат правового эксперимента можно назвать локальным.

В качестве наиболее существенного недостатка локального правового эксперимента выделяется неэффективность применения в сферах, не подлежащих масштабированию, поскольку собранные экспериментальные данные не выполняют прогностическую функцию. Также локальность эксперимента не функционирует в рамках обязывающе-запретительного типа правового регулирования (возложение обязанностей и установление запретов). Наибольший эффект достигается при дозволительном (управомачивающем) типе.

Положительными сторонами обращения к правовому локальному эксперименту являются:

- снижение угрозы нарушения прав и свобод большого количества как физических, так и юридических лиц;
- доступность анализа вариантов регулирования в реальном времени;
- учет экономических потребностей;
- возможность работы с малым бизнесом;
- анализ соответствия ресурсной базы конкретных предприятий и его возможного регулирования;
- точечный надзор за введением инноваций, имеющих риски.

Таким образом, для унификации и преодоления части проблем правового эксперимента требуется принять единое федеральное законодательство, закрепляющее случаи допустимости и основные правила проведения правого эксперимента (учитывать масштабируемость и локальность).

Проведенное исследование позволяет расширить представление о взаимодействии цифровых технологий и права. Сформулированные в настоящей работе выводы и предложения могут служить основой для дальнейших научных разработок, а отдельные результаты настоящего исследования учитываться при создании специализированной нормативно-правовой базы и поправок к действующему законодательству.

Список литературы

Нормативно-правовые акты и иные правовые источники

1. "Конституция Российской Федерации" (ред. от 06.10.2022) // "Официальный интернет-портал правовой информации" (www.pravo.gov.ru).
2. "Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных" (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ N 108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15.06.1999) // "Собрание законодательства РФ", 03.02.2014, N 5, ст. 419.
3. "Венская Конвенция о праве международных договоров" (Заключена в Вене 23.05.1969) // "Ведомости ВС СССР", 10.09.1986, N 37, ст. 772.
4. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от ред. от 31.07.2025) // "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
5. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // "Собрание законодательства РФ", 29.01.1996, N 5, ст. 410.
6. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // "Собрание законодательства РФ", 25.12.2006, N 52 (1 ч.), ст. 5496.
7. "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // "Собрание законодательства РФ", 29.07.2002, N 30, ст. 3012.
8. "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // "Собрание законодательства РФ", 18.11.2002, N 46, ст. 4532.
9. "Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации" от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // "Собрание законодательства РФ", 09.03.2015, N 10, ст. 1391.

10."Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // "Собрание законодательства РФ", 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 3.
11."Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // "Собрание законодательства РФ", 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
12. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // "Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
13.Федеральный закон от 24.07.2023 N 340-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (ред. от 28.12.2024) // "Собрание законодательства РФ", 31.07.2023, N 31 (Часть III), ст. 5766.
14.Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 03.08.2020, N 31 (часть I), ст. 5017.
15.Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 03.08.2020, N 31 (часть I), ст. 5018.
16.Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 25.03.2019, N 12, ст. 1224.
17.Федеральный закон от 29.05.2019 г. N 103-ФЗ "О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва" // "Собрание законодательства РФ", 03.06.2019, N 22, ст. 2659.
18.Федеральный закон от 02.08.2019 N 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 05.08.2019, N 31, ст. 4418.

19. Федеральный закон от 06.07.2016 N 374-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности" // "Собрание законодательства РФ", 11.07.2016, N 28, ст. 4558.
20. Федеральный закон от 23.06.2016 N 208-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" // "Собрание законодательства РФ", 27.06.2016, N 26 (Часть I), ст. 3877.
21. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "О государственной регистрации недвижимости" // "Собрание законодательства РФ", 20.07.2015, N 29 (часть I), ст. 4344.
22. Федеральный закон от 24.11.2014 N 364-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 01.12.2014, N 48, ст. 6645.
23. Федеральный закон от 05.05.2014 N 97-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей" // "Собрание законодательства РФ", 12.05.2014, N 19, ст. 2302.
24. Федеральный закон от 12.03.2014 N 35-ФЗ "О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 17.03.2014, N 11, ст. 1100.
25. Федеральный закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ (ред. от 23.05.2025) "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 24.02.2014, N 8, ст. 740.

26. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" // "Собрание законодательства РФ", 08.04.2013, N 14, ст. 1652.
27. Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 23.05.2025) "О национальной платежной системе" // "Собрание законодательства РФ", 04.07.2011, N 27, ст. 3872.
28. Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) "Об электронной подписи" // "Собрание законодательства РФ", 11.04.2011, N 15, ст. 2036.
29. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // "Собрание законодательства РФ", 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448.
30. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) "О персональных данных" // "Собрание законодательства РФ", 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3451.
31. Федеральный закон от 10.01.2003 N 19-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О выборах Президента Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 13.01.2003, N 2, ст. 171.
32. Федеральный закон от 10 января 2003 г. N 20-ФЗ (ред. от 23.05.2025) "О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации "Выборы" // "Собрание законодательства РФ", 13.-.2003 N 2, ст. 172.
33. Федеральный закон от 10.01.2002 N 1-ФЗ (ред. от 08.11.2007) (утратил силу — 30.06.2013) "Об электронной цифровой подписи" // "Собрание законодательства РФ", 14.01.2002, N 2, ст. 127.
34. Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 23.05.2025) "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 17.06.2002, N 24, ст. 2253.
35. Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных

предпринимателей" // "Собрание законодательства РФ", 13.08.2001, N 33 (часть I), ст. 3431.

36. Федеральный закон от 04.07.1996 N 85-ФЗ (ред. от 29.06.2004) (утратил силу — 08.08.2006) "Об участии в международном информационном обмене" // "Собрание законодательства РФ", 08.07.1996, N 28, ст. 3347.
37. Федеральный закон от 20.02.1995 N 24-ФЗ (ред. от 10.01.2003) (утратил силу — 08.08.2006) "Об информации, информатизации и защите информации" // "Собрание законодательства РФ", 20.02.1995, N 8, ст. 609.
38. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "Об акционерных обществах" // "Собрание законодательства РФ", 01.01.1996, N 1, ст. 1.
39. Закон г. Москвы от 22.05.2019 N 18 "О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва" // "Ведомости Московской городской Думы", 10.07.2019, N 6, ст. 61.
40. Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" // "Собрание законодательства РФ", 13.05.2024, N 20, ст. 2584.
41. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года") // "Собрание законодательства РФ", 14.10.2019, N 41, ст. 5700.
42. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы" // "Собрание законодательства РФ", 15.05.2017, N 20, ст. 2901.
43. Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 12.12.2016, N 50, ст. 7074.

44."Доктрина информационной безопасности Российской Федерации" (утв. Президентом РФ 09.09.2000 N Пр-1895) (утратила силу — 05.12.2016) // "Российская газета", N 187, 28.09.2000.

45. Указ Президента РФ от 06.03.1997 N 188 (ред. от 13.07.2015) "Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера" // "Собрание законодательства РФ", 10.03.1997, N 10, ст. 1127.

46. Указ Президента РФ от 20.01.1994 N 170 (ред. от 09.07.1997) "Об основах государственной политики в сфере информатизации" // "Собрание актов Президента и Правительства РФ", 24.01.1994, N 4, ст. 305.

47. Распоряжение Правительства РФ от 12.02.2019 N 195-р <О признании утратившим силу распоряжения Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р> // "Собрание законодательства РФ", 25.02.2019, N 8, ст. 803.

48. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р <Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации"> (утратило силу — 11.02.2019) // "Собрание законодательства РФ", 07.08.2017, N 32, ст. 5138.

49. Постановление ЦИК России от 20.12.2023 N 143/1099-8 (ред. от 14.02.2024) "О дистанционном электронном голосовании на выборах Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года" (вместе с "Порядком дистанционного электронного голосования на выборах Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года") // "Вестник ЦИК России", N 2, 2024.

50. Постановление ЦИК России от 08.06.2022 N 86/716-8 (ред. от 23.07.2025) "О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем" // "Вестник ЦИК России", N 5, 2022.

51. Постановление ЦИК России от 20.07.2021 N 26/225-8 (ред. от 03.09.2021) "О Порядке дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года" // "Вестник ЦИК России", N 13, 2021.

52. Официальный отзыв Правительства РФ на законопроект о регулировании существующих в интернете новых объектов имущественных экономических

отношений. 08.06.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://m.government.ru/all/32876/ (дата обращения: 16.10.2025).

53. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 17.01.2019 № 183-1/2019). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=181511#ZzmsNvUkdvDT3gID (дата обращения: 16.10.2025).
54. Паспорт федерального проекта "Цифровые технологии" (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 N 9). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/10.pdf (дата обращения: 16.10.2025).
55. Паспорт федерального проекта "Нормативное регулирование цифровой среды" (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 N 9). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/08f25bcd101aecc2ad6142099117dccd/pasport_fp_normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy.pdf (дата обращения: 16.10.2025).
56. "Концепция развития технологий машиночитаемого права" (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 N 31) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6a6f3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

57."Основные направления развития финансовых технологий на период 2025 - 2027 годов" (одобрены Советом директоров Банка России) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/166399/onfintech_2025-27.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

58."Регламент по операционно-техническому взаимодействию Финансового посредника и Банка России при осуществлении операций на Платформе цифрового рубля" (утв. Банком России) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/150446/reglament_dr_20230807_2.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

59."Регламент взаимодействия Финансового посредника и Банка России при управлении криптографическими ключами Платформы Цифрового рубля (вторая редакция)" (утв. Банком России) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/150168/reglament_dr_20230807_1.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

60. Проект Федерального закона N 419059-7 «О цифровых финансовых активах» / Внесён в Госдуму субъектом права законодательной инициативы группой депутатов Государственной Думы А. Г. Аксаков, И. Б. Дивинский, О. А. Николаев, Р. М. Марданшин, А. А. Гетта, М. Л. Шаккум, А. Б. Выборный, К. Г. Слыщенко, Е. Б. Шулепов, В. И. Афонский, Н. Д. Боева, И. Е. Марьяш, С. В. Железняк, А. И. Воевода, С. А. Вострецов, А. В. Чернышев и членов Совета Федерации Н. А. Журавлев, А. Н. Епишин, В. В. Полетаев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7?ref=hackernoon.com (дата обращения: 16.10.2025).

61.Проект Федерального закона «О регулировании российского сегмента сети Интернет» / Подготовлен Комитетом по информационной политике Госдумы РФ (не вносился в Госдуму) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://libertarium.ru/17224 (дата обращения: 16.10.2025).

62. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» / Проект Гришина Дмитрия Сергеевича (Grishin Robotics) (не вносился в Госдуму) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dentons. com/ru/insights/alerts/2017/january/27/dentons-develops-first-robotics-draft-law-in-russia. (дата обращения: 16.10.2025).
63. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023. № 15АП-8889/23 по делу № А32–36944/2022
64. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.03.2023. № Ф09–5299/22 по делу № А76–3161/2021
65. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2020. № Ф05–15858/20 по делу № А40–93872/2019
66. Апелляционное определение Московского городского суда от 12 июля 2016 г. N 33-27140/16.
67. Апелляционное определение № 33-4491/2014 от 18 июля 2014 г. по делу № 33-4491/2014
68. Постановление ФАС Уральского округа от 15.01.2009 N Ф09-10112/08-С4 по делу N А50-4153/2008-Г21
69. ГОСТ Р 59276-2020 «Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения».
70. ГОСТ Р 60.0.0.4-2019/ИСО 8373:2012 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения».
71. Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/. (дата обращения: 16.10.2025).

Иностранные нормативно-правовые акты и иные правовые источники

72. Декрет № 8 от 21 декабря 2017 г. О развитии цифровой экономики// [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716 (дата обращения: 16.10.2025).

73. Закон Штата Аризона № 2417 от 29.03.2017 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legiscan.com/AZ/text/HB2417/id/1588180 (дата обращения: 16.10.2025).
74. Закон Южной Кореи «О содействии развитию и распространению умных роботов» (2008)
75. Исследование по вопросу о необходимости учета и признания прав Матери-Земли E/C.19/2010/4 // ООН, Экономический и Социальный Совет 15 января 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/esa/socdev/unpfii/documents/E.C.19.2010.4%20RU.pdf (дата обращения: 16.10.2025)
76. Международная классификация товаров и услуг для регистрации знаков (МКТУ) (11-я редакция, изд. 1-е). Правовая система «Кодекс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/420273241 (дата обращения: 16.10.2025).
77. Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс» (Публикация Международной торговой палаты 1990 г. № 460) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/8000123 (дата обращения: 16.10.2025).
78. План развития технологий искусственного интеллекта нового поколения / Документ (Гуо Фа) [2017] № 35
79. Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/full/2022/2022fcafc0062 (дата обращения: 16.10.2025).
80. Independent high-level expert group on artificial intelligence set up by the European Commission. Ethic guidelines for trustworthy AI. High-Level Expert Group on Artificial Intelligence. - 2019. – 41 p.

81. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commissionon Civil Law Ruleson Robotics (2015/2103(INL)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html#title1 (дата обращения: 16.10.2025).
82. Federal Act on the Amendment of the Swiss Civil Code (Part Five: The Code of Obligations).
83. Innovative Technology Arrangementand Services Act of 1 November 2018 (Chapter 592 of the Laws of Malta).
84. Malta Digital Innovation Authority Act of 15 July 2018 (Chapter 591 of the Laws of Malta).
85. Open letter to the European commission artificial intelligence and robotics. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.robotics-openletter.eu (дата обращения: 16.10.2025).
86. Principles for the Ethical Use of Artificial Intelligence in the United Nations System. (2022, 20 сентября). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unsceb.org/principles-ethical-use-artificial-intelligence-united-nations-system (дата обращения: 16.10.2025).
87. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. (2021, 25 ноября). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373434 (дата обращения: 16.10.2025).
88. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA relevance) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AL_202401689 (дата обращения: 16.10.2025).
89. Shiromani Gurudwara Prabhandhak Committe v. Som Nath Dass AIR 2000 SC 1421.
90. South West Terminal Ltd. v Achter Land, 2023 SKKB116.

91. Te Awa Tupua (WhanganuiRiverClaims Settlement) Act 2017. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.legislation.govt.nz/act/public/2017/0007/latest/whole.html (дата обращения: 16.10.2025).
92. Thirteenth Program of Law Reform. Law Com No. 377 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/668113/13th-Programme-of-Law-Reform.pdf. (дата обращения: 16.10.2025).
93. U.S. Code § 7001.General rule of validity // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/7001 (дата обращения: 16.10.2025).
94. UNIFORM COMMERCIAL CODE Act 174 of 1962 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/ucc (дата обращения: 16.10.2025).
95. Uniform Electronic Transactions Act, UETA // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.uniformlaws.org/committees/community-home/librarydocuments?communitykey=2c04b76c-2b7d-4399-977e-d5876ba7e034&tab=librarydocuments (дата обращения: 16.10.2025).
96. Virtual Financial Assets Act of 1 November 2018 (Chapter 590 of the Laws of Malta).

Научная и иная специальная литература

97. Абрамов, Р. А. Основные направления влияния современных технологий на развитие права / Р. А. Абрамов, Д. А. Пашенцев // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2024. – № 1(53). – С. 7-13.
98. Агейчев, А. С. Законодательство в сфере Интернеткоммуникаций: сравнительный анализ российского и международного опыта / А. С. Агейчев // Сравнительная политика. – 2016. – Т. 7, № 2. – С. 73-84.
99. Азизов, Р. Ф. Правовое регулирование сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Азизов Рашад Фикрат оглы. — СПб., 2017. — 331 с.

100. Андриевская, А. Н. Правовые условия признания акцептом эмодзи при переписке в мессенджере / А. Н. Андриевская, Д. А. Косторнов // Юридическая наука. – 2023. – № 12. – С. 109-111.

101. Андрюшин, С. А. Технология распределенных реестров в финансовой сфере России / С. А. Андрюшин // Банковское дело. – 2018. – № 2. – С. 4-15.

102. Анисимова, А. С. Анализ правотворческой политики зарубежных стран в сфере регулирования интернет-отношений / А. С. Анисимова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 5(100). – С. 38-44.

103. Архипов, В. В. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности / В. В. Архипов, В. Б. Наумов // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157-170.

104. Ащин, Е.Н. Правовое регулирование электронного бизнеса // Закон и право. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002, № 10. - С. 33-35.

105. Белов, В. А. Гражданское право. Т.2. Общая часть. Лица, блага, факты : Учебник для бакалавров / В. А. Белов. – 1-е изд.. – Москва : Издательство Юрайт, 2015. – 1093 с. – (Бакалавр и магистр. Академический курс). –

106. Белых, В. С. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование / В. С. Белых, М. А. Егорова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 2(54). – С. 139-146.

107. Бельдина, О. Г. Правовое регулирование смарт-контрактов / О. Г. Бельдина // Аллея науки. – 2018. – Т. 3, № 9(25). – С. 672-674.

108. Блокчейн на пике хайпа: правовые риски и возможности / А. Ю. Иванов, М. Л. Башкатов, Е. В. Галкова [и др.]. – Москва : Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2017. – 240 с.

109. Богданова, Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом / Е. Е. Богданова // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 7(152). – С. 108-118.

110. Бочкова, С. С. Экспериментальный правовой режим как механизм внедрения цифровых инноваций в предпринимательскую деятельность / С. С. Бочкова // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – Т. 14, № 5. – С. 147-156.

111. Будылин С.Л. «Большой палец вверх» — акцепт или оскорбление? Эмодзи, семиотика и право // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 8. С. – 68-97.

112. Бухонова, Л. Р. Тенденции и перспективы развития конституционного права частной собственности в современном мире / Л. Р. Бухонова // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 1(62). – С. 50-57.

113. Бычков А. Защита персональных данных: новые требования, обязанности и сроки // Юридический справочник руководителя. – 2022. – № 9. – С. 11-17.

114. Василевская, Л. Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации / Л. Ю. Василевская // Хозяйство и право. – 2019. – № 5(508). – С. 3-14.

115. Васильев, А. А. Термин "искусственный интеллект" в российском праве: доктринальный анализ / А. А. Васильев, Д. Шпоппер, М. Х. Матаева // Юрислингвистика. – 2018. – № 7-8. – С. 35-44.

116. Ваховский, А. М. Политико-правовые вопросы регулирования Интернета: мировой опыт и российская практика / А. М. Ваховский // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2. – С. 3-11.

117. Вашкевич А. Пять выводов о смарт-контрактах // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/12/27/pyat_vyvodov_o_smart-kontraktah (дата обращения: 16.10.2025).

118. Волкова, А. Ю. Персональные данные как объект уголовно-правовой охраны / А. Ю. Волкова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2023. – № 3. – С. 132-137.

119. Волкова, Г. Е. Гарантии обеспечения цифровых прав человека в цифровом пространстве / Г. Е. Волкова // Философия права. – 2024. – № 2(109). – С. 23-28.

120. Володенков, С. В. Особенности интернет-коммуникации в современном политическом процессе / С. В. Володенков // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2014. – № 2. – С. 12-20.

121. Воложанин, А. А. Историческая основа Федерального закона №152-ФЗ "о персональных данных" / А. А. Воложанин, Е. В. Губанова // Научный вестник Крыма. – 2021. – № 6(35).

122. Гаджиев, Г. А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) / Г. А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2018. – № 1(253). – С. 15-30.

123. Гайворонская, Я. В. Нескромное обаяние цифровизации / Я. В. Гайворонская, О. И. Мирошниченко, А. Ю. Мамычев // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 40-47.

124. Гармашев, М. А. Смарт-контракт как договор. Виды, способы заключения и совершения, проблемы исполнения / М. А. Гармашев // Legal Bulletin. – 2023. – Т. 8, № 2. – С. 77-87.

125. Гаско, А. В. Правовые дефекты в законодательном регулировании виртуальной реальности / А. В. Гаско // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12(61). – С. 34-40.

126. Глобенко, О. А. Искусственный интеллект: дискурс о правовой квалификации и перспективах применения в правовой сфере / О. А. Глобенко, Е. Б. Портная // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7(223). – С. 48-50.

127. Глушаченко, С. Б. История развития правового регулирования цифрового (интернет-) пространства в России / С. Б. Глушаченко, Н. Е. Ладенков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2025. – № 1. – С. 5-14.

128. Грипич, С. А. Перспективы формирования цифровизационного правового цикла в российском праве / С. А. Грипич // Философия права. – 2021. – № 1(96). – С. 159-163.

129. Гришаев, С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав / С. П. Гришаев; подгот. для КонсультантПлюс, 2015 // Справ.-правовая сист. "КонсультантПлюс". - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

130. Гутник, С. И. Уголовно-правовая характеристика преступных посягательств в отношении персональных данных: дис. … канд. юрид. наук / С. И. Гутник. – Красноярск. –2017. – 241 с.

131. Дашков, А. А. Построение доверия при использовании искусственного интеллекта / А. А. Дашков, Ю. О. Нестерова // E-Management. – 2021. – Т. 4, № 2. – С. 28-36.

132. Дерюшева, О. И. Особенности цифровизации права в гражданских правоотношениях / О. И. Дерюшева, А. М. Годовникова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4. – С. 256-258.

133. Друева, А. А. Значение и роль цифрового актива в условиях цифровой трансформации / А. А. Друева // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 4А. – С. 69–74.

134. Долгов, С. Ф. Особенности правоотношений, возникающих в Интернет-пространстве / С. Ф. Долгов // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7(223). – С. 39-41.

135. Долгов, С. Ф. Особенности формирования правовых обычаев в цифровой среде / С. Ф. Долгов // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 11(239). – С. 23-25.

136. Долгов, С. Ф. Правовой интернет-обычай: постановка проблемы / С. Ф. Долгов, В. Ю. Туранин // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 12(216). – С. 45-47.

137. Должикова, А. Э. Криминализация невыполнения требований по защите персональных данных / А. Э. Должикова // Вестник Югорского государственного университета. – 2023. – № 3. – С. 71-78.

138. Дорская, А. А. Историко-правовой компонент в конструировании социокультурного пространства (на примере понятия социальной травмы) / А.

А. Дорская // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 3(31). – С. 36-43.

139. Дугинова, А. О. Международное сотрудничество РФ в области обеспечения информационной безопасности / А. О. Дугинова // Политика, экономика и инновации. – 2017. – № 3(13). – С. 12.

140. Дьячкова, А. В. Правовые вопросы обеспечения безопасной социальной жизни в неформальной цифровой среде / А. В. Дьячкова, О. В. Соболев, И. В. Птухина // Российское право: образование, практика, наука. – 2023. – № 4. – С. 53-63.

141. Дядькин, Д. С. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования / Д. С. Дядькин, Ю. М. Усольцев, Н. А. Усольцева // Universum: экономика и юриспруденция. – 2018. – № 5(50). – С. 17-20.

142. Евсеев, Е. Ф. О соотношении понятий "животное" и "вещь" в гражданском праве / Е. Ф. Евсеев // Законодательство и экономика. - 2009. - № 2. С. 16—20.

143. Егорова, М. А. Особенности нормативного регулирования цифровой экономики и проблемы антимонопольного регулирования на цифровых рынках как средство защиты национальных интересов / М. А. Егорова // Юрист. – 2018. – № 11. – С. 7-10.

144. Ефимова, Л. Г. Правовая природа смарт-контракта / Л. Г. Ефимова, О. Б. Сиземова // Банковское право. – 2019. – № 1. – С. 21-28.

145. Жуков, А. З. Основные проблемы правового регулирования интернет-отношений в Российской Федерации / А. З. Жуков // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 5. – С. 282-285.

146. Зайцева, Е. С. Юридическое прогнозирование как средство установления пределов правового регулирования / Е. С. Зайцева // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – Т. 27, № 3(82). – С. 221-225.

147. Залоило, М. В. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации / М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 196-209.

148. Зорькин, В. Д. Право против хаоса : монография / В.Д. Зорькин. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2025. — 536 с.

149. Ильина, Т. Н. Взаимодействие Российского государства и общества в правовой сфере: историко-правовой анализ / Т. Н. Ильина, А. А. Дорская, А. Ю. Дорский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т. 9, № 4. – С. 467-483.

150. Ильин, В. Г. Объекты гражданских прав в условиях цифровизации имущества / В. Г. Ильин // Интерактивная наука. – 2022. – № 10(75). – С. 71-74.

151. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. – М.: Госюриздат, 1961. – 381 с.

152. Камалян, В. М. Понятие и правовые особенности смарт-контрактов / В. М. Камалян // Юрист. – 2019. – № 4. – С. 20-27.

153. Кардонов, А. В. Сферы применения смарт-контрактов и риски при работе с ними / А. В. Кардонов // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2018. – № 1(9). – С. 44-47.

154. Карцхия, А. А. "Облачные" технологии: российское и зарубежное законодательство и практика правоприменения / А. А. Карцхия // Мониторинг правоприменения. – 2018. – № 2(27). – С. 36-41.

155. Карцхия, А. А. Цифровая революция: новые технологии и новая реальность / А. А. Карцхия // Правовая информатика. – 2017. – № 1. – С. 13-18.

156. Карцхия, А. Цифровое будущее классической цивилистики / А. Карцхия // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2018. – № 5.

157. Касаткина, В. В. Токен и криптовалюта: их понятие и взаимосвязь в современной экономике / В. В. Касаткина // Цифровые технологии в экономической сфере: возможности и перспективы : сборник научных статей. – Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2017. – С. 22-28.

158. Кокоева, Л. Т. Цифровые права в системе объектов гражданских прав / Л. Т. Кокоева, А. Э. Колиева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 3(219). – С. 175-178.

159. Комлев, Н. Ю. Правовая природа токена (цифрового права) как нового объекта гражданских правоотношений / Н. Ю. Комлев // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2019. – Т. 4, № 2(8). – С. 59-62.

160. Комментарий практики рассмотрения арбитражных споров (судебно-арбитражной практики) / П. Д. Багрянская, О. А. Беляева, С. А. Бурлаков [и др.] ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Том Выпуск 27. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ", 2020. – 224 с.

161. Конобеевская, И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав / И. М. Конобеевская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – Т. 19, № 3. – С. 330-334.

162. Корнев, А. В. Технологические революции и право / А. В. Корнев // История государства и права. – 2019. – № 5. – С. 3-10.

163. Коробейникова, К. В. Цифровизация государственно-правовой сферы: теоретико-правовой аспект / К. В. Коробейникова // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 5(221). – С. 12-15.

164. Костян, О. А. Проблемы и перспективы унификации понятий «токены», «цифровые активы» и «цифровые права» / О. А. Костян // Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 58-64.

165. Краснова, С. И. Правовой хаос как антагонист правового порядка / С. И. Краснова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 12. – С. 173-177.

166. Кухта, М. С. Дизайн в информационном обществе: исчезающая функция вещи / М. С. Кухта // Труды Академии технической эстетики и дизайна. – 2014. – № 2. – С. 36-38.

167. Ладенков, Н. Е. Влияние технологических революций на право / Н. Е. Ладенков // Философия права. – 2022. – № 1(100). – С. 45-49.

168. Ладенков, Н. Е. Влияние цифровизации на правовую культуру / Н. Е. Ладенков // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции В 6 т., Казань, 22 сентября 2023 года. – Казань: Издательство "Познание", 2023. – С. 36-43.

169. Ладенков, Н. Е. Историко-теоретические аспекты регулирования защиты персональных данных / Н. Е. Ладенков // Цифровые технологии и право : Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 20 сентября 2024 года. – Казань: Издательство "Познание", 2024. – С. 26-30.

170. Ладенков, Н. Е. Локальное правовое регулирования цифровых отношений внутри сообщества / Н. Е. Ладенков // Наступившее будущее: новые форматы, смыслы и сущности образования : Материалы XVIII международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 октября 2019 года / Международный банковский институт. – Санкт-Петербург: Международный бан, 2019. – С. 108-114.

171. Ладенков, Н. Е. Локальное регулирование цифровой экономики / Н. Е. Ладенков // Вестник экономического научного общества студентов и аспирантов, Санкт-Петербург, 23 мая 2019 года / Международный банковский институт. Том Выпуск 54. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт, 2019. – С. 4-7.

172. Ладенков, Н. Е. Модели наделения искусственного интеллекта правосубъектностью / Н. Е. Ладенков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – № 3. – С. 12-20.

173. Ладенков, Н. Е. Преобразование правовой системы под влиянием цифровизации: постановка проблемы / Н. Е. Ладенков // Смирновские чтения – 2020. Ключевые вызовы наступившего десятилетия : Материалы XIX международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 19 марта

2020 года / Международный банковский институт имени Анатолия Собчака. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2020. – С. 19-25.

174. Ладенков, Н. Е. "Смарт-закон" как технология правоприменения / Н. Е. Ладенков // Наступившее будущее: новые форматы, смыслы и сущности образования : Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 октября 2021 года / МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ АНАТОЛИЯ СОБЧАКА. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2021. – С. 63-72.

175. Ладенков, Н. Е. Смарт-контракты в российском гражданском праве / Н. Е. Ладенков // Новеллы права, экономики и управления 2019 : сборник научных трудов по материалам V международной научно-практической конференции, Гатчина, 22 ноября 2020 года. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2020. – С. 70-73.

176. Ладенков, Н. Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции / Н. Е. Ладенков // Философия права. – 2021. – № 1(96). – С. 164-168.

177. Ладенков Н.Е. Цифровая подсистема права: зарождение и проявление / Н. Е. Ладенков // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 9. С. 8-12.

178. Лапач, В. А. Система объектов гражданских прав : Теория и судебная практика / В. А. Лапач. – Санкт-Петербург : Издательство "Юридический центр Пресс", 2002. – 544 с.

179. Лаптев, В. А. Ответственность "будущего": правовое существо и вопрос оценки доказательств / В. А. Лаптев // Гражданское право. – 2017. – № 3. – С. 32-35.

180. Лапшин, В. Ф. Назначение уголовного наказания компьютерной программой: правовая инновация или деградация? / В. Ф. Лапшин // Пенитенциарная наука. – 2020. – Т. 14, № 2(50). – С. 192-198.

181. Лисицын-Светланов, И. А. Правовой обычай в Интернете / И. А. Лисицын-Светланов // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2010. – № 5. – С. 23-29.

182. Личичан О. П., Тирских М. Г. К вопросу о понятии правовой системы // Сибирский юридический вестник. 2008. №2. С. 27-32.

183. Лукоянов, Н. В. Правовые аспекты заключения, изменения и прекращения смарт-контрактов / Н. В. Лукоянов // Юридические исследования. – 2018. – № 11. – С. 28-35.

184. Лунгу, Е. В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений / Е. В. Лунгу // Lex Russica (Русский закон). – 2025. – Т. 78, № 3(220). – С. 86-97.

185. Мамитова, Н. В. Использование инструментов цифровой экономики в контексте минимизации коррупционных рисков и формирования антикоррупционного сознания / Н. В. Мамитова, Д. Р. Ахматова // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2018. – № 5(101). – С. 3-10.

186. Мамычев, А. Ю. Моделируя будущее права: проблемы и противоречия правовой политики в сфере нормативного регулирования систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий / А. Ю. Мамычев, О. И. Мирошниченко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 2. – С. 125-133.

187. Мацкевич, И. М. Причины экономической преступности : учебное пособие / И. М. Мацкевич. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – 272 с.

188. Меликов, У. А. Криптовалюта в системе объектов гражданских прав / У. А. Меликов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 60-66.

189. Милосердов, А. С. Конституционализация цифровой правовой среды в современной России / А. С. Милосердов, А. И. Николаев // Образование и право. – 2023. – № 8. – С. 75-78.

190. Минина, А. А. Отдельные особенности правового режима и защиты персональных данных / А. А. Минина, Г. Ю. Атаян, А. Т. Богатырева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8(224). – С. 164-167.

191. Миронов, В. В. От классической к электронной культуре: сложности перехода / В. В. Миронов // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (2013-2023) : Сборник статей. К 300-летию Российской академии наук. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, 2023. – С. 605-610.

192. Михайлова, Е. В. Цифровизация права в контексте его сущности и применения / Е. В. Михайлова // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 7(161). – С. 83-86.

193. Моисеенко, Ю. П. К вопросу о перспективной концепции государственно-правового регулирования правоотношений в сети Интернет / Ю. П. Моисеенко // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 84-88.

194. Мохат, П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд / П. М. Мохат. – Москва : КТ "Буки-Веди", 2017. – 257 с.

195. Мохат, П. М. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы / П. М. Мохат // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24, № 3. – С. 280-283.

196. Мусина, К. С. Идентификация правосубъектности искусственного интеллекта: кросс-национальный анализ законодательств зарубежных стран / К. С. Мусина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2023. – Т. 27, № 1. – С. 135-147.

197. Наумов, В. Б. Правовые проблемы машинного обучения / В. Б. Наумов, Е. В. Тытюк // Образование и право. – 2020. – № 6. – С. 219-231.

198. Наумов, В.Б. Развитие интернет-права в России: право в сетях XXI века [Электр. ресурс] / В.Б. Наумов. - Электрон. кн. - СПб. - 2016. - URL: http://www.russianlaw.net/files/law/doc/aa71.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

199. Новоселова, Л. "Токенизация" объектов гражданского права / Л. Новоселова // Хозяйство и право. – 2017. – № 12(491). – С. 29-44.

200. Осмоловская, А. С. Смарт-контракты: функции и применение / А. С. Осмоловская // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2018. – № 2(10). – С. 54-56.

201. Павлова, Д. А. Цифровые правоотношения / Д. А. Павлова // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1(71). – С. 159-173.

202. Пашенцев, Д. А. Модели правотворческой деятельности в условиях цифровизации27 / Д. А. Пашенцев // Образование и право. – 2021. – № 9. – С. 72-75.

203. Перов, В. А. Криптовалюта как объект гражданского права / В. А. Перов // Гражданское право. – 2017. – № 5. – С. 7-9.

204. Петренко, М. Н. Искусственный интеллект: о проблемах правового статуса / М. Н. Петренко // Аллея науки. – 2018. – Т. 1, № 1(17). – С. 491-494.

205. Петрищева, Е. Н. Правовые аспекты государственного регулирования Рунета / Е. Н. Петрищева, С. В. Лемайкина // Юристъ-Правоведъ. – 2017. – № 3(82). – С. 177-183.

206. Полякова, Т. А. Цифровой оборот данных - проблемы взаимодействия субъектов и оператора обработки персональных данных / Т. А. Полякова, И. С. Бойченко // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 11(203). – С. 181-184.

207. Понкин, И. В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И. В. Понкин, А. И. Редькина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 91-109.

208. Попова, А. В. Природа природы и онтология человека:к вопросу о новых субъектах права / А. В. Попова, М. Г. Абрамова // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – Т. 3, № 1(10). – С. 54-62.

209. Попова, А. В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании / А. В. Попова // Журнал российского права. – 2018. – № 11(263). – С. 14-24.

210. Правкина, И. Н. Особенности и тенденции изменения российской правовой культуры в современных условиях / И. Н. Правкина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 3(152). – С. 37-43.

211. Правовой порядок развитого социализма: Вопросы теории / В.В. Борисов. - Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1977. - 408 с.

212. Прокопенко, А. Н. Борьба с утечками персональных данных - поможет Ли ужесточение ответственности? / А. Н. Прокопенко // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – Т. 15, № 2(56). – С. 48-56.

213. Прокопович, Г. А. Биткоины в платежной системе онлайн бизнеса: возможности правового обеспечения и проблемы использования / Г. А. Прокопович, А. Р. Юсупов // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 1. – С. 196-200.

214. Просветова, О. Б. Защита персональных данных: автореф. дис. … канд. юрид. наук / О. Б. Просветова. – Воронеж, 2005. – 24 с.

215. Пусурманов, Г. В. Правовые и экономические аспекты введения цифрового рубля в Российской Федерации / Г. В. Пусурманов // Право и практика. – 2023. – № 3. – С. 100-107.

216. Разуваев, Н. В. Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы / Н. В. Разуваев // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2021. – № 1. – С. 18-38.

217. Репьев, А. Г. Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы / А. Г. Репьев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1(97). – С. 44-52.

218. Робот и человек: новое партнерство? / Ю. А. Тихомиров, Н. Б. Крысенкова, С. Б. Нанба, Ж. А. Маргушева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 5(72). – С. 5-10.

219. Родионова, О. М. Гражданско-правовая природа последствий заключения смарт-контрактов / О. М. Родионова // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 6. – С. 183-185.

220. Рожкова, М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве / М. А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2020. – № 10(525). – С. 3-12.

221. Росенко, М. И. Проблемы совершенствования правового регулирования искусственного интеллекта и его использования в гражданском праве России / М. И. Росенко, Е. В. Скребец // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 2(230). – С. 78-81.

222. Сабиров, К. К. Некоторые вопросы законодательного укрепления кибербезопасности в Республике Казахстан / К. К. Сабиров, Ф. Р. Ахмеджанов // Вопросы кибербезопасности. – 2017. – № 3(21). – С. 55-62.

223. Савельев, А. И. Договорное право 2.0: "умные" контракты как начало конца классического договорного права / А. И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 32-60.

224. Савельев, А. И. Некоторые правовые аспекты использованиясмарт-контрактови блокчейн-технологий по российскому праву / А. И. Савельев // Закон. – 2017. – № 5. – С. 94-117.

225. Савельев А. И. Часть 3. Юридическая дефиниция смарт-контракта // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/10/30/chast_3_yuridicheskaya_definiciya_smart-kontrakta (дата обращения: 16.10.2025).

226. Самылов, И. В. Понятие и система коллективных субъектов права / И. В. Самылов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2009. – № 4(6). – С. 25-32.

227. Сауляк, О. П. Законность и правопорядок: на пути к новым парадигмам / О. П. Сауляк ; О. П. Сауляк. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 220 с. – (Теория и история государства и права).

228. Саффо П. Каким будет место человека? Что мы думаем о машинах, которые думают о нас. М., 2017. 552 с.

229. Семеновская Е. Индустриальный Интернет вещей: перспективы российского рынка. IDC Market Spotlight, 2016. 15 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.company.rt.ru/projects/IIoT/study_IDC.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

230. Сидоренко, Э. Л. Адаптивные возможности российского права в условиях цифровой трансформации / Э. Л. Сидоренко // Государственная служба. – 2020. – Т. 22, № 2(124). – С. 56-63.

231. Сидоренко Э. Нужно ли регулировать биткоин? / Э. Сидоренко, А. Савельев, А. Пушков, Р. Янковский и др. // Закон. – 2017. – N 9. С. – 20 – 33.

232. Синюков, В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы / В. Н. Синюков // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 9(154). – С. 9-18.

233. Смирнова, М. Г. Социальные притязания как основа правового эксперимента / М. Г. Смирнова // Юридическая техника. – 2025. – № 19. – С. 240-243.

234. Сироткин, А. А. К вопросу о влиянии цифровизации на состояние правовой культуры российского общества / А. А. Сироткин // Евразийская адвокатура. – 2023. – № 2(61). – С. 119-124.

235. Сочинения. Т. 21 / Маркс К., Энгельс Ф.. 2-е изд. Госполитиздат, 1961. - 745 с.

236. Суслова, С. И. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России / С. И. Суслова, У. Б. Филатова // Пролог: журнал о праве. – 2019. – № 2(22). – С. 8-15.

237. Теория государства и права : [Учеб. для вузов по спец. "Правоведение" / Алексеев С. С., Васьков П. Т., Дюрягин И. Я. и др.]; Под ред. С. С. Алексеева. - М. : Юрид. лит., 1985. - 479 с.

238. Троян, Н. А. Предложения по совершенствованию системы применения цифровых технологий в нормотворческих и правоприменительных процессах / Н. А. Троян // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 4(41). – С. 82-92.

239. Турбанов, А. В. Цифровой рубль как законное платежное средство / А. В. Турбанов // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 1(158). – С. 56-65.

240. Тигранян, Е. А. Правовое регулирование сети Интернет в России как отражение проводимой лидером государства политики / Е. А. Тигранян, А. Е. Базанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2016. – № 4. – С. 122-131.

241. Ткаченко, И. Ю. Возможности наднационального регулирования цифровой экономики в странах БРИКС / И. Ю. Ткаченко // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 5. – С. 99-111.

242. Томаев И. О. Чем полезен блокчейн? Обзор прецедентов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2019/8/13/chem_polezen_blokchejn_obzor_precedentovchem_polezen_blokchejn_obzor_precedentov (дата обращения: 16.10.2025).

243. Тюльканов А. Блокчейну — да, смарт-контрактам — нет: законодатели Невады определились с понятиями // Zakon.ru. 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/06/19/blokchejnu_-_da_smart-kontraktam_-_net_ zakonodateli_nevady_opredelilis_s_ponyatiyami. (дата обращения: 16.10.2025).

244. Тюльканов А. Смарт-контракты — договоры или технические средства? // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/4/7/smart-kontrakty__dogovory_ili_tehnicheskie_sredstva (дата обращения: 16.10.2025).

245. Фазлиева, Л. К. Смарт-контракт в гражданско-правовом обороте / Л. К. Фазлиева, Э. Х. Рахимов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 2(92). – С. 52-57.

246. Филипова, И. А. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? / И. А. Филипова, В. Д. Коротеев // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 2. – С. 359-386.

247. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9(261). – С. 5-16.

248. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1(253). – С. 85-102.

249. Хохлова, Е. В. Уголовно-правовая охрана персональных данных в зарубежных странах / Е. В. Хохлова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 62-78.

250. Цифровое право / А. Дюфло, Л. В. Андреева, В. В. Блажеев [и др.]. – Москва : Издательство Проспект, 2020. – 640 с.

251. Цифровые активыв системе объектов гражданских прав // Закон. – 2018. – № 5. – С. 16-30.

252. Чеклецов В.В. Гибридная реальность. НБИКС как интерфейс «человек - машина» // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д.И. Дубровского. - М.: ООО «Издательство МБА», 2013. С. 107-120.

253. Чехарина, В. И. О конституционализации права на защиту персональных данных: из зарубежного опыта / В. И. Чехарина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 3-2(42). – С. 223-228.

254. Черемисинова, М. Е. Реализация законных интересов в сети Интернет / М. Е. Черемисинова // Журнал российского права. – 2018. – № 9(261). – С. 120-130.

255. Чернышенко А.Г. Правосознание: понятие, структура, сущность в контексте социокультурного анализа // Научная мысль Кавказа. Приложение. – 2002. – № 15. – С. 38.

256. Честнов И. Л. Человеческое измерение правовой реальности: на пути к формированию персоноцентристской теории права / И. Л. Честнов // Актуальные проблемы права в современной России : [сб. науч. ст.] / [под ред. Д. А. Пашенцева]. – М., 2009. – Вып. 10. – С. 46–61.

257. Шобей, Л. Г. К вопросу об особенностях правового регулирования общественных отношений, складывающихся в информационно-телекоммуникационной сети "интернет" / Л. Г. Шобей, К. Е. Григорьев, П. А. Чернова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, № 2(27). – С. 190-193.

258. Яджин, Н. В. Понятие, формы, разновидности цифровых финансовых активов и их правовое регулирование / Н. В. Яджин, В. А. Егоров // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2025. – № 2(72). – С. 54-66.

259. Ястребов, О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы / О. А. Ястребов // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 36-55.

Научная и иная специальная литература на иностранных языках

260. AI Index Report 2025. (2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aiindex.stanford.edu/report/. (дата обращения: 16.10.2025).

261. Barbosa M.M. Inteligência artificial, e-persons e direito: desafi os e perspetivas // Revista Jurídica LusoBrasileira. – 2017. – № 6. – P. 1475–1503

262. Bertolini, A. Robots and AI as Legal Subjects? Disentangling the Ontological and Functional Perspective / A. Bertolini, F. Episcopo // Frontiers in Robotics and AI. – 2022. – Vol. 9.

263. Boar C., Wehrli A. “Ready, steady, go? – Results of the third BIS survey on central bank digital currency “, BIS Paper, no 114, 2021.

264. Bryson, J. J. Patiency is not a virtue: the design of intelligent systems and systems of ethics / J. J. Bryson // Ethics and Information Technology. – 2018. – Vol. 20, No. 1. – P. 15-26.

265. Campbell R. Official: Arizona Law Recognizes Blockchain Signatures and Smart Contracts // CryptoCoinsNews. 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cryptocoinsnews.com/official-arizona-law-recognizes-blockchain-signatures-smartcontracts/. (дата обращения: 16.10.2025).

266. Castronova, E. "The Right to Play". New York Law School Law Review. 2004. Vol. 49. No. 1. P. 185-210.

267. Čerka P., Grigienė J., Sirbikytė G. Liability for Damages Caused by Artificial Intelligence // Computer Law & Security Review. 2015. Vol. 31, №3. P. 376—389.

268. Chris Reed. Making Laws for Cyberspace, Oxford: Oxford Press, 2012, 249 pages, Reprinted 2013.

269. De Filippi P. Blockchain technology as a regulatory technology: From code is law to law is code / P. De Filippi, S. Hassan // First Monday. 2016. Vol. 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/7113/5657. (дата обращения: 16.10.2025).

270. Ferrario, A. In AI We Trust Incrementally: a Multi-layer Model of Trust to Analyze Human-Artificial Intelligence Interactions / A. Ferrario, M. Loi, E. Viganò // Philosophy and Technology. – 2020. – Vol. 33, No. 3. – P. 523-539.

271. Godefroy L. Le code algorihmique au service du droit / L. Godefroy // Recueil Dalloz. 2018. N 14/7771. P. 713 – 792.

272. González M.J.S. Regulación legal de la robótica y la inteligencia artificial: retos de futuro // Revista Jurídica de la Universidad de León. – 2017. – № 4. – P. 25–50.

273. Guerlin G. sur les smart contracts / G. Guerlin // Dalloz IP/IT: Droit de la intellectuelle et du . 2017. N 10. P. 512 – 515.

274. Haenlein, Michael; Kaplan, Andreas (2019). "A Brief History of Artificial Intelligence: On the Past, Present, and Future of Artificial Intelligence". California Management Review. 61 (4): 5–14.

275. Hárs, A. (2022). AI and international law – Legal personality and avenues for regulation. Hungarian Journal of Legal Studies, 62(4), 320–344.

276. Howes D. (2001) e-Legislation: Law-Making in the Digital Age. McGill Law Journal, vol. 47, pp. 39-57.

277. Hubbard F.P. «Do androids dream?»: personhood and intelligent artifacts // Temple Law Review. – 2011. – Vol. 83. – P. 405–474

278. José van Dijck: The Culture of Connectivity: A critical history of social media. New York, Oxford University Press, 2013.

279. Kaulartz M., Heckmann J. Smart Contracts - Anwendungen der Blockchain-Technologie // CR. 2016. S. 621.

280. Kiviat T.I. Beyond bitcoin: issues in regulating blockchain transactions / T.I. Kiviat // Duke Law Journal. 2015. Vol. 65. P. 565 – 607.

281. Mamak, K. Rights for Robots: Artificial Intelligence, Animal and Environmental Law (2020) by Joshua Gellers / K. Mamak // Science and Engineering Ethics. – 2021. – Vol. 27, No. 3. – P. 29.

282. Mulgan, T. Corporate Agency and Possible Futures / T. Mulgan // Journal of Business Ethics. – 2019. – Vol. 154, No. 4. – P. 901-916.

283. Pei J., Cheng L. Deciphering emoji variation in courts: a social semiotic perspective // Humanities and Social Sciences Communications. – 2022. – Vol. 9. Art. No. 445. – P. 1-8.

284. Pendl M. Emojis im (Privat-)Recht. // Mohr Siebeck, – 2022. – 139 S.

285. Roosa S.B. The Next Generation of Artificial Intelligence in Light of In re Bilski // Intellectual Property & Technology Law Journal. – 2009. March. – Vol. 21. – № 3. – P. 6–10.

286. Ryan, M. In AI We Trust: Ethics, Artificial Intelligence, and Reliability / M. Ryan // Science and Engineering Ethics. – 2020. – Vol. 26, No. 5. – P. 2749-2767.

287. Savelyev A. Legal Aspects of Ownership in Modified Open Source Software and its Impact on Russian Software Import Substitution Policy / A. Savelyev // Computer Law & Security Review. 2016. P. 193 – 210.

288. Solum L.B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70, №4. P. 1231—1287

289. Willick M.S. Artificial intelligence: Some Legal Approaches and Implications // AI Magazine. – 1983. – Vol. 4. – № 2. – P. 5–16.